

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.133.1

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ Часть II

В.Т. Клоков

Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета,
кафедра романской филологии
E-mail: kvassiii@mail.ru

В статье рассматриваются основные принципы и этапы развития языковой политики в отношении распространения, употребления и состояния современного французского языка.

Ключевые слова: языковая политика, центризм, экспансионизм, пуризм, имплантация, импорт, наложение, вкрапление, языковое законодательство, реформа орфографии, феминизация имен.

The Modern View on the French Linguistic Policy Development. Part II

V.T. Klokov

The article explores the basic principles and stages in the development of the linguistic policy of the French language in terms of its spread, usage and quality.

Key words: language policy, centrism, expansionism, purism, implantation, import, superposition, interspersion, language legislation, spelling reform, feminization of nouns.

Государственное законодательство и реформы

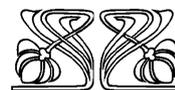
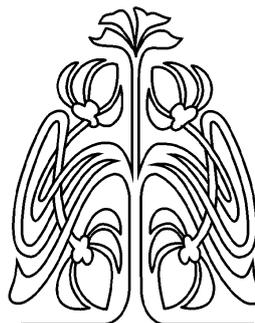
Государственную политику в отношении языков французские власти начали планомерно проводить с того момента, когда в 1539 г. Франциск I издал ордонанс, касавшийся использования французского языка в области судопроизводства. За этим документом последовали другие юридические акты: в 1563 г. положения ордонанса Франциска I были повторены в Руссильонском постановлении Карла IX; в 1629 г. подобные положения были распространены на религиозное судопроизводство; в 1621 г. появилось постановление об официальном использовании французского языка в провинции Беарн; такое же постановление было принято в 1684 г. для Фландрии, в 1685 г. – для Эльзаса, а в 1700 и 1753 гг. – для Руссильона¹.

Большое значение в языковой жизни страны сыграла созданная в 1635 г. Французская Академия – государственное учреждение, в задачу которого ставилось нормирование французского языка и распространение в стране вырабатываемой нормы.

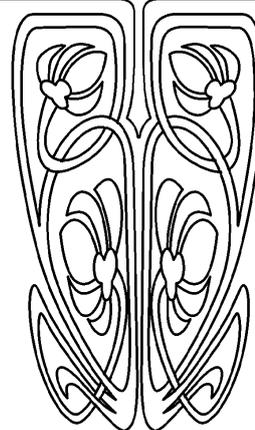
Во времена Французской революции (2 термидора II г.) вышел закон, в котором устанавливалось, что на всей территории Франции любой государственный документ должен писаться только на французском языке. Лица, нарушающие данное положение, должны были нести наказание в виде шестимесячного тюремного заключения, а чиновники – быть уволенными со службы².

Государственные акты монархического режима и революционной Республики привели к выведению из официальной сферы мертвой латыни и запрету на официальное использование всех живых диалектов и региональных языков, кроме французского.

В современную эпоху во Франции также был принят ряд важных законов, направленных, с одной стороны, на употребление француз-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ского языка в общественной сфере, с другой – на регулирование его структуры. Первая группа законов касалась функциональной, вторая – содержательной стороны языка, при этом обе выражают суть единого законодательного процесса в языковой политике современной Франции.

В период с 1973 по 1980 г. во Франции вышло несколько правительственных постановлений о качестве французского языка, запрещавших, в частности, употребление англицизмов и предлагавших лексические замены из собственно французского языкового материала. Регулирование касалось таких сфер, как кино, телевидение, радио, государственная администрация, транспорт, информатика, медицина, оборона, воздушное сообщение и космические полеты. Позднее вышли постановления относительно употребления английской терминологии в области туризма (17 марта 1982 г.), телекоммуникаций (27 апреля 1982 г.), аудиовизуальных и печатных средств массовой информации (18 февраля 1983 г.) и др., включая закон о языке пожилых людей (13 марта 1985 г.). Закон от 17 марта 1977 г. постановлял, что употребление французского языка обязательно на радио и телевидении, а также в письменных текстах и в надписях, касавшихся спроса и предложения товаров и услуг. В законе специально оговаривалось, что употребление в этих сферах иноязычных выражений и слов запрещается, если для обозначения соответствующего объекта имеются собственно французские средства³. Нередко в постановлениях, регулирующих качество французского языка, указывались возможные санкции в случае нарушения принимаемых мер. Так, закон Ба и Лориоля от 31 декабря 1975 г. (*loi Bas-Lauriole*) предусматривал наложение санкций на предприятия, отказывающиеся от использования французского языка на территории Франции.

Закон об употреблении французского языка.

Основные положения современного языкового права были заложены именно в законе Ба и Лориоля. Впрочем, нельзя сказать, что до этого серьезной языковой политики во Франции не было вовсе. Дело в том, что проведение языковой политики может носить не только эксплицитный, но и имплицитный характер. Часто языковая политика имеет смешанный вид, когда в стране вводятся только несущественные языковые законы, а главный регламентирующий языковую жизнь всего общества закон долгое время не формулируется. Так, языковой закон Франциска I относился к довольно узкой (юридической) сфере использования языков в королевстве. Более того, в нем довольно нечетко было сформулировано, какая именно форма речи является языком юридических дел. В законе лишь сказано, что таковым является родной французский язык (*langage maternel français*), при этом до того понятие родного французского языка не существовало в принципе. Впоследствии на протяжении многих веков языковая политика

Франции также носила большей частью имплицитный характер, когда принимались правила использования языка в разных сферах, но общего закона о французском языке не существовало и лишь подразумевалось, что в стране ограничена свобода выражения на всех существующих языках и диалектах, кроме французского.

Только в 1992 г. языковая политика Франции стала в полной мере эксплицитной: в Конституцию была внесена запись, согласно которой французский язык объявлялся языком Республики.

Два года спустя был принят закон Тубона (по имени французского министра культуры и франкофонии Жака Тубона), значительно расширивший положения закона Ба и Лориоля. Закон от 1994 г. четко и недвусмысленно постановил, что французский язык является языком образования, работы, государственной службы и административных дел, а также привилегированным средством общения со странами франкоязычного содружества (франкофонии). В статье 1 закона записано:

Согласно Конституции, «французский язык – язык Республики – представляет собой основополагающий компонент личности и национального достоинства Франции»⁴.

Закон провозглашал также право французских граждан на обучение на французском языке, на пользование французским языком на работе, получение на нем различных услуг, научных и культурных знаний, а также на языковое обеспечение личной безопасности и здоровья.

В сфере потребления товаров и услуг закон 1994 г. регулирует применение исключительно французского языка в области информирования потребителей услуг и товаров (за исключением названий иностранных товаров, известных широкой публике). Он предусматривает использование, в случае необходимости, иностранного текста, но с обязательным переводом на французский язык, при этом французский текст должен хорошо прочитываться (или прослушиваться). Это касается рекламы, объявлений и прочих надписей, выполненных снаружи, в закрытых помещениях и в общественном транспорте. Логотипы и торговые марки не подлежат переводу, но разъяснения, касающиеся описания услуг и товаров, способов их применения и т.п., должны писаться по-французски.

Сфера труда. Те предприятия, которые принадлежат международным корпорациям или работают на экспорт, часто нуждаются в использовании не только французского, но и других языков. Чтобы французский язык не искоренялся на подобных предприятиях и чтобы работники, не знакомые с иностранным языком или знающие его неудовлетворительно, не подвергались наказаниям и в области языка были бы защищены на работе, закон обязывает применение французского языка в следующих документах: в рабочем контракте, в объявлениях о приеме на работу, в правилах внутреннего распорядка и исполнения

трудовых операций, в документах, описывающих служебные обязанности. Исключения составляют рабочие контракты с иностранными работниками, а также документы, изготовленные специально для иностранцев или привезенные из-за границы (они должны сопровождаться переводом на французский язык).

Сфера образования. Закон 1994 г. подтверждает уже имевшееся во французском законодательстве положение о том, что образование в стране предоставляется на французском языке. Также на французском языке в государственных и частных учебных заведениях проводятся конкурсы, экзамены, защита диссертаций и проч. В то же время делается исключение для преподавания в стране региональных и иностранных языков. Кроме того, в школах, в которых обучается более 25% иностранных учащихся, преподавание может вестись согласно международным правилам, на французском или иностранном языке.

6 января 2005 г. французское правительство в дополнение к данному закону выпустило постановление, согласно которому язык диссертационного исследования при совместном научном руководстве определяется по согласованию между учебными заведениями, договаривающимися о совместном руководстве. Если избирается иностранный язык, то на французском языке должно составляться резюме.

Электронные СМИ. Закон от 1994 г. предусматривает обязательное использование на телевидении и радио страны французского языка или перевод на французский язык. Исключения составляют кинофильмы и радиопередачи в оригинальном исполнении, а также показ программ, подготовленных для обучения иностранным языкам или показа культурных мероприятий.

Данный закон подтверждает положения закона от 30 сентября 1986 г. об обязательной трансляции 40% песен на французском языке, минимум половину из которых должны представлять молодые талантливые авторы и исполнители. В 2001 г. французское законодательство узаконило положение о том, что на французском радио должно звучать не менее 60% песен на французском языке.

Научно-культурные и спортивно-массовые мероприятия. Исходя из того, что Франция является страной, организующей большое количество массовых мероприятий, и что все чаще языком их проведения становится английский, закон от 1994 г. специально постановляет, что французские граждане, организующие такие мероприятия, должны придерживаться следующих правил:

- франкоязычные участники мероприятий должны иметь возможность изъясняться по-французски,
- программы мероприятий должны составляться на французском языке,
- документы, раздаваемые участникам мероприятий или публикуемые после мероприятий,

должны иметь, по крайней мере, резюме на французском языке.

В 2006 г. министерство культуры и коммуникаций создало специальный *Фонд Паскаля* для оплаты языковых переводов на международных научных конференциях во Франции. Этот фонд оказывает эффективную помощь участникам, выбирающим для своих выступлений французский язык.

Государственная служба. Согласно закону от 3 июля 1996 г. государственные служащие должны быть примером в употреблении французского языка и выполнять следующие предписания:

- в официальных текстах и в деловой переписке вместо иностранной лексики употреблять французские слова и выражения, предлагаемые в *Journal officiel*,
- контракты с частными лицами составлять на французском языке, за исключением тех договоров, которые составляются с иностранными партнерами и осуществляются за рубежом,
- с целью поддержания в стране многоязычия тексты публичных объявлений должны писаться на двух или более языках (это правило относится также к официальным сайтам в Интернете),
- государственные служащие, организующие международные научно-культурные мероприятия (конгрессы, семинары и проч.), должны заботиться об организации перевода, а также о публикации на французском языке резюме тех документов, которые публикуются по итогам мероприятий,
- государственные служащие отвечают за качество французского языка: за ясность в текстах документов, предназначенных для пользователей; за разнообразие формы изложения в текстах, предназначенных для Интернета и для иностранных туристов; за соблюдение престижа французского языка как официального средства общения в международных организациях⁵.

Реформа терминологии и неологии. В 1970-х гг. правительство Франции, посчитав, что французский язык находится перед угрозой английской экспансии, решило нарушить принцип прямого невмешательства в состояние французского языка. Этот принцип был провозглашен в республиканской Декларации о правах человека, принятой 26 августа 1789 г., которая говорит о том, что государство должно охранять свободу слова граждан и не посягать на управление речью граждан Республики:

«La libre communication des pensées et des opinions est un des droits les plus précieux de l'homme; tout citoyen peut donc parler, écrire, imprimer librement sauf à répondre de l'abus de cette liberté dans les cas déterminés par la loi»⁶.

Тем не менее в 1972 г. во Франции были образованы министерские комиссии по терминологии и неологии. Их задача состояла в разработке рекомендаций употреблять вместо иностранных слов

и выражений имеющиеся во французском языке лексические средства или новые слова и выражения, образованные на собственно французской основе. Употребление этих слов рекомендовалось не для всеобщего, а только официального использования в административных делах.

31 декабря 1975 г. на этот счет был принят еще один специальный закон. В его первой статье было записано:

«В названии товара или услуги, в тексте их предложения, представления, письменной или устной рекламы, а также в описании способа применения, габаритов и условий гарантии, в счетах и квитанциях требуется обязательное употребление французского языка.

Использование любого иностранного термина или выражения запрещается, если уже существуют выражения или термины, утвержденные согласно правилам декрета № 72-19 от 7 января 1972 г. об обогащении французского языка.

Текст на французском языке может сопровождаться одним или несколькими переводами на иностранный язык.

Эти же требования распространяются на любую информацию или программу радиовещания и телевидения, если они специально не предназначаются для иностранной публики»⁷.

Другие положения закона касались использования французского языка и французской лексики в производственной сфере (в частности, при оформлении контрактов для французских и иностранных работников) и в изготовлении надписей в общественных местах.

Следующий декрет от 3 июля 1996 г. предусматривал создание во Франции новых комиссий по разработке неологизмов и современных терминов. В нем государство согласилось на предоставление комиссиям свободы действий, а на себя брало задачу стимулировать работу по созданию неологизмов в области информационных технологий и способствовать распространению существующих и создаваемых терминов. Данным декретом была создана Генеральная комиссия по терминологии и неологии. Декрет предусматривал также обязательное согласие Французской Академии на публикацию в *Journal officiel* предлагаемых терминов и на их комментирование со стороны академиков. Таким образом, процесс реформирования и модернизации французского языка стал осуществляться через Французскую Академию, что в значительной степени повысило эффективность защиты французского языка.

Осуществление реформы по терминологии и неологии проходило в несколько этапов. На первой стадии при каждом министерстве страны были созданы комиссии по терминологии. Непосредственная работа проводилась в группах специалистов, сформированных в министерских департаментах. Эти группы изучали системы понятий, используемых в наблюдаемых ими сферах,

и состояние относящихся к ним терминологий. Особое внимание обращалось на появление новых понятий, требовавших начальных наименований, а также на иностранные термины, которые следовало заменить на французские эквиваленты. По итогам исследований комиссии предлагали свои термины, которые путем министерского декретирования предлагались к использованию государственными служащими. За 25 лет работы этих комиссий к началу 1990-х гг. было создано и опубликовано в *Journal officiel* более 4 000 новых терминов⁸.

Своевременность законодательных шагов была обусловлена особой обстановкой, складывающейся в мировой несбалансированной диглоссии, выдвинувшей на первый план английский язык и отодвинувшей все остальные языки на периферию:

«Безусловно, влиянию английского языка подвержены прежде всего научные и особенно высоконаучные коммуникативные сферы. В большинстве точных наук американский вариант английского языка стал единственным языком, на котором публикуются результаты исследований. Американское превосходство особенно ощутимо ввиду расположения в Соединенных Штатах научно-издательских центров, что по своей значимости намного превосходит языковые рамки. В результате этого французский исследователь или преподаватель попадает в ситуацию настоящей диглоссии: он вынужден читать почти все на английском языке. Свои статьи он также пишет по-английски. Английский язык становится языком общения в лаборатории, где стажировются иностранные специалисты, а также языком научных конференций, если даже они проводятся во Франции. Тем не менее во французских университетах и лабораториях французский язык представлен больше, чем, например, северные языки в скандинавских странах. Лекции во Франции читаются по-французски. Вспомогательный печатный материал, а также учебные пособия и учебники пишутся на французском языке. На научных конференциях во Франции французский язык служит средством устного общения с нефранкоязычными коллегами, хотя и в меньшей степени, чем английский»⁹.

Такая ситуация стала основной причиной массового внедрения во французский язык английской научной терминологии, тем более что регулирование научной терминологии, как правило, слабо поддается государственному управлению и подчиняется главным образом влиянию самих научных сообществ.

Французская техническая терминология также испытывает английское влияние, однако в данной области ситуация для французского языка складывается благополучнее, чем в научной. Дело в том, что французский язык является официальным языком крупнейших международных центров промышленной нормализации и стандартизации (в частности, Международной электротехнической комиссии и Международной

организации по нормализации). В связи с этим французский язык, наряду с английским, играет важную роль как средство создания новой терминологии. Значение французского языка повышается также благодаря тому, что образованные на его основе научно-технические термины легко принимаются родственными языками романского происхождения, для которых английские термины порой представляют большие трудности и плохо адаптируются в них.

В области товарооборота роль английского языка огромна, особенно в связи с тем, что существующая в мире единая электронная система обмена информацией в коммерческой области работает исключительно на английском языке. Тем не менее недавно она была переведена также на французский язык, и отныне тот, кто пользуется ею в профессиональных целях (составляет заявки на поставку, оплачивает поставки, предоставляет сведения о характеристиках товаров и проч.), может легко обходиться, наряду с английским, французским языком.

Что касается юридической терминологии, то она, как известно, создается и развивается в замкнутых рамках национальных юридических систем. Тем не менее в современном мире (особенно в недавно созданном Европейском союзе) стали активно действовать институты международного права, которые, естественно, требуют взаимной адаптации национальных юридических терминологий. В связи с этим повышается роль отдельных национальных языков в мире, включая, естественно, и французский с его развитой юридической терминологией.

Реформа феминизации имен. В 1986 г. во Франции была начата реформа женских названий профессий, должностей, званий и титулов. Ее задача состояла в том, чтобы упразднить существующие лакуны французского языка в данной области и узаконить социальный статус отдельных женских профессий.

На начальном этапе реформы государственная власть не намеревалась обращаться за консультациями к Французской Академии, которая, однако, самостоятельно выступила с декларацией по данному вопросу. Подготовленная Жоржем Дюмезилем и Клодом Леви-Стросом, она была передана 8 января 1998 г. президенту страны. Академия обратила внимание на следующую деталь данной проблемы: мужской род во французском языке, как известно, не маркирован, и поэтому формы мужского рода одинаково относятся как к мужчинам, так и к женщинам. Что же касается маркированности женского рода, то она носит привативный характер: ее отсутствие относится только к противоположному роду. В этом случае, в отличие от мужского рода, маркированный женский род применительно к людям устанавливает половую сегрегацию. Таким образом, по мнению академиков, феминизация имен способна приве-

сти к результату, противоположному ожидаемому, то есть к дискриминации полов.

Академия возражала также против самого принципа внедрения правительства в регулирование состоянием языка. Она предупреждала, что такого рода шаги могут привести к нарушению равновесия, сложившегося в результате естественного функционирования языка, что, в свою очередь, может разбалансировать систему. Академия советовала функцию регулирования оставить исключительно за узусом¹⁰ и проявила себя традиционно, то есть как консервативная инстанция, как защитница традиции и непоколебимости сложившихся во французском языке правил.

Тем не менее среди лингвистов существует противоположная точка зрения на данную проблему, которую следующим образом выразил Б. Чиркилини:

«Согласно пуристическому подходу, язык если и незыблем, то по крайней мере фиксирован с таких давних пор, что трогать его уже нельзя. Пуристы считают, что французская орфография окончательно установилась несколько веков назад, а употребление старых мужских форм для обозначения званий и профессий требует уважения. Но это совершенно не так: история таких наименований легко прослеживается. В старофранцузском языке женские формы существовали в обозначениях всех профессий, подтверждением чему служит, например, церковно-католическая лексика (*prieure, tourière, abbesse, etc.*), а также названия дворянских титулов (*marquise, comtesse, etc.*)»¹¹.

В таких дискуссиях в 1986 г. циркулярное письмо премьер-министра Франции предписало государственным службам применять в официальных текстах феминизированные названия профессий, должностей, званий и титулов. Однако предписание это не было выполнено в полной мере. Более того, когда в 1997 г. некоторые правительственные министры самостоятельно потребовали использовать феминизированную форму *la ministre*, это спровоцировало очередную негативную реакцию со стороны академиков. 6 марта 1998 г. премьер-министр вынужден был констатировать неэффективность своего циркулярного послания от 1986 г., но снова рекомендовал феминизацию, ограничив ее теми женскими именами, которые уже используются в узусе. В то же время премьер-министр дал поручение Генеральной комиссии по терминологии и неологии более глубоко изучить данный вопрос. В результате Генеральная комиссия пришла к выводу о нежелательности дальнейшего проведения реформы:

«Доклад комиссии был передан премьер-министру в октябре 1998 г. В нем упоминалось, что правительственная инициатива довольно быстро столкнулась с юридическими и практическими трудностями и что есть все основания сомневаться в ее эффективности.

В докладе устанавливается четкое разграничение между названиями профессий, с одной стороны (среди них женские формы существовали всегда и не представляют особых проблем), и должностями, званиями и титулами, с другой (их необходимо четко отличать от самих людей. Должность не должна уподобляться занимаемой ее личности, звание – человеку, который носит его, и т.д.). По этой причине употребление или создание женских форм является «нежелательным»¹².

Реформа женских обозначений профессий, должностей, званий и титулов проводилась не только во Франции, но и в других франкоязычных странах: в 1979 г. – в Квебеке, в 1988 г. – в Швейцарии, в 1993 г. – в Бельгии. В этих странах реформа осуществлялась в разной степени глубоко, в разное время и при отсутствии совместной координации. Этот факт некоторые исследователи объясняют тем, что проблема имеет прежде всего не языковой, а социально-психологический характер и что в разных регионах мира в силу разных общественно-исторических условий этот социально-психологический фактор проявляет себя по-разному¹³.

Что же касается языкового фактора, то феминизация имен во французском языке производится согласно всеобщему закону развития форм по аналогии, то есть согласно упорядочению системы по признаку аналогии и путем ликвидации случайных или исторически обусловленных исключений (например, установление оппозиции *-eur / -eure* аналогично уже существующей во французском языке суффиксальной оппозиции *-eux / -euse* для существительных).

Заметим, что феминизация имен во французском языке имела место уже в средние века. В то время супругу называли по званию или профессии мужа (*la comtesse* – супруга графа; *la boulangère* – супруга булочника и т.д.). В настоящее время, если женщина занимает высокий пост, ей кажется неприличным называть себя, например, *la ministre*, чтобы не идентифицироваться как супруга министра, и поэтому она настаивает на том, чтобы ее называли *le ministre* или, по крайней мере, *Madame le ministre*. С другой стороны, совершенно не по языковому, а социальному признаку в начальной школе рекомендуется говорить *une directrice*, а в центральной администрации ее должны называть *Madame le Directeur*.

Таким образом, проблема феминизации французских названий профессий, должностей, званий и титулов обусловлена в большей степени не языковыми, а социальными и идеологическими факторами – с повышением роли женщин в современном обществе и с развитием идеологии феминизма в мире.

Реформа французской орфографии. В 1990 г. Высший совет французского языка в *Journal officiel* опубликовал документ, названный *Les*

rectifications de l'orthographe (Орфографические поправки). Ее основные положения касались следующих изменений:

- преобразования некоторых сложных существительных в простые (*portemonnaie, pingpong, etc.*),

- нормализации написания форм единственного и множественного числа сложных существительных по модели простых существительных (*un perce-neige / des perce-neiges, un garde-malade / des garde-malades, etc.*),

- удаление диакритических знаков в отдельных словах (*voûte > voute; traître > traitre; paraître > paraitre, etc.*),

- введения написания *è* перед слогом, в котором имеется немая гласная [q] (*évènement, cèlery, sècheresse, règlementaire, etc.*),

- нормализации написания и обозначения множественного числа для слов иностранного происхождения (*des imprésarios, les médias, etc.*),

- нормализации некоторых аномальных явлений в традиционной графике (*charriot, imbicilité, nénufar, relai, etc.*).

В обсуждении данной реформы, наряду с Францией, приняли участие Совет французского языка Квебека и Совет французского языка Французского сообщества Бельгии. Совместные консультации были намечены на конец 1980-х гг., когда над французским языком нависла угроза всемирной глобализации и повсеместного распространения английского языка, но первое совещание реформаторов состоялось только в 1991 г. после проведения в 1990 г. орфографической реформы во Франции. Швейцария в то время не присоединилась к общим консультациям ввиду отсутствия у нее необходимого государственного органа. Тем не менее впоследствии Швейцария создала необходимый для подобных случаев аппарат – Делегацию французского языка под эгидой министерства образования франкоязычных кантонов.

Известно, что орфографическая реформа не имела общественной поддержки во Франции. В ее адрес пресса развернула широкую критику. Что же касается Французской Академии, то она единогласно приняла все поправки, придерживаясь при этом традиционного мнения о том, что орфографические рекомендации не должны навязываться обществу силой, в частности посредством министерских постановлений.

Основную причину неудачи, постигшей орфографическую реформу во Франции, Ж.-М. Клинкенберг видит в антидемократичности ее подготовки и проведения. Ее авторы пытались заручиться прежде всего поддержкой специалистов: лингвистов, лексикографов из Французской Академии, преподавателей французского языка. Обычные же пользователи французского не были в достаточной степени проинформированы о сути реформы и в момент введения ее в жизнь выступили с резкой критикой, на которую спе-

циалисты должным образом не могли ответить¹⁴. Кстати, реформа феминизации имен во Франции имела относительно больший успех, чем реформа орфографии, так как в период ее проведения среди населения было распространено большое количество экземпляров специальной брошюры *Femme, j'écris ton nom*.

Государственное воздействие на общее состояние языка. Начиная с XVI в. государственная власть во Франции стремилась к тому, чтобы в стране сложился единый и гомогенный французский язык. Особенно ярко это стремление отразилось в лозунге республиканцев эпохи Французской революции *La langue doit être une comme République*. (Наш язык должен быть един как сама Республика.) Несмотря на то, что для достижения этой цели было приложено максимум усилий и многое в этом направлении было действительно достигнуто, французский язык в значительной степени остается вариативным. В начале XXI в. исследователи французского языка справедливо отмечают:

«Начнем с того, что французский язык разнообразен. Его разнообразие сказывается прежде всего в форме. В этом он похож на любой другой язык. Единый французский язык не существует так же, как не существует единый немецкий или испанский язык. Реально существуют только разновидности французского, немецкого или испанского языков»¹⁵.

Тем не менее с давних пор в официальных речах и документах настойчиво проводится мысль о гомогенном характере французского языка, что, в свою очередь, связано с идеологией французского унитаризма. При этом официально реальное разнообразие французского языка игнорируется. Впрочем, официальная позиция является абсолютно искусственным конструктом, ибо естественное состояние любого живого языка обязательно представляет собой взаимодействие сложных систем его территориальных (диатопических), временных (диахронических), социальных (диастратных) и стилистических вариантов и подвариантов.

Корни официальной точки зрения на гомогенность французского языка лежат в стремлении французских властей придать французской культуре и государственности универсальный характер. Так, считается, что распространение французского языка в мире призвано выражать единую франкофонную культуру и единую Францию. Однако при перенесении языка в новое общество под влиянием культурного и языкового субстрата происходит неминуемое преобразование языка. На протяжении долгой истории французский язык на территории самой Франции сталкивался с разными этническими культурами (провансальской, нормандской, савойской, пуатевинской и т.д.) и с разными социально-классовыми культурами (аристократической, крестьянской, церковной, пролетарской и др.). Французский язык на тер-

ритории Франции призван обозначать также особенности культур, сопряженных с возрастными характеристиками его носителей, с различными историческими периодами развития французского общества.

Исследователи реального состояния французского языка Франции отмечают высокую степень вариативности, и для многих из них этот факт представляется основополагающим в представлении его природы. Их выводы связаны с изучением языка как фактически данной реальности и противопоставлены выводам, сделанным на основе исследований языка в его фиктивном, лабораторном состоянии.

Идея языковой гомогенности, пропагандируемая государством, издавна внедрялась в сознание французского народа. Говоря об отношении народных масс к своему языку, Л.-Ж. Кальве пишет следующее:

«Тем не менее крупные языковые сообщества проявляют некоторую тенденцию к борьбе против этих видов вариативности или относятся к ней с подозрением, возможно оттого что они чувствуют некоторую угрозу или дестабилизацию со стороны центробежных сил, которые и в самом деле присущи языку, но которые им хотелось бы контролировать. Впрочем, виновники этой диверсификации, то есть пользователи и собственники языка, ведут себя по-разному. В одном случае они обращаются к ней как к идентифицирующему признаку, в другом, напротив, с его помощью пытаются затушевать диверсификацию различными диссимилиационными стратегиями, которые могут показаться им выражением предательства»¹⁶.

Гомогенное и вариативное состояние языков регулируется соответствующими мероприятиями в области языковой политики. Гомогенная политика особенно характерна для унитарного государства, каковым является Франция. Она эффективно используется при распространении в мире французского языка в качестве иностранного и второго¹⁷. Она применяется также в борьбе против влияния на структуру французского языка родных языков тех, кто изучает его в бывших французских колониях или во французских провинциях, в борьбе против дифференцирующих элементов в речи представителей разных этнических групп, составляющих франкоязычный мир.

Примечания

- ¹ Deniau X. La francophonie. P., 1983. P. 82.
- ² Calvet L.-J. La guerre des langues et les politiques linguistiques. P., 1987. P. 256.
- ³ Там же. С. 257.
- ⁴ Loi № 94-665 du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française // <http://www.culture.gouv.fr/culture/dglf/>
- ⁵ L'emploi de la langue française: le cadre légal // <http://www.culture.gouv.fr/culture/dglf/>

- 6 Цит. по: *Cerquiglini B.* De Madame la Marquise à Madame la Ministre. Remarques sur un changement linguistique en France //Dialogues et cultures. 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. P. 107.
- 7 Loi № 75-1349 du 31 décembre 1975 relative à l'emploi de la langue française //http:// www.culture. gouv.fr/culture/dglf/
- 8 *Guignot F.* Le nouveau dispositif d'enrichissement de la langue française // Dialogues et cultures. 1998. № 42. Le français et son enseignement: évolution et mutation. P. 29.
- 9 *Humbley J.* Terminologie et néologie // Dialogues et cultures. 1998. № 42. Le français et son enseignement: évolution et mutation. P. 25.
- 10 Du français au français //http://www.culture. gouv.fr/culture/dglf/
- 11 *Cerquiglini B.* De Madame la Marquise à Madame la Ministre. Remarques sur un changement linguistique en France //Dialogues et cultures. 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. P. 104.
- 12 Du français au français //http://www.culture. gouv.fr/culture/dglf/
- 13 *Garsou M.* Les dispositifs de coopération linguistique à l'intérieur de l'espace francophone du Nord //L'avenir du français. P., 2008. P. 37.
- 14 *Klinkenberg J.-M.* Les politiques linguistiques: pour qui? pour quoi? //Dialogues et cultures. 2001. № 45. Modernité, diversité, solidarité. V. 1. P. 79.
- 15 *Klinkenberg J.-M.* La diversité linguistique: un dogme ou un programme? //Dialogues et cultures. 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. P. 61.
- 16 *Calvet L.-J.* Diversité des usages et usages de la diversité : l'aïoli et l'Académie //Dialogues et cultures. 2005. № 50. Le français, le défi de la diversité. P. 88.
- 17 Ibid. P. 92.

УДК 8+929Якобсон

К ВОПРОСУ О РОЛИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ: СКАНДИНАВСКИЙ ПЕРИОД Р. ЯКОБСОНА

О.В. Соколова

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра английского языка
E-mail: engdept3@gmail.com

В статье затрагиваются проблемы, касающиеся научных интересов видного американского ученого Р. Якобсона в период его жизни, связанный с пребыванием в Дании, Норвегии и Швеции, воссоздается историко-лингвистический контекст, в котором были написаны труды ученого.

Ключевые слова: Якобсон, пражский период, скандинавские ученые, Норвегия, Швеция, Дания, фонология.

On the Problem of the Role of Scientific Biography: the Scandinavian Period of R. Jacobson

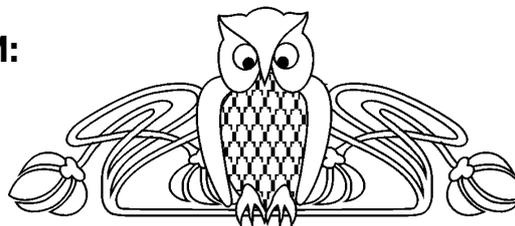
O.V. Sokolova

The articles touches upon the problems concerning a renown American researcher R. Jacobson's scientific interests which were important during his stay in Denmark, Norway, Sweden, and recreates historical and linguistic context in which his works appeared.

Key words: Jacobson, the prague period, scandinavian researches, Norway, Sweden, Denmark, phonology.

После того как Чехословакию, где Р. Якобсон прожил, начиная с 1920 года, оккупировали германские войска, ученый был вынужден переехать в Данию. Так, в 1939 году, при активном участии и помощи Брэндаля, Ельмслева и Соммерфельта, Р. Якобсон уезжает из Чехословакии и сначала (май-август) останавливается в Копенгагене, а затем в Осло (сентябрь 1939 – апрель 1940).

Предвоенный пражский период был очень плодотворным для ученого. Бывший председатель Московского лингвистического кружка (с 1915 по

1920 г.) Р. Якобсон был избран вице-президентом пражского лингвистического кружка (1926–1939). Пражский лингвистический кружок был основан в 1926 году выдающимся чешским лингвистом и литературоведом В. Матезиусом. В статье, опубликованной в 1936 году по случаю десятой годовщины Пражского лингвистического кружка¹, организатор и глава кружка В. Матезиус писал, что часто обсуждал с Р. Якобсоном насущную потребность создания научного кружка для развития чешской лингвистики. С чешскими коллегами Р. Якобсон обсуждал проблемы изучения языка, поэтики, фонологии.

В своих ранних работах по фонологии ссылался Р. Якобсон на знакомство с исследованиями копенгагенских лингвистов О. Есперсена и К. Педерсена². Тесное научное общение Р. Якобсона со скандинавскими коллегами можно исчислять с первого международного конгресса лингвистов, проводившегося в Гааге в 1921 году. Именно на этом конгрессе В. Брэндал, заинтересованный совпадением своих взглядов со взглядами Трубецкого и Якобсона, дарит им экземпляры своего нового труда «Les parties du discours»³.

Дискуссии Копенгагенского лингвистического кружка в основном затрагивали вопросы фонологии языка. Именно в Дании Р. Якобсон написал свой доклад о звуковых законах детского языка⁴. Однако доклад так и не состоялся по причине отмены Международного съезда лингвистов в Брюсселе (сентябрь 1939 г.). Ученый приходит

к выводу, что «...выбор дифференциальных элементов того или иного языка далеко не случаен и не произволен; наоборот, он управляется законами (или тенденциями) универсального и постоянного характера»⁵.

Отбор звуков ребенком во время перехода от детского лепета к собственно языку объясняется фонологической значимостью, которую в этот период приобретает звук. Ребенок учится отождествлять то звуковое явление, которое он услышал и которое он затем по своему желанию воспроизводит, отличая его от других звуковых явлений.

Р. Якобсон отмечает, что вокализм, как правило, начинается с широкого гласного, а консонантизм – с взрывного, который образуется в передней части полости рта. Оппозиция вокализма и консонантизма возникает сначала на оси последовательности, т.е., сочетаясь с гласным, губной взрывной образует зародыш слога. Однако ученый отмечает, что еще не существует оппозиции фонем на «оси одновременности» (по Соссюру). Делается вывод о том, что селекция и комбинация – два важнейших фактора, которые действуют на всех уровнях языка, в том числе и в фонологическом развитии ребенка, и в развитии афазии.

Переехав в Норвегию, Р. Якобсон сразу же начинает тесно общаться с Альфом Соммерфельтом, который занимался общим языкознанием и кельтологией. Яркий представитель норвежской лингвистики, А. Соммерфельт был единственным скандинавским ученым, принявшим активное участие в конференции по фонологии, организованной Пражским лингвистическим кружком в декабре 1930 года по инициативе Р. Якобсона и Н. Трубецкого. Эта конференция в Праге и вдохновила А. Соммерфельта на проведение исследований в области фонологии кельтских языков. Начиная с 1920 года, он продолжает свои исследования в области фонологии и является одним из первых признавших «фундаментальную значимость» работы Р. Якобсона по различительным признакам для фонологических исследований.

В. Брэндаль, будучи секретарём четвертого Международного конгресса лингвистов, который состоялся в августе 1936 года, предложил Р. Якобсону выступить на пленарном заседании с докладом, который был представлен 31 августа. После него Р. Якобсон выступил в Копенгагенском лингвистическом кружке с докладом, посвященным теории Пражской школы⁶. Тесная связь между Пражским и Копенгагенским лингвистическими кружками проявилась именно в научных дискуссиях с датскими коллегами, что плодотворно сказалось на развитии идей ученых.

Итак, в мае 1939 года Р. Якобсон читает две лекции по проблеме структуры фонемы в Копенгагенском университете⁷, а 25 мая – в Копенгагенском лингвистическом кружке⁸. Лето того года было временем жарких дискуссий и обмена мнениями между датскими лингвистами и

Р. Якобсоном. Готовились первые выпуски «Actes du Quatrième Congrès International de Linguistes». Р. Якобсон в своих копенгагенских лекциях по фонологии высоко оценивает вклад В. Брэндаля в теорию лингвистических оппозиций как наиболее значимый среди работ в этой области⁹.

В Швеции в начале сороковых годов Р. Якобсон встречается с двумя известными финно-угроведами, приверженцами структурного подхода к лингвистике: венгерским ученым Я. Лотцем и В. Штейницем, с которыми Р. Якобсон активно обсуждает интересующие научные проблемы, касающиеся, например, принципов фонологического анализа, использования фонологических идей в стиховедении.

В Швеции учёному также удаётся закончить в течение года книгу о детском языке, афазии и звуковых законах¹⁰. Большую помощь в этом ему оказали врачи-афазиологи. В своем «Послесловии» к шведскому переводу и изданию своих трудов Р. Якобсон отмечает: «Без активной поддержки Академического госпиталя Упсалы и богатой библиотеки Karolinska Institutet в Стокгольме мне бы не удалось раскрыть вопросы, касающиеся сравнительной интерпретации языковых и неврологических синдромов, т.е. вопросов, которые в наше время приобретают всё большую и большую значимость для классификации и лечения афазий»¹¹.

Афазии – речевые расстройства, вызванные повреждениями коры головного мозга, явление, противоположное исследованию проблем, связанных с овладением языком, также интересовали Р. Якобсона. Он считал, что такие исследования могут дать более глубокое понимание как структуры языка в её связи с мозгом, так и наоборот. В основе работ ученого в области афазии лежит оппозиция между метафорой и метонимией. Р. Якобсон указывает на два фактора, которые играют существенную роль в любом речевом событии и действуют на всех уровнях языка. Эти факторы – селекция (или выбор) и комбинация (или сочетание). Первый из вышеназванных факторов основан на парадигматических отношениях единиц, второй затрагивает отношения по смежности. Расстройства комбинации связаны с различными поражениями передних отделов коры мозга; в свою очередь, расстройства селекции связаны с поражением задних отделов.

Р. Якобсон сделал вывод о существовании двух основных типов афазии. Либо может быть нарушено внутреннее отношение сходства и, следовательно, способность человека к селекции, либо оказывается затронутым внешнее отношение смежности и, следовательно, способность к комбинации. Различие между расстройствами комбинации и селекции в значительной мере совпадает с различием между нарушениями кодирования и декодирования.

При первом типе афазии владение словами сохраняется. Причем прежде всего сохраняется

владение словами, не зависящими от контекста, тогда как построение предложения связано с большими трудностями. На фонологическом уровне владение фонемами сохраняется, но проблемой является сочетание фонем. Второй тип афазии представляет собой противоположное явление. Сохраняется способность к построению предложения, но страдает способность разложения текста на компоненты. Сложность также представляет оперирование теми компонентами, которые обладают определенной независимостью от контекста, а это сказывается на процессе декодирования.

Таким образом, будучи вынужденным переезжать из страны в страну, Р. Якобсон уникально использовал свою возможность продолжить исследования в тех научных сферах, которые интересовали его ранее и блестяще применил эту возможность в дискуссиях со скандинавскими коллегами для расширения своего научного кругозора.

УДК 811.161.1'371

СЕМЕЙНЫЙ ЛЕКСИКОН (номинации ближайших бытовых объектов)

А.Н. Байкулова

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье представлены наблюдения за речевым общением саратовских семей, в антропоцентрическом ракурсе исследуются номинации бытовых объектов: магазинов, аптек, мастерских по ремонту обуви и др.

Ключевые слова: разговорная речь, общение, семейный лексикон, номинации, магазины, аптеки, русский язык.

Family Lexicon (Important Everyday Object Nomination)

A.N. Baikulova

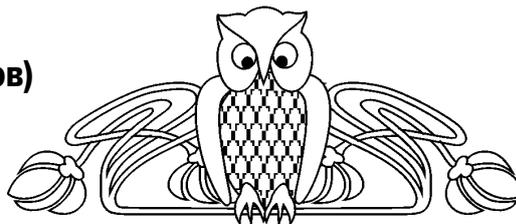
The article presents an observation on speech communication in families living in Saratov; it investigates the nomination of important everyday objects such as shops, chemist's, shoe repair shops, etc, from the anthropocentric perspective.

Key words: colloquial speech, communication, family lexicon, nomination, shops, chemist's, the Russian language.

Семейному общению и, в частности, семейному лексикону уже был посвящён ряд статей автора. В этих работах были представлены и проанализированы в антропоцентрическом ракурсе факты речевого общения в саратовских интеллигентских семьях (с.М. и с.Б.): семейные именованья, номинации продуктов питания и

Примечания

- 1 Vachek J. The Linguistic School of Prague. Bloomington, 1966. P.138.
- 2 Jakobson R. O cessed stixe preimuscestvenno v sopostavlenii s ruskim // Sbornik po teorii poeticeskogo jazyka, V. Berlin; Moscow, 1923.
- 3 Brøndal V. Ordklasserne, Partes orationis. Studies over de sproglige kategorier. Copenhagen, 1928.
- 4 Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- 5 Там же. С. 115.
- 6 Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague. Copenhagen, 1938. V. III.
- 7 Jakobson R. Selected Whritings, I, Phonological Studies, 1971, P. 280–310.
- 8 Якобсон Р. Указ. соч.
- 9 Jakobson R. Selected Whritings. Phonological Studies. S. I. 1971. P. 323.
- 10 Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze // Språkvetenskapliga sällskapet; Uppsala Förhandlingar, 1942.
- 11 Poetik och lingvistik. Stockholm, 1974.

блюдо, номинации домашних помещений¹. Полученные данные сопоставлялись с номинациями в других семьях, представленными в работах по изучению особенностей разговорной речи (РР)² и собственно «языка» семьи³, и делались выводы об общем и специфическом в речи каждой семьи.

В настоящей работе, сохраняя установку на внимание к языковой личности, мы рассмотрим семейные номинации бытовых объектов, расположенных рядом с домом, где проживают те же семьи, и в самом доме.

Представим официальные номинации объектов и лексические единицы, которые были получены в результате опроса членов семей. В скобках даются указания на индивидуальные номинации: м – мать, о – отец, д – дочь, н – невестка, а для некоторых номинаций – используемые формы предложного падежа: Гроздь (в Грозде); знак «>» обозначает изменение номинаций.

Магазин «Продукты» (расположен во дворе дома, где проживают семьи) – с.М.: *Круглосуточный, Во дворе* (м), *Ларёк* (д, м); с.Б.: *Наш* (м, о, д); *Во дворе* (о); *Ларёк* (н).

Магазин «Магнит» – с.М.: *Магнит* (в *Магните*); с.Б.: *Магнит* (в *Магните*).

Оптово-розничный магазин «Колобок» –

с.М.: *Колобок* (в *Колобке*); с.Б.: *Лобок* (в *Лобке*)
 ➤ *Колобок* (в *Колобке*).

Магазин «В яблочко» – с.М.: *В яблоко* (в *Яблоке*); с.Б.: *Яблочко* ➤ *В яблочко* (в *Яблочке*) (м, о).

Магазин «Продукты класс» (расположен в доме, где проживают семьи) – с.М.: *Наши, который Продукты*; с.Б.: *Наши там* (указательный жест).

Магазин «Гроздь» – с.М.: *Гроздь*, (в *ГрОзди*) (м); (в *ГроздЕ*) (д); с.Б.: *Гроздь*, (в *ГрОзди*) (м); (в *ГроздЕ*) (д, о).

Магазин «Промтовары» – с.М.: *Хозяйственный вот рядышком*; с.Б.: *Хозяйственный; Наши хозяйственный*.

Магазин «Твоя копейка» – с.М.: *Копейка* (в *Копейке*); с.Б.: *Копейка* (в *Копейке*).

Магазин «Саратовский» ➤ **«Огонёк»** – с.М.: *Саратовский* (м), *На остановке* ➤ *Самый первый* (м, д), *Огонёк* (д); с.Б.: *Ларёк, На остановке, Магази́чик на остановке, Огонёк* (м).

Рынок «Юбилейный» – с.М.: *Базарчик, На конечной, На конце, На конечке* (м, д), *У дядь Толи* (о) (по месту работы родственника); с.Б.: *Базарчик* (м, д, н), *На конечке*.

Аптека, расположенная в поликлинике – с.М.: *Аптека, Дешёвая* (м); с.Б.: *Аптека, Наша аптека, Наша аптека, которая в поликлинике* (м).

Аптека «Бонум» – с.М.: *Аптека, Круглосуточная* (м), *Бонум* (м, д); с.Б.: *Аптека; Где «Стройматериалы»* (м).

Аптека, расположенная на конечной остановке – с.М.: *На конечной*; с.Б.: *На конечке*.

Следует отметить, что мы не проявляли особой настойчивости во время опроса информантов, поскольку это могло повлиять на достоверность полученного материала.

Анализ номинаций бытовых объектов показывает, что некоторые из них совпадают в обеих семьях. В основном это неполные номинации (структура номинации отражает лишь часть представления о предмете)⁴ магазина «Магнит» – *Магнит*, (в *Магните*); магазина «Гроздь» – *Гроздь* (в *ГрОзди* и в *ГроздЕ*); магазина «Твоя копейка» – *Копейка* (в *Копейке*); оптово-розничного магазина «Колобок» – *Колобок* (в *Колобке*). Очевидно, это объясняется своеобразием названий, их краткостью и широкой распространённостью («Магнит», «Гроздь», «Твоя копейка» – сеть магазинов, разбросанных по всему городу).

Тем не менее не все названия, даже широко распространённые, воспринимаются разными людьми одинаково. Например, название магазина «Гроздь» сразу оказалось непонятным для дочери в с. Б. (15 лет): почему-то она не соотнесла его с известным ей словом *гроздь*; ей показалось, что это слово мужского рода. Возможно, непонятным оказалось это название и для других людей, потому что распространение получила форма предложного падежа в *ГроздЕ* (окончание м.р., ср.: *гвоздь, в гвозде*), а не в *ГрОзди*. Смещение ударения на окончание в этой номинации зафиксиро-

вано в обеих семьях, но не у всех членов семьи. Здесь, очевидно, как нельзя кстати широко известный афоризм В.Г. Белинского «слово отражает мысль: непонятна мысль – непонятно и слово». Действительно, многие современные номинации бытовых объектов оказываются непонятными для граждан. Вспоминается разговор двух пожилых женщин в маршрутном такси, которые предлагали разные версии, тщетно пытаясь определить, что означает название магазина «Рубль Бум» и что там продаётся.

Не воспринимается однозначно и название магазина «В яблочко». По сути, это часть разрушенного фразеологизма *попасть в яблочко*. Склонение метонимически видоизменённой номинации неудобно, поэтому в речи стирается смысл первоначального названия и возникают разнообразные варианты: *Ходил в Яблоко* (с. М.) и *купил в Яблочке* (с. Б.).

Большинство бытовых объектов получает несколько семейных номинаций: магазин «Огонёк» в с.М. – *Саратовский* (это первоначальное название магазина), *Самый первый, На остановке, Огонёк*, а в с. Б. – *Ларёк, На остановке, Магази́чик на остановке, Огонёк*. Конечно, наиболее распространены однословные общеупотребительные, общесемейные номинации самих объектов, а не их названия: *Я в магазин; Сходи в аптеку; На базаре ёлки продают*. Но и эти номинации вследствие свойственной РР эллиптизации часто опускаются (*Я за хлебом; Зайди купи цитрамон; Пойду за порошком схожу* и др.). Название бытового объекта употребляется чаще всего тогда, когда необходима точность: важно пояснить, куда именно пошёл, где именно купил, где продаётся тот или иной товар и т.д.

Большинство номинаций вследствие универбации состоит из одного – двух слов, в основном это уже сложившиеся и относительно устойчивые номинации. Но встречаются и такие, которые ещё не закрепились в семейном лексиконе, и тогда предмет речи обозначается развёрнутыми пояснениями, сопровождающимися невербальными средствами конкретизации. Так, разные аптеки в с. Б. конкретизируются локально: *Где Стройматериалы, Которая в поликлинике, Внизу* (аптека находится на первом этаже, фактически под окнами). В с. М. номинации близлежащих аптек сложились и стали общепринятыми в семейном узусе как *Дешёвая, Бонум* или *Круглосуточная, На конечной*, что можно объяснить большей значимостью данных социальных объектов для членов с.М.

Нередко в номинативной функции выступают невербально подкреплённые пространственные наречия, указательные местоимения или существительные-локативы: *мать дочери – Ты туда сдала или сюда?* (о разных мастерских по ремонту обуви); *Ты в той была или в этой?* (о разных аптеках); *А ты на второй этаж заходила?* (о книжном магазине, который находится на

втором этаже здания); *А это ты где / на вокзале купила?* (о привокзальном рынке).

В результате опроса членов семей по поводу официальных названий близлежащих социально-бытовых объектов выяснилось, что многие названия неизвестны членам семей или известны только некоторым из них, несмотря на то что эти объекты всеми часто посещаются. Так, например, никто из опрашиваемых не знал, что продуктовый магазин, расположенный в доме, имеет официальное название «Продукты класс», магазин *Копейка*, расположенный рядом с домом, – «Твоя копейка», а базар рядом с конечной остановкой автобусов – рынок «Юбилейный». Все члены семей фактически каждый день проходят мимо магазина «Огонёк», но это название оказалось известно только дочери в с.М. и матери в с. Б., а то, что первоначальное название этого магазина – «Саратовский», знает только мать в с. М.

Следовательно, в семьях, наряду с общеупотребительными номинациями (*Магнит; На конечке; Наши*), возможно существование индивидуальных номинаций, происхождение которых связано с языковым опытом и языковыми предпочтениями отдельных членов семьи: *К дядь Толе* (на рынок говорит только отец в с.М., потому что там работает его родственник).

С течением времени номинации могут изменяться вследствие разных причин: например, *Хозяйственный* стал *Нашим хозяйственным* или просто *Нашим*: (о покупке подарка) *Ты в нашем покупала?* в с.Б., потому что появился магазин «Елена» того же профиля, но подальше. Магазин «Колобок» сначала некоторые члены семьи (прежде всего те, кто любят шутить) иронично стали называть *Лобком*, так как сразу после его открытия были кем-то сорваны две первые буквы. Ироничная номинация почти закрепилась в определённой группе членов семьи в связи с первоначальной отрицательной оценкой данного бытового объекта (плохой внешний вид, плохое обслуживание), но в дальнейшем магазин приобрёл хорошую репутацию и в семье утвердилось название *Колобок*. *Саратовский* стал для (м) в с.М. *Огоньком*, потому что именно (м) заметила смену вывески на магазине. Таким образом, появление разнообразных вариантов номинаций или закрепление какой-либо номинации может быть связано как с экстралингвистическим, так и с личностным фактором.

На употребление номинаций влияет распределение обязанностей в семье и сфера компетенции членов семьи. В обследуемых семьях женщины чаще, чем мужчины, посещают продуктовые магазины, аптеки, поэтому многие номинации, связанные с этой сферой, появляются в семейном лексиконе именно у женщин. Иногда на вопрос: *Как вы называете тот или иной магазин?* – наши информанты, особенно мужчины, затруднялись ответить или отвечали: *Никак, мы*

туда не ходим. Когда мать (с.Б.) спрашивала у дочери, как она (дочь) называет магазин «Огонёк», используя при этом вербальную конкретизацию (*Огонёк, Маленький магазинчик, На остановке, Который первый открылся* и др.), дочь так и не поняла, о каком магазине идёт речь, хотя каждый день проходит мимо него. Вместе с тем, если бы мать сказала, что *купила колбасу в магазинчике на остановке*, то дочь сразу бы поняла, о каком магазине идёт речь: колбасный отдел есть только в одном магазине, расположенном рядом с остановкой. Данный пример подтверждает мысль Б. Гаспарова о том, что языковой «предмет» в повседневной бытовой речи распознаётся в условиях коммуникативного «ландшафта»⁵. Очень важно и то, что при создании и использовании номинаций бытовых объектов у каждого члена семьи своя «точка отсчёта», свой «угол зрения». Так, например, у матери и дочери в с. М. оказались разные координаты месторасположения одной и той же мастерской по ремонту обуви с вывеской «Ремонт обуви». Поскольку таких мастерских в округе несколько, мать конкретизирует – *где Колобок*, а дочь – *где Евро-пласт* (мастерская «Ремонт обуви» и Центр здоровья «Евро-пласт» находятся с разных сторон одного и того же большого дома, а магазин «Колобок» – рядом с домом), причём мать даже не подозревала, что «Центр здоровья «Евро-пласт» находится в том же доме. Субъективность номинаций определяется тем, что говорящий исходит из своей компетенции, своих потребностей и своих интересов.

Кроме представленных в таблице номинаций, в нашем материале, а также в записях фонда РР кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ встретились и другие домашние номинации бытовых объектов: например, *Татарский* (магазин, где торговали татары), *Розовый* (номинация магазина по внешнему виду здания), *Три ступеньки* (магазин находится в полуподвальном помещении, куда ведут три ступеньки), *Голливуд* (по официальному названию), *Детский* (магазин «Игрушки»), *Весна*, в *Весне* (официальная вывеска «Совхоз Весна»). Перечень подобного рода названий магазинов находим мы и в исследовании А.В. Занадворовой: *Овощной, Булочная, Ночной, Красный, Юрианна* (официальное название), *Стегляшка, У грека* (продавец – грек), *Оптовка, Сам бери* (магазин самообслуживания), *Магазин-через-дорогу, На ступеньках, Милицейский магазин* (рядом с отделением милиции)⁶. Все они отражают не только быт человека, но и его языковой опыт, его индивидуальное мировосприятие и сферу компетенции.

Таким образом, наш материал подтверждает выводы А.В. Занадворовой о том, что в домашней коммуникации возможно существование как общесемейных номинаций, так и номинаций, принадлежащих одному из членов семьи или нескольким, а также группам внутри

семьи, выделяемым по различным признакам⁷. Безусловно, в процессе общения в семье происходит речевое взаимовлияние коммуникантов, в результате которого индивидуальные или групповые номинации переходят в разряд общеупотребительных, но дело в том, что семейное общение постоянно открыто для новых индивидуальных номинаций.

Выявленное свойство системы семейных номинаций может создавать определённые трудности в разных жизненных ситуациях, особенно в общении с детьми, которые, например, зачастую не могут точно объяснить, где произошло то или иное событие, или, помогая по дому, идут в магазин, аптеку по заданным родителями ориентирам, но не всегда достигают ожидаемого результата. В таких ситуациях говорящему важно предвидеть возможность ошибки вследствие особенностей семейной коммуникации и множественности единиц номинативной системы. Точность речи как одна из составляющих коммуникативной компетенции личности, как показывает материал, не является характерной особенностью РР вообще и семейного общения в частности, однако иногда она бывает просто необходима.

Примечания

¹ О семейном общении и семейных номинациях см. Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006; Она же. Номинации домашних помещений в различных семьях // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008; Она же. Речевое общение в семье: роль в нём животных,

растений и предметов вещного мира // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2008. Т. 8. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. Саратов, 2008; Она же. Номинации продуктов питания и блюд в разных семьях // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1. Саратов, 2009.

- ² Примеры семейных номинаций см.: Русская разговорная речь. М., 1973; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов, 1983; Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- ³ Примеры семейных номинаций см.: Чайковский Р.Р. Язык в семье как разновидность социолекта // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982. Ч. 2; Кукушкина Е.Ю. «Домашний язык» в семье // Язык и личность. М., 1989; Капанадзе Л.А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М., 1989; Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- ⁴ Полищук Г.Г. Номинации разговорной речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка. Лексика. М., 1983.
- ⁵ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- ⁶ Занадворова А.В. Узус семейного речевого общения: особенности номинаций // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.
- ⁷ Занадворова А.В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

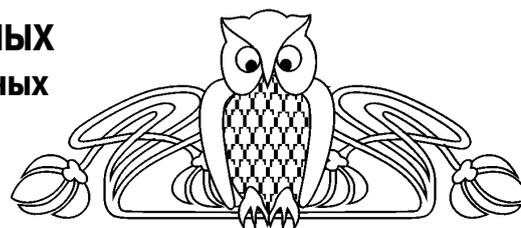
УДК 811.124:371

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ НОМЕНКЛАТУРНЫХ НОМИНАЦИЙ (на материале международных наименований цветковых растений)

Е.В. Кузнецова

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра романских языков
E-mail: Philology@sgu.ru

Статья посвящена изучению функций биномиального видового названия, представляющего самый значительный таксон отдела покрытосеменных, или цветковых, растений Международной ботанической номенклатуры. Являясь лексической единицей узкой сферы употребления, видовое название именуется непосредственно воспринимаемый, конкретный предмет, выполняя такие функции, как номинативная, классификационная, информативная и коммуникативная. **Ключевые слова:** видовое название, Международная ботаническая номенклатура, биномиальное видовое название, номинативная функция, классификационная функция, информативная функция, коммуникативная функция номенклатуры.

On the Problem of Nomenclature Nomination (on the Material of International Flowering Plant Names)

E.V. Kuznetsova

The article is devoted to the exploration of the functions of the binominal specific name which represents the most significant taxon of the angiosperm or flowering plants section in the International Botanical Nomenclature. Being a narrow usage lexical unit, the specific name denotes a directly perceivable, particular object and represents nominal, classifying, informational and communicative functions.

Key words: specific name, International Botanical Nomenclature, binominal specific name, nominal, classifying, informational and communicative functions of nomenclature.

Существенным ингредиентом Международной ботанической номенклатуры (МБН) – совокупности научных названий объектов растительного мира – являются международные номенклатурные наименования цветковых растений.

К самым значительным таксонам презентации отдела покрытосеменных, или цветковых, растений международной иерархической системы относится биномиальное видовое название. Универсальное, то есть оформленное на базе латинского алфавита, видовое название характеризуется унифицированной структурой, регламентированным порядком расположения составляющих видового названия (родового названия и видового эпитета) и стабильным графическим оформлением. В МБН названная номенклатурная единица выполняет, по нашему мнению, такие функции, как номинативная, классификационная, информативная и коммуникативная.

Номинативная функция интересующей нас номенклатурной единицы заключается в том, что она именуется непосредственно воспринимаемое, конкретное цветковое растение отдельного вида, отражая и фиксируя в материальном воплощении описательные и относительные признаки объекта специальной области знания, выявленные в процессе человеческого познания.

Описательные и относительные признаки цветковых растений, задействованные при номинации флористических объектов, определяются, во-первых, внешним видом, качествами и свойствами объектов номинации и спецификой развития ботанической науки, системой ее понятий; во-вторых, общественно-историческим опытом номинатора, его знаниями, культурными традициями, фантазией, степенью развития комбинаторных способностей, характером окружающей обстановки; в-третьих, элементами плана содержания, представленными в литературном латинском языке и научной ботанической терминологией.

Следует отметить, что в некоторых случаях родовые названия и преимущественно видовые эпитеты цветковых растений, зафиксированные в МБН, образуются на основе формального признака. Данное явление для номенклатурной номинации считается естественным, так как номенклатурная единица именуется предмет без обязательной презентации существенного признака обозначающего объекта. Номен служит для номинации изучаемого и наблюдаемого предмета и для него строгая понятийность более или менее безразлична, не обязательна.

Названные признаки, образуя содержательную сторону номинативной единицы МБН, сознательно материализуются и закрепляются

в звуковой оболочке по образцу и на материале литературного латинского языка, под влиянием кодифицированных и специальных латинских и латинизированных лексических единиц и словообразовательных элементов. Последние легко выводятся из значения научных номенов и не создают дополнительных сопутствующих значений при номенообразовании.

Регулируемый и контролируемый правилами и советами Международного кодекса ботанической номенклатуры номинативный процесс, будучи разновидностью общеязыковой номинации, дает возможность латинизировать фитонимы, заимствованные из других языков, искусственно внедрять стандартные, специализированные по значению словообразовательные морфемы, обладающие классифицирующей функцией, заменять синонимы и полисемичные названия рациональными и целесообразными единицами с целью создания единообразной и эффективной системы обозначения специальных ботанических объектов.

Важно заметить, что при назывании отдельного цветкового растения видовое название служит именем не только единичного экземпляра, а именуется всю совокупность подобных ему ботанических индивидуумов, имеющих общие признаки, отличающие отдельную совокупность от других подобных совокупностей.

Отметим также, что отдельные родовые названия, непререкаемые составляющие видового названия МБН, участвуют в формировании единиц надродового ранга, выступая связующим звеном между видом и надродовыми таксонами иерархической системы. Например, название рода *Magnolia* производит имена для таксонов рангом выше рода, а именно для семейства *Magnoliaceae*, порядка *Magnoliales*, надпорядка *Magnolianae*, подкласса *Magnoliidae*, класса *Magnoliopsida*.

Выполняя классификационную функцию, видовое название МБН или его составляющие служат для индивидуализации, обобщения и дифференциации многообразия видов цветковых растений растительного царства.

Прежде всего следует отметить, что видовое название цветкового растения индивидуализирует отдельный вид, то есть совокупность сходных индивидуумов, имеющих устойчивые, передающиеся из поколения в поколение общие признаки, более или менее отличающиеся от других подобных совокупностей, а также от других видов растительного мира. Вне зависимости от морфологической близости цветковых растений каждое из следующих видовых названий МБН индивидуализирует совокупность цветковых растений отдельного вида и отличает ее от совокупностей других видов, например: *Atriplex patula*, *Atriplex hastate*, *Asarum europaeum*, *Evonymus europaea*, *Butomus umbellatus*, *Cytisus scoparius*, *Drosera rotundifolia*, *Frangula alnus* и др.

Составляющее видового биноминала – видовой эпитет – индивидуализирует отдельную совокупность ботанических индивидуумов, объединенных в один вид, делая ее уникальной, единичной, непохожей на другие совокупности цветковых растений одного рода. Например, видовые эпитеты следующих видовых названий индивидуализируют совокупность цветковых растений, принадлежащих к различным видам одного рода: *Lathyrus aphaca*, *Lathyrus montana*, *Lathyrus pratensis*, *Lathyrus sylvestris*, *Lathyrus tuberosus*, *Lathyrus vernus*.

Одновременно с индивидуализацией совокупности растений отдельного вида видовой эпитет видового названия разграничивает совокупности растений различных видов, составляющие один род, то есть дифференцирует. Так, следующие видовые названия МБН *Geranium dissectum*, *G. molle*, *G. palustre*, *G. pratense*, *G. robertianum*, *G. sanguineum*, *G. silvaticum* имеют общее родовое название *Geranium*, собирающее целый ряд морфологически близких совокупностей растений в один род по одному общему признаку, а указанные видовые эпитеты (*dissectum*, *molle* и др.) дифференцируют совокупность цветковых растений отдельного вида от совокупностей других видов одного рода.

Заметим также, что видовое название обобщает, так как родовое составляющее видового названия группирует виды одного рода. Например, такие видовые биноминалы цветковых растений, как *Papaver argemone*, *Papaver dubium*, *Papaver hybridum*, *Papaver rhoeas*, включают общее родовое название *Papaver*, которое объединяет цветковые растения названных четырех видов в один род.

Материал нашего исследования показывает, что внутренняя форма большинства анализируемых фитонимов является прозрачной и раскрывает богатую экстралингвистическую информацию как о морфологических признаках цветковых растений, воспринимаемых органами чувств, о качествах и свойствах обозначаемого объекта, так и о людях и фактах, связанных напрямую или косвенно с ботанической наукой и систематикой, выполняя таким образом информативную функцию.

Информация о биологической сущности цветковых растений содержится во внутренней форме родовых названиях и видовых эпитетах видовых названий МБН, образованных на основе описательных и относительных признаков. Первые сообщают о морфологических особенностях различных органов цветковых растений (цветка, листовой пластины, плода, стебля (побега), корневища, семян, клеточного сока и др.), а вторые – о типичном местообитании цветкового растения, о его жизненных периодах (времени произрастания, цветения и увядания), продолжительности жизни, жизненной форме, полезных и вредных свойствах.

Что касается эпонимных видовых названий, внутренняя форма которых создается на основе имен собственных, то они не представляют

существенных признаков именуемых объектов. Однако эпонимные фитонимы закрепляют авторское открытие, увековечивая таким образом имена ученых и видных деятелей (ботаников и систематиков, знатоков флоры и коллекторов, медиков и садоводов, физиков и химиков, путешественников, философов, общественных и политических деятелей), связанных с ботанической наукой.

Многие эпонимные составляющие видового названия МБН, предложенные авторами Античности и Средневековья, сообщают также о персонажах, которые, согласно мифам, легендам и преданиям, открыли выделенные цветковые растения или впервые применили их свойства.

Как уже отмечалось выше, внутренняя форма родовых названий и главным образом видовых эпитетов МБН, представленная именами собственными или субъективными признаками, не отражает биологической сущности растений, а может носить условный характер. В этом случае для получения исчерпывающей информации о растении следует обращаться к описанию-диагнозу или к непосредственному изображению растения, которые всегда сопровождают видовое название МБН в научной ботанической литературе, конкретизируя различительные признаки и особенности цветкового растения.

Выявление отличительных характеристик растения при помощи иллюстрации или специального описания способствует правильному определению существенных признаков цветкового растения, отличающих данный таксон от других. Например, эпитет видового названия *Clematis alpina* указывает на место произрастания данного вида цветкового растения. Диагноз, уточняя отличительный признак, сообщает, что названное растение встречается не только в Альпийских горах, как можно понять по эпитету, но и в посадках и лесах предгорных районов¹.

Необходимо заметить, что любая отрасль науки «по своей природе интернациональна и для нее наличие единого языка, служащего целям международного общения, является благотворным фактором»².

МБН – вспомогательный искусственный язык, предназначенный для удовлетворения потребностей специалистов ботанической науки в специальных видах коммуникации на международной арене. Основная номинативная единица МБН – видовое название – широко используется в официальном общении среди ботаников как в устной, так и в письменной форме. Видовое название сразу и однозначно ассоциируется с представлением, которое вкладывают в него те, кто сообщает это название и тем самым облегчает ориентацию в многообразии растительного царства и унифицирует международное общение между разноязычными естествоиспытателями. Выполняя коммуникативную функцию, видовое название позволяет также законно представлять цветковые растения в ботанических печатных

изданиях и продуктивно реализовывать широкий обмен научной информацией, успешно вести научно-исследовательскую работу и преподавание.

Таким образом, в МБН видовое название призвано выделять ботанические объект и именовать его, отражая и фиксируя результаты познавательного процесса о многочисленных представителях мировой флоры, определять место цветкового растения в сложной иерархической системе и

выполнять четкую функцию профессиональной коммуникации в пределах определенной области знания.

Примечания

- ¹ Aichele D. Quelle est donc cette fleur? P., 1990.
- ² Боровский Я.М. Латинский язык как международный язык науки (к истории вопроса) // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991. С.70.

УДК 811.161.1'373.612.2

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРЕДМЕТНО-СПЕЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА «БАНКОВСКОЕ ДЕЛО» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

А.В. Майтова

Саратовский государственный аграрный университет,
кафедра «Иностранные языки»
E-mail: annamaitova@yandex.ru

В статье на примере терминологии банковского дела русского и немецкого языков исследуется роль когнитивной метафоры в формировании частноотраслевых терминосистем.

Ключевые слова: концептуальная метафора, источник метафоризации, метафорическое именование, метафорическая единица, признаки метафорических единиц, аксиологические оценки, метафора, область-донор метафорической номинации, концепт, терминологическая система.

Cognitive Basis for the Metaphorical Nomination of the Terminological System of the Object Specific Language «Banking» in the Russian and German Languages

A.V. Maitova

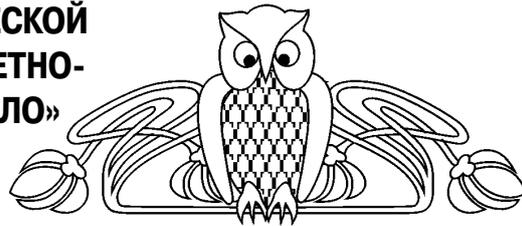
The article studies the cognitive metaphor role in the formation of the specific object terminology system on the material of the Russian and German banking terminology.

Key words: conceptual metaphor, source of metaphorisation, metaphorical nomination, metaphorical unit, metaphorical unit indicators, axiological estimation, metaphor, donor field for metaphorical nomination, concept, terminological system.

Важную роль в организации терминологической системы банковского дела русского и немецкого языков играет концептуальная, или когнитивная, метафора.

Общий объем рассматриваемых нами терминологических единиц составил 133 в русском языке и 157 – в немецком языке.

Так, было установлено, что в качестве источников метафоризации (доноров) в рамках банковской терминосистемы наиболее регулярно в русском и немецком языках используются несколько семантических сфер (табл. 1).

По совокупности процентной составляющей терминологическая номинация областей-доноров – «мир человека», «мир пространственной ориентации», «мир материальных объектов и их состояний», «мир природы» и «мир оценочных определений» – равна 93% в русском языке и 95,5% – в немецком, тогда как «мир науки» представлен лишь 7% единиц от общего числа метафоричных терминов (МТ) в русском языке и 4,5% – в немецком.

Состав конкретных именовании в каждой из сфер-доноров чрезвычайно разнообразен, ср.: «мир человека»: *материнская компания, дочернее общество, долларový голод, вексельная строгость, ступенчатое начисление процентов, die Bluechips, der Interventionskurs, die Wechselintervention, das Aktienpaket, der Freundschaftswechsel;*

«мир пространственной ориентации»: *повышение курса, понижение курса, верхняя граница процентных чисел, внезапное падение курса, der Plafond, der Dachzentralverband, der Kellerwechsel, das Fremdgelder, das Fremdkapital;*

«мир материальных объектов и их состояний»: *чистый убыток, горячие деньги, твердые проценты по акциям, твердый обменный курс, чистый процент по кредиту, die Festgrundschuld, die Festhypothek, der Festzinsblock, der Reingewinn, der Reinverlust;*

«мир природы»: *годовой темп роста, расти, рост, процветать, поток наличности, cats and dogs, florieren, die Exoten, die Dollarschwemme, das Wachstum;*

«мир науки»: *кредитная инъекция, финансовая инъекция, долларовая инъекция, кредитная линия, параллельный кредит, die Kreditspritze, die Investionsspritze, die Dollarspritze, der Parallelkredit.*

Продуктивности метафорического именовании, на наш взгляд, есть экстралингвистическое

Таблица 1

Области-доноры для метафорической номинации и их активность в терминосистеме предметно-специального языка «Банковское дело»

Область-донор	Русский язык			Немецкий язык			Количество совпавших пар
	Количество терминов	в % к МТ	в % к БД	Количество терминов	в % к МТ	в % к БД	
Мир человека	38	28	3	41	26	3	21
Мир пространственной ориентации	37	28	3	48	30,5	3	27
Мир материальных объектов и их состояний	32	24	3	42	27	3	23
Мир природы	17	13	1,5	19	12	1	11
Мир науки	9	7	1	7	4,5	0,4	5
Всего	133	100	12	157	100	10	87

объяснение. По мнению авторитетных ученых, чрезмерное применение математических теорий и методов к объяснению экономических процессов вредно, поскольку экономика – это наука о человеке, и для ее познания необходимо объективное изучение форм и принципов повседневной хозяйственной жизни разных слоев населения¹.

В терминологии предметно-специального языка «Банковское дело» обоих исследуемых языков наблюдается преобладание метафоричных терминов с нейтральной или положительной коннотацией: *годовой темп роста, твердые проценты по акциям, твердая валюта, рост капитала, процветать – florieren, der Goodwill, starke Währung, harte Valuta, die Kapitalerhöhung*. По нашему мнению, это связано с оптимистической нацеленностью банковского учреждения на получение прибыли, с позитивными ожиданиями его клиентов, а, как отмечают исследователи, когнитивные структуры мозга человека, фиксирующие его предметно-познавательный опыт, способны содержать в себе не только проекцию объектов, процессов, но и их эмоциональную оценку². Именно поэтому позитивная коннотация является вполне закономерной.

Преобладающими признаками метафоричных единиц являются качественно-характеризующие (46,5% – в русском языке и 45% – в немецком): *твердая процентная ставка – der Festzinssatz, твердый процент – der Festzin*; акциональные (39% – в русском языке и 32,5% – в немецком): *взвешивание курсов – das Abwägen, взвешивание акций – das Aktienabwägen*. Это объясняется тем, что они являются выражением прагматического подхода человека к выбору единиц для создания терминов-метафор.

К наиболее часто используемым аксиологическим оценкам относятся оценки-когнитивы (46% – в русском языке и 47% – в немецком): *рост процентной ставки – die Zinserhöhung, рост капитала – die Kapitalerhöhung*, а также

оценки-сублиматы (31% – в русском языке и 32% – в немецком): *скрытый факторинг – verdecktes Factoring, высококотирующаяся валюта – die Edervaluta*. Основная причина данного феномена заключается в том, что посредством именно данного типа метафорических именовании достигается прагматическая направленность и четко выраженная позитивная или негативная коннотация термина.

На основании проведенного анализа мы можем сделать вывод, что заимствование лексических единиц для метафорической терминологизации происходит не хаотично, а в результате тщательного отбора посредством актуализации их признаков с последующей аксиологической оценкой, что позволяет из массы лексического материала отобрать для терминов-метафор предметно-специального языка «Банковское дело» русского и немецкого языков единицы, способные при минимальных средствах максимально номинировать самые сложные концепты этой специфической сферы экономики.

Наличие в банковской терминологии русского и немецкого языков терминов-метафор свидетельствует, на наш взгляд, о бесспорной важности денежно-кредитных отношений для общества и также о том, что банк как экономическое явление и как формируемая вокруг него концептосфера не есть нечто застывшее, напротив, он находится в непрерывном инновационном развитии.

Примечания

- ¹ Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. М., 1996. С. 104.
- ² Ивина Л.В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М., 2003. С. 151.

УДК 811.112.2'373.612.2

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ИМЕНИ СОБЫТИЯ

Е.Г. Трещева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: treshyova@gmail.com

В статье анализируются ассоциативные поля стимулов с событийной семантикой, делается попытка выделить в их структуре слоты, характерные для стимулов-имен событий.

Ключевые слова: событие, имена событий, ассоциативный словарь, ассоциативное поле.

Associative Field of the Event Name

E.G. Treshcheva

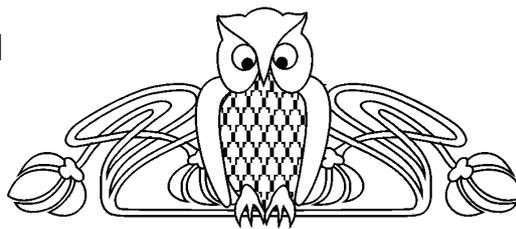
The article deals with the analysis of associative fields formed by stimuli with event meaning, it describes the procedure of marking out the structural slots, typical of stimuli which name events.

Key words: event, event name, associative vocabulary, associative field.

В работе делается попытка выяснить путем анализа ассоциативных данных, как события отражаются в сознании носителей языка. Мы исходим из того, что набор ассоциатов стимулов, которые являются именами событий, в основных чертах раскрывает структуру соответствующего события и таким образом дает представление о том, как событие отражается в картине мира человека.

Материалом для исследования послужили словарные статьи стимулов Русского ассоциативного тезауруса (РАС)¹, отобранных из прямого словаря. Это стимулы, семантически аналогичные тем, которые ряд ученых признают именами событий (например, *авария, беседа, битва, встреча, землетрясение, операция, развод, свадьба* и др.). В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением ассоциативных полей, образованных двумя из них – *операция* и *беседа*.

Первым шагом при анализе ассоциативных полей и построении фрейма стало решение проблемы многозначности стимулов. Если у слова имеется более одного значения, то для получения объективных результатов мы разнесли реакции по разным статьям в соответствии с разными значениями стимула, чтобы каждому отдельному значению данного стимула соответствовал свой особый набор реакций. Конечно, провести четкую границу между реакциями, данными на разные значения стимула, можно далеко не всегда, поскольку, во-первых, эти значения могут быть очень близки между собой, а во-вторых, некоторые реакции по смыслу могут в равной степени «подходить» нескольким значениям стимула.

Следующим шагом стало выделение слотов событийного фрейма. В первую очередь при выделении слотов мы опирались на то, как лингвисты, изучающие события с той или иной стороны, видят их основные компоненты и структуру в целом.

Среди основных черт, присущих событиям как явлениям мира, с одной стороны, и как концептуальным структурам сознания человека, с другой стороны, ученые выделяют пространственно-временную локализованность, а также принадлежность жизненной сфере человека². Соответственно было принято решение включить в состав фрейма слоты «*Временная локализация*» и «*Пространственная локализация*». О том, как отражается событие в личной сфере человека, можно судить по оценочным реакциям, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, у каждого события в большинстве случаев имеются его участники, активные и неактивные. Это позволяет предположить, что будет актуальным слот «*Участники события*».

В работе «Событие и текст» В.Я. Шабес особое внимание уделяет рассмотрению события с точки зрения того, как оно протекает – в структуре события он выделяет предсобытие, эндособытие и постсобытие в качестве взаимосвязанных стадий его развития, оговаривая, однако, что не все из них обязательны для любого рассматриваемого события³. Соглашаясь с тем, что событие имеет сложную структуру, мы предполагаем, что заполненным окажется и слот «*Стадии события*».

Подчеркиваются и причинно-следственные связи событий с другими событиями в окружающем мире. Следовательно, необходимо проверить на предмет наполненности реакциями и такие слоты фрейма, как «*Связь события с прошлым*» и «*Связь события с будущим*», куда кроме реакций с событийной семантикой включим и любые реакции, имеющие в своем значении какое-либо указание на связь данного события с прошлым или будущим.

Анализ показывает, что реакции, полученные на стимулы-имена событий, действительно в большей или меньшей степени заполняют указанные выше слоты, но кроме этого выделяются и другие слоты. Например, достаточно четко выделяются слот «*Семантические корреляты стимула*», куда вошли реакции, являющиеся синонимами, антонимами, родовыми или видовыми понятиями по отношению к стимулу, а также слот «*Обстоятельства события*». Достаточно многочисленными

оказались и реакции оценочного характера, что позволило выделить слот «*Оценка и эмоции*», куда включены оценочные реакции, реакции, передающие эмоциональное состояние человека, а также реакции, указывающие на качественные характеристики события. Выделился также слот «*Имена событий*», куда вошли такие реакции, которые вместе со стимулом называют какое-либо событие. Иногда внутри событий четко выделяются действия, являющиеся их основой: это действия, которые относятся либо к самому событию, либо к его типовому участнику. Это привело к выделению в структуре ассоциативной статьи слота «*Действия*». В слот «*Другое*» были включены нулевые реакции, формальные реакции, а также реакции, не вошедшие ни в одну из указанных выше групп.

Подробнее на проблеме выделения структурных компонентов событий остановимся на примере стимулов *беседа* и *операция*.

На стимул *беседа* в РАС представлено 558 реакций, на стимул *операция* – 105.

«Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделяет у слова **БЕСЕДА** два значения: «1. Разговор, обмен мнениями; 2. Род популярного доклада, обычно с обменом мнениями, собеседование»⁴. Из 558 реакций подавляющее большинство относится к первому значению стимула (*с другом, с преподавателем, ресторана, вечером, в ночи, задушевная, теплая, наедине* и др.), однако, в ассоциативной статье есть и реакции, связанные со вторым значением слова «беседа» (*мероприятие, диспут, за круглым столом, официальная, на высшем уровне* и др.). Поскольку оба значения достаточно близки друг другу, большую группу составили реакции, которые могут быть отнесены к ним обоим (*разговор, речь, дискуссия, много людей, взрослые, длительная, продолжительная, протекает, закончилась* и др.). Было решено разделить ассоциативную статью на две части, в соответствии со значениями стимула: в каждую группу вошли реакции, соответствующие данному значению, и промежуточные, или общие, реакции. Полученные группы оказались очень разными как по размеру, так и по составу реакций. Группа реакций, соответствующих первому значению стимула, оказалась намного больше другой группы, именно эти реакции составили основу ассоциативной статьи. Вторая группа реакций не так многочисленна и ее состав не так полно представляет событие с точки зрения различных его компонентов.

Слову «операция» в том же толковом словаре соответствуют две словарные статьи. **ОПЕРАЦИЯ**¹ толкуется как «Лечебная помощь, выражающаяся в непосредственном механическом воздействии на ткани, органы (обработка ран, удаление, вскрытие патологического очага)»⁵. Видимо, такое понимание стимула *операция* и доминирует у испытуемых. У заглавного слова **ОПЕРАЦИЯ**² выделяют два значения: «1. Коор-

динированные военные действия разнородных войск, объединенные единой целью; 2. Отдельное действие в ряду других подобных»⁶. В РАС на этот стимул не встретилось ни одной реакции, соответствующей второму значению **ОПЕРАЦИЯ**², в то время как первое его значение вызвало некоторую долю реакций. После распределения реакций по указанным значениям в ассоциативной статье появятся две группы, сравнимые по размерам, но разные по составу реакций и характеру распределения реакций по слотам.

Поскольку по ассоциативным данным можно судить о том, как отражается событие в сознании носителей языка, то важно установить, какие из предполагаемых слотов событийной структуры наиболее типичны для стимулов-имен событий и насколько они заполнены реакциями. Рассмотрим последовательно каждый из этих слотов.

1. Семантические корреляты⁷

Это хорошо заполненный слот. Реакции, входящие в его состав, отображают в основном языковые семантические связи слова-стимула. В него входят реакции, обозначающие родовые для стимула понятия (*беседа* → *общение, операция* → *хирургия*), синонимы/квазисинонимы (*беседа* → *разговор, диалог*), антонимы (*беседа* → *молчание*), слова, поясняющие стимул (*беседа* → *дружеский разговор*), видовые понятия (*беседа* → *нравоучение, рассказ, спор, диспут, операция* → *удаление; захват*), или же просто близкие стимулу понятия (*беседа* → *речь, поединок*). Самый частотный класс таких реакций – синонимические / квазисинонимические. Поскольку реакции этой группы отражают прежде всего связи в языке, то многие из них являются «общими» для разных значений стимула, т.е. в случае его многозначности входят во все группы реакций.

2. Участники события

Данный слот также оказывается хорошо заполненным. В ассоциативной статье стимула *беседа* его представляют в основном реакции, в значении которых имеется указание на активных участников события: *с другом, с преподавателем, с врачом, с учителем, друг, товарищ, двое, друзья, коллеги, женщины; обозревателя, много людей* и др. Ассоциативное поле стимула *операция* представлено гораздо меньшим количеством реакций, поэтому и группа реакций, обозначающих участников события, немногочисленна. Актуализируется агенс события: (1) *хирург, врач, хирурга*; (2) *милиция, иппон*; его пациент: (1) *на сердце, аппендицит, мозг*; инструмент действия: (1) *скальпель*.

На примере слота «Участники события» особенно хорошо прослеживаются разные значения стимула, как правило, множества участников событий, называемых стимулом, не пересекаются, по реакции из этой группы можно четко определить, на какое из значений стимула она дана.

3. Пространственная локализация

В целом данная группа ассоциаций немногочисленна. Реакции, указывающие на место, хо-

рошо представлены в статье стимула *беседа*, и это в определенной мере обусловлено большим количеством полученных на этот стимул реакций. Вообще, на примере стимула *беседа* хорошо прослеживается, что когда на стимул получено много реакций, они заполняют (конечно, в разной степени) все выделенные слоты. Итак, основным местом для такого события, как *беседа*, являются (1) *беседка, стол, парк, улица, ресторан*; (2) *круглый стол, парк* и др. Как упоминалось выше, первое значение стимула гораздо полнее представлено реакциями. Реакции данной группы, полученные на стимул *операция*, сконцентрированы в основном вокруг значения *операция*¹: *больница, на столе, на хирургическом столе*. На значение *операция*² дана только одна такая реакция – *штаб*.

4. Временная локализация

В целом в ассоциативных статьях рассмотренных стимулов временной компонент выражен неярко. В основной реакции с временной семантикой встречаются в ассоциативных статьях большого размера, как раз таких, как на стимул *беседа*: (1) *вечер, вечером, в ночи, долгая, длительная*; (2) *долгая, длительная, продолжительная* и др. В ассоциативной статье стимула *операция* встретила лишь одна реакция, указывающая на время протекания события и относящаяся к обоим значениям стимула, – *долгая*. Как видно, временной компонент события чаще всего присутствует в ассоциациях, но он не позволяет отличить одно значение стимула от другого, а значит, и события друг от друга.

5. Связь события с прошлым

Как правило, у всех стимулов с событийной семантикой данный слот заполнен, однако чаще всего он представлен одной – несколькими реакциями, редко в его состав входит большое их количество. Несмотря на это, для «событийных» стимулов данный слот является актуальным – по реакциям, входящим в него, можно судить о разного рода связях данного события с другими. Во-первых, реакции могут указывать на предсобытие или на причину, вызвавшую событие: *операция* → (1) *травма, болезнь*; (1, 2) *план, плановая*. Во-вторых, они могут содержать указание на то, что событие уже произошло, что оно завершено/имело место: *беседа* → *была, было, не получилась, не состоялась*.

Кроме того, ассоциативные статьи событийных стимулов показывают, что в этот слот могут входить и другие группы реакций. Например, это могут быть указания на то, насколько ожидаемо событие, насколько его можно предсказать: *событие* → *неожиданное, случайное, долгожданное, внезапное*; *снегопад* → *долгожданный, обещающий* и др.; или же реакции могут указывать на то, происходило ли данное событие ранее: *бал* → *первый*; *снегопад* → *первый*; *встреча* → *первая, впервые, опять, снова*.

6. Связь события с будущим

Данный класс также объединяет в себе многочисленные реакции, которые все же, как

правило, присутствуют в ассоциативной статье. В рассматриваемых двух статьях данный слот практически не заполнен: на оба стимула получено по одной реакции такого рода: на стимул *беседа* дана только реакция *выяснение*; на стимул *операция* (1) – реакция *смерть*.

Материал ассоциативных полей других стимулов показывает, что в пределах рассматриваемого слота можно выделить следующие группы реакций.

Во-первых, в реакции может содержаться указание на результат основного события: *землетрясение* → *разрушение, гибель, смерть*; *буря* → *смела*; *снегопад* → *аварии, занос*; *дождь* → *свежесть, слякоть, чистота*; *авария* → *смерть, гибель, травма, убит, кровь* и др.

Во-вторых, реакции могут указывать на пост-событие: *операция* → *смерть*; *дождь* → *сохнуть*; *авария* → *помощь*; *встреча* → *перед разлукой*; *ссора* → *убийство, забытая*; *ужин* → *спать* и др.

В-третьих, реакции такого рода могут характеризовать цель, с которой было задумано событие (только для тех стимулов, значение которых не подразумевает стихийное протекание, а может содержать компонент целенаправленности, контролируемости со стороны участников события). Например: *беседа* → *выяснение*; *митинг* → *провокационный, пропагандистский*; *матч* → *за 1 место*; *поединок* → *за звание чемпиона*; *поездка* → *за грибами, командировочная, туристическая*; *бой* → *за правду, за Родину*; *битва* → *за жизнь, за урожай, за Родину, за колбасу, за место* и др.

Кроме того, реакции, отражающие связь события с будущим, могут говорить о том, произойдет ли когда-нибудь (еще) это событие или нет: *буря* → *грянет*; *битва* → *последняя*; *бой* → *последний*; *поединок* → *последний*; *скачки* → *состоятся*; *встреча* → *последняя*; *свадьба* → *переносится*; *обед* → *не светит* и др.

Предполагается, что этот слот и предыдущий являются характерными именно для полей имен событий, поскольку они отражают последовательность событий на оси времени и их связь друг с другом.

7. Стадии события

Данный слот, вероятно, тоже может характеризовать именно стимулы с событийной семантикой. Однако поскольку в наивном сознании само понятие стадийности является достаточно узким, то и возможных реакций не может быть много: выражаются в основном значения начала события, его срединной стадии и финала, стадии завершения. Не во всех ассоциативных полях активизируются все три этапа протекания события, но хотя бы один из них получает свое выражение в качестве реакции.

Так, в ассоциативной статье стимула *беседа* отражены все три этапа протекания основного события: *завязка, ведется, протекает, завершилась, закончилась, исчерпана, окончена*. А вот в меньшей по размеру статье стимула *операция*

актуализируется лишь срединная стадия события, представленная единичной реакцией *идет*.

8. *Обстоятельства события*

Данный слот включает реакции в основном трех типов.

Во-первых, это реакции, обозначающие процессы, состояния или события, происходящие параллельно с основным событием, являющиеся его частью, этапом или неотъемлемой характеристикой: *беседа* → *еда, курение, давление, напряжение, слух; операция* (2) → *стрельба, задача*.

Во-вторых, это реакции, обозначающие предметы, элементы обстановки, в которой протекает событие: *беседа* → *чай, еда, за чаем, губы, сигарета, луна, при луне*.

И наконец, в-третьих, это реакции, указывающие на характер протекания события, на то, каким образом оно происходит или каковы признаки основного действия, с которым данное событие неразрывно связано: *операция* (1) → *без наркоза, деньги; беседа* → *наедине, вдвоем, с глазу на глаз, в дружеской обстановке, на глаз*.

Необходимо отметить стимул *беседа*: этот стимул и подобные ему (например, *спор*), обозначая речевые события, вызывают в рамках данного слота особую группу реакций – реакций, содержащих указание на тему, предмет разговора: *беседа* → *о жизни, об искусстве, о любви, о политике, о человеке, о разном, о чем-то и др.; спор* → *о дружбе, о книге, о природе вещей, о счастье, про ничего и др.*

9. *Действия*

Реакции, вошедшие в данную группу, можно условно поделить на два типа: первые обозначают действие, характерное для самого события, то есть в высказывании с такой реакцией в роли сказуемого подлежащим был бы сам стимул; вторые отражают действия, производимые участниками данного события.

Например: *беседа* → *лилась*; но: *говорить, вести, молчать; операция* → (1, 2) *идет*, (2) *провалялась*; но: (1, 2) *провести*, (1) *резать*.

Вообще, следует сказать, что данный слот не является одним из наиболее заполненных, как правило, в ассоциативной статье имеются лишь единичные реакции такого рода. Это справедливо и для ассоциативных статей других стимулов, независимо от количества полученных на стимул реакций.

10. *Имена событий*

В данный слот вошли такие реакции, которые образуют вместе со стимулом имя ситуации/события. Однако реакции, отнесенные нами в этот слот, нельзя считать характеризующими именно событийные стимулы как особый тип. Дело в том, что такие реакции отражают в основном языковые связи, образуя вместе со стимулом (или же в них самих повторяется стимул) устойчивое сочетание, называющее событие. В результате полученное словосочетание является производным от событийного стимула, а не просто новым именем

события: *беседа* → *светская, деловая, официальная, личная, по душам, на высшем уровне; операция* → (2) *Ы, Ы и др. приключения Шурика, X, Операция Ы*.

В разных ассоциативных статьях слот заполнен по-разному: в некоторых статьях в данную группу вошло множество реакций (на стимулы *событие, происшествие, буря, операция, матч, свадьба, развод*), в некоторых – одна-две реакции.

11. *Оценка и эмоции*

Группа оценочных реакций является самой многочисленной в ассоциативных статьях абсолютного большинства стимулов.

Сюда входят, во-первых, собственно оценочные реакции: *беседа* → *бойкая, бурная, теплая, приятная, веселая, задушевная, хорошая, пустая, не из приятных и др.; операция* → (1, 2) *сложная, радикальный*.

Во-вторых, это связанная с оценкой группа реакций, характеризующих эмоциональное состояние человека, вызванное событием: *операция* → *страх, боль; беседа* → *интерес, нудная, развлекательная, занимательная, непринужденная*.

И, в-третьих, в этот слот было решено включить и качественные характеристики события, в которых не обязательно выражена оценка, хотя в рассматриваемых в этой работе ассоциативных статьях таких реакций не встретилось. Наблюдение показало, что такая разновидность реакций не характерна для ассоциативных статей стимулов, обозначающих события в общественной жизни или личной сфере человека: *захват* → *прочный, прямой; снегопад* → *белый, обильный*.

Вообще, данный слот, хотя и оказывается одним из самых заполненных, не является типичным именно для ассоциативных полей имен событий, поскольку и другие стимулы вызывают оценочные или характеризующие реакции. Но вместе с тем данный слот все же является неотъемлемой частью структуры ассоциативных полей таких стимулов, так как он отображает место события в личной сфере человека.

Таким образом, анализ показывает, что в структуре ассоциативных полей имен событий можно выделить слоты, в той или иной степени обязательные для ассоциативных статей большинства событийных стимулов. Что касается степени наполненности различных слотов событийного фрейма реакциями, то здесь следует отметить влияние размера ассоциативной статьи, полученной на данный стимул. Чем больше реакций содержит ассоциативная статья, тем полнее представлены слоты событийной структуры.

Выделенные слоты, как правило, неоднородны по своему составу и содержат разное число реакций. Но можно назвать и общий для всех стимулов с событийной семантикой набор слотов, которые регулярно заполняются в ходе ассоциативного эксперимента. Это основные компоненты события: участники данного события, его локализация во времени и в пространстве, стадии события, его связь с про-

шлым и будущим, атрибуты и признаки события, его оценка и характеристики, определенные действия. Кроме того, один из наиболее заполненных слотов образуют реакции, являющиеся семантическими коррелятами по отношению к стимулу. Одни из названных слотов отражают языковые связи между стимулом и реакцией, другие же дают представление об основных компонентах события и характерны именно для стимулов с событийной семантикой.

Примечания

¹ См.: Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Ярошинская В.Н. Русский ассоциативный

словарь. Том I. От стимула к реакции. Астрель, 2002.

² См.: Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Язык и мир человека. М., 1999; Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

³ См.: Шабес В.Я. Указ. соч.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Порядок рассмотрения слотов выбран произвольно и не зависит ни от степени наполненности слота реакциями, ни от того, насколько он типичен для стимулов с событийной семантикой.

УДК 811.112.2'373.612.2

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ (на материале подъязыка телевидения в ФРГ)

Е.Г. Усик

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра немецкой филологии
E-mail: Philology@sgu.ru

Статья посвящена исследованию семантико-стилистических особенностей языка немецких СМИ. Предметом изучения является специфика семантики и прагматического воздействия метафорических средств, используемых в выпусках новостей экономики телевизионного канала ФРГ *Deutsche Welle* при освещении глобального финансового кризиса. В ходе анализа выделяются основные семантические сферы, лексические единицы которых развивают однотипные переносные значения, выявляются некоторые тенденции формирования экономической терминологии на основе метафоризации.

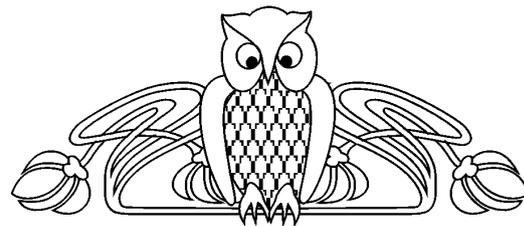
Ключевые слова: масс-медиа, язык экономики, прагматическое воздействие, экспрессивность, метафоризация, термины-неологизмы.

Pragmatic Orientation of Metaphorical Means of Expression in the Language of Economics (on the Material of the Television Sublanguage in the Federal Republic of Germany)

E.G. Usik

The article is devoted to the exploration of semantic and stylistic peculiarities of the German media language. The object of the research is specific features of the semantics and pragmatic influence of metaphorical means which are used in economic news broadcasts on FRG TV channel *Deutsche Welle* to present the global financial crisis. The analysis marks out the basic semantic spheres in which lexical units develop the same kind figurative meaning and gives several tendencies of forming terminology of economics using metaphorisation.

Key words: mass media, the language of economics, pragmatic influence, expressionism, metaphorisation, neologism terms.

Важная роль средств массовой коммуникации как социального феномена в жизни современного общества обуславливает возросший в последние десятилетия интерес многих лингвистов к изучению языка СМИ. Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно отмечали, что тенденции развития языка и общества наиболее полно отражаются в средствах массовой информации¹. Лексика языка СМИ представляет собой самую актуальную и подвижную часть лексического состава, которая постоянно развивается и обновляется.

Стилистические особенности языка СМИ определяются его основными функциями: коммуникативной и прагматической. Коммуникативно-прагматическая направленность средств массовой информации, как известно, заключается в достижении адекватного восприятия аудиторией явлений экономической, политической и культурной жизни, целенаправленном воздействии на общественное сознание, формировании социальной оценки. Указанная специфика определяет повышенную потребность в экспрессивно-оценочных языковых единицах. Поскольку адресатом СМИ является широкая и неоднородная аудитория, языковой материал требует также унификации и стандартизации, поэтому основным принципом отбора языковых средств в СМИ, по наблюдениям многих исследователей, становится принцип чередования стандарта и экспрессии. Экспрессивный механизм, как отмечает профессор В.Д. Девкин, действует за счет нарушения регулярности – путем переносов, образности, нарушения привычной сочетаемости слов и морфем; путем идиоматического словообразования и т.п.²

Экспрессивность на лексическом уровне реализуется чаще всего с помощью эмоционально-

оценочно окрашенной лексики и фразеологии. Одним из основных средств экспрессивно-оценочной номинации является метафорическое переосмысление языковых единиц.

В 80–90-е гг. XX в. большое внимание как в Германии, так и в России уделялось изучению политической метафоры в прессе, что было обусловлено прежде всего экстралингвистическими факторами³. Известный немецкий исследователь языка масс-медиа Й. Кляйн с соавт. пишет по этому поводу следующее: «*Politische und ideologische Terminologien der Ost-West-Auseinandersetzung, der Gesellschafts- und Sozialpolitik, der Umweltpolitik und seit Ende der DDR der Wiedervereinigung standen im Vordergrund*»⁴.

В последнее время все большее внимание лингвистов привлекают семантические изменения в языке экономики: «*Die Wirtschaftssprache zaubert mit Worten. Das steckt an*»⁵. Данные процессы возникновения новых слов и значений тесно связаны с процессами глобализации и мирового финансового кризиса. Не случайно «Словом 2008 года» в немецком языке по решению жюри «Общества немецкого языка» в Висбадене (*Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS) Wiesbaden*) было выбрано существительное *Finanzkrise*: «*Dieser Ausdruck war seit Anfang des Jahres in der öffentlichen Diskussion präsent, er kennzeichnet zusammenfassend die dramatische Entwicklung im Banken-, Immobilien- und Finanzsektor*»⁶.

В данной статье рассматриваются специфика семантики и прагматическая направленность метафорических средств, используемых при освещении глобального финансового кризиса в выпусках новостей экономики *Journal Wirtschaft* телевизионного канала ФРГ *Deutsche Welle (DW-TV)*. Важной особенностью метафоризации лексических единиц в языке телевидения является ее регулярный, серийно-типизированный и социально-обусловленный характер. В современном немецком языке образному переосмыслению подвергаются наиболее актуальные сферы лексики, отражающие последние изменения в области финансового дела и экономики. Анализ исследуемого материала показывает, что можно выделить несколько семантических сфер, лексические единицы которых развивают однотипные переносные значения.

В качестве эффективного образного средства при освещении новостей экономики на канале *DW-TV* широко используется персонификация, с помощью которой названиями состояний и свойств человека обозначаются экономические понятия. Данная разновидность метафорического переноса позволяет представить экономику как подвергающийся опасности живой организм, что усиливает эмоциональное воздействие передаваемой информации:

«*Die Krise führt dazu, dass die Wirtschaft gewürgt wird*» [29.10.2008];

«*Sony kämpft um überleben*» [09.12.2008];

«*Opel in Not: einen Schutzschirm liess die Regierung ab*» [17.11.2008].

Состояние экономики ассоциируется с тяжелым заболеванием; данный образ создается с помощью метафорического переосмысления лексики из медицинской сферы. Метафоризации подвергаются целые тематически близкие группы слов, приобретающие в новом лексическом окружении сходные экспрессивно-оценочные коннотации: *der Patient, der Schock, der Kollaps, der Infarkt* и др.

Напр.: «*Jetzt gibt es in Davos einen weiteren Patienten – die Weltwirtschaft*» [29.01.2009];

«*Die Krise bringt die Privatbanken an den Rand des Kollaps*» [30.10.2008];

«*Die Gewerkschaften der Autobauer fordern den Staat, den Kollaps der Autoindustrie zu verhindern*» [12.12.2008];

«*Das war ein Schock für die Märkte*» [12.12.2008].

Возникают сложные, взаимосвязанные ассоциации: «большая» экономика нуждается в своевременно поставленном диагнозе, выявлении причин заболевания и эффективных средствах лечения. Данные ассоциации поддерживаются также другими «медицинскими» метафорами, характеризующими антикризисные меры:

«*Die Zeit wird zeigen, ob Sarkosiz Rezept wirkt*» [04.12.2008];

«*Rezepte gegen Rezepte – was hilft gegen die globale Finanzkrise?*» [10.12.2008];

«*Die Autobranche bekommt eine Finanzspritze vom Staat*» [09.12.2008];

«*Finanzspritze: Die EU will den Autobauern helfen*» [14.11.2008].

Таким образом, одним из основных принципов метафоризации является принцип антропоморфизма. Антропоморфизм выражается не только в уподоблении специальных понятий понятиям, связанным с жизнью человека, но и в участии в процессе метафоризации тематических групп лексики, включающих слова – названия окружающих человека предметов и явлений действительности.

Наряду с персонификацией другим направлением метафоризации является технизация образов. Продуктивны метафорические переносы по сходству выполняемой функции или каким-либо другим ассоциативным признакам. В переносном значении активно употребляется лексика, относящаяся к автомобильной, авиационной и т.п. техническим сферам: *bremsen* (тормозить), *auf die Bremse drücken* (жать на тормоз), *Klemme* (зажим), *steuern, zusteuern* (управлять рулем, рулить), *pumpen* (накачивать насосом), *die Schleudergefahr* (авт. опасность заноса в бок), *die Turbulenz* (турбулентность, завихренность), *turbulent* (турбулентный, завихренный) и др.

Данные «технические» метафоры приобретают в экономическом контексте негативный оценочный компонент и характеризуют не только

тяжелое положение автомобильной отрасли, но и глобальный рыночный кризис, блокирующий производство и деятельность финансовой системы:

«Krise in der Autoindustrie: Schleudergefahr für die Weltwirtschaft?» [17.11.2008];

«Die Autobranche gerät immer mehr in Schleudergefahr» [17.12.2008];

«Die Manager der Konzernzentrale bremsten» [17.12.2008];

«Die europäische ölbörse bremst» [24.11.2008];

«Hunderte Milliarden müssen in die amerikanische Wirtschaft gepumpt werden» [09.11.2009];

«Die Turbulenz an den Finanzmärkten wird immer stärker» [29.10.2008];

«Viele erwarten schwierige turbulente Zeiten» [27.01.2009].

Субстантивные метафоры *die Klemme*, *die Bremse*, *die Turbulenz* и др. образуют также композиты терминологического характера: *die Kreditklemme* (букв.: кредитный зажим), *die Kreditbremse* (букв.: кредитный тормоз), *die Markt-turbulenz* (букв.: рыночная турбулентность) и т.п.

Напр.: «Die Banken sind in der Kreditklemme» [06.11.2008];

«Die Banken drücken auf die Kreditbremse» [09.01.2009].

Данные композиты используются для более точной дефиниции понятий и находятся на пути перехода в экономическую терминологию. С одной стороны, они еще осмысливаются как метафоры, значения которых реализуются на речевом уровне, и не утратили образности. С другой стороны, о терминологизации свидетельствует их регулярное синонимическое употребление с такими экономическими терминами, как *die Kreditsperre* (экон. кредитная блокада), *die Marktschwankung* (экон. колебание цен на рынке) и др.

Большое место в экономических новостях *DW-TV*, освещающих финансовый кризис, занимает лексика с деструктивным значением. Метафорический перенос по сходству эмоциональных впечатлений, или ассоциаций, играет важную роль в семантическом развитии деструктивных глаголов (глаголов разрушения, разделения, отделения и т.п.), а также коррелятивных отглагольных существительных. Данные лексические единицы объединяются ядерной семой «разрушения» и содержат в структуре значения дифференциальные семы «интенсивность» и «внезапность» действия. Напр.: *abbrechen* (обрывать, отламывать) – *der Abbruch* (обвал, обрушение); *einbrechen* (обрушиваться, обвал); *platzen* (лопаться, трескаться, разрываться) – *das Platzen* (разрыв, трещина) и т.п. Семантическая основа деструктивных глагольных метафор и существительных усиливает прагматическое воздействие информации, передает внезапность и разрушительный характер экономических изменений. В языке экономики происходит расширение лексической сочетаемости деструктивных

глаголов: *die Banken*, *die Aktien*, *die Ölpreise*, *die Autoabsätze brechen ein*; *die Banken*, *die Kredite platzen*.

Напр.: «Finanzkrise: die Banken brechen ein» [24.10.2008];

«Der Ölpreis ist in den USA um 12 % eingebrochen» [08.01.2009];

«Der Absatz bei Porsche bricht ein» [30.01.09].

Анализируемый материал свидетельствует о чрезвычайной продуктивности в языке СМИ словосложения. Композиты с новыми значениями отражают изменения в экономической и финансовой сферах. Обращает на себя внимание серийный характер наименований с одним и тем же компонентом. Так, например, основа *einbruch* обнаруживает способность образовывать развернутые ряды композитов: *der Konjunktur-einbruch*, *Gewinn-einbruch*, *Wirtschaft-einbruch*, *Aktien-einbruch*, *IFO-Index-einbruch* и др.

Напр.: «Der massive Konjunktur-einbruch hat den weltgrößten Handyhersteller Nokia schwerer erwischt als erwartet» [22.01.09];

«Fiat meldet Gewinn-einbruch» [22.01.09];

«Das ist der größte Wirtschaft-einbruch in der Nachkriegsgeschichte» [21.01.09].

Изменения общественно-экономических условий способствуют постоянному пополнению рядов композитов с метафорически переосмысленными компонентами, что является результатом взаимодействия двух тенденций в языке СМИ: тенденции к экономии и тенденции к экспрессивности языковых средств.

В качестве источника метафоризации активно выступает также лексика, обозначающая погодные и климатические явления.

Напр.: «Wirtschaftsklima: IFO-Index bricht ein» [18.12.08];

«Unser Konsumklima ist jetzt stabil» [02.02.09].

Широкие семантические возможности климатической метафорики позволяют охарактеризовать не только финансово-экономическое положение, но и психологическое состояние общества. На основе устойчивых ассоциаций в новостях экономики могут создаваться развернутые метафоры:

«Düstere Wolken am Konjunkturhorizont. Nur im inneren Konsum kann man einen Hoffnungsschein sehen» (букв.: «Мрачные тучи на горизонте конъюнктуры. Только в сфере внутреннего потребления можно увидеть луч надежды») [10.12.08].

Метафоризация прилагательных восприятия также осуществляется на основе ассоциативных сем коннотативной части лексического значения. Прилагательные зрительного восприятия *dunkel*, *düster* (темный), *trübe* (тусклый, мрачный), *schwarz* (черный) и др. обладают широкими возможностями образования синестезийных метафор. Негативные ассоциации, связанные с темным цветом, служат семантической основой метафорических значений «мрачный, безотрадный», «смутный, неясный»: *dunkle (trübe,*

finstere) Zeiten (мрачные времена); *trübe (finstere) Prognosen* (мрачные прогнозы); *düstere (trübe) Aussichten* (мрачные, безотрадные перспективы), *ein schwarzer Tag* (черный, трагичный день) и т.п.

Напр.: *Es sind ziemlich trübe Prognosen über die deutsche Konjunktur* [10.12.2008];

IFO: düstere Aussichten für Konjunktur [12.12.2008];

Die Perspektiven sehen nicht rosig aus [06.11.2008].

Синестезийные метафоры с отрицательной коннотацией усиливают прагматическое воздействие передаваемой информации.

Подавляющая часть метафор рассмотренных семантических групп обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией. Однако встречаются и немногочисленные метафорические словоупотребления, которые содержат положительную оценку:

«*Gute Nachricht, dass die Wirtschaft in diesem Jahr keinen Infarkt gewinnt*» (букв.: «Хорошая новость: экономика в этом году не получит инфаркта») [14.11.2008];

«*Vor einer Woche hat sich das Unternehmen als gesund bezeichnet*» (букв.: «Неделю назад предприятие считалось здоровым») [09.12.2008];

«*Börse: DAX ist auf Erholungskurs*» (букв.: «Биржа: DAX берет курс на выздоровление (растет)») [26.01.2009];

«*Mit einer Erholung sei im kommenden Jahr zu rechnen, wenn sich die weltweite Wirtschaft sich belebe*» (букв.: «На выздоровление следует рассчитывать в будущем году, когда мировая экономика оживится») [09.01.2009];

«*Ende 2010 erholt sich die Wirtschaft wieder*» (букв.: «В конце 2010 года экономика снова выздоровеет») [19.01.2009].

Таким образом, метафорические переносы в языке экономики носят регулярный, социально-обусловленный характер, затрагивают наиболее актуальные сферы лексики, что позволяет не только определить основные направления метафоризации, но и проследить динамику формирования экономической терминологии. В терминах, основанных на метафорическом переносе, сохраняется эмоционально-экспрессивная окрашенность, поскольку в них еще не утрачены ассоциативные связи. Образные средства, используемые в экономических новостях *DW-TV* при освещении глобального финансового кризиса, имеют важ-

ную коммуникативно-прагматическую направленность: экспрессивно-оценочные коннотации образных средств усиливают прагматическое воздействие информации на взгляды и поведение адресатов сообщения, позволяют привлечь особое внимание общественности к сфере экономики. СМИ служат основным источником распространения неологизмов, отражающих современные экономические и социальные процессы.

Примечания

- 1 См.: *Кривенко Б.В.* Язык массовой коммуникации. Воронеж, 1993; *Вороненкова Г.Ф.* Средства массовой информации Германии в 90-е годы. М., 1998; *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999; *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиа-текстов. М., 2000; *Будье П.О.* О телевидении и журналистике. М., 2002; *Lüger H.-H.* Pressesprache. Tübingen, 1983; *Braun P.* Pressewesen und Pressesprache in der DDR // Germanistische Linguistik, 1986; *Burger H.* Sprache der Massenmedien. Berlin; N. J., 1990.
- 2 *Девкин В.Д.* Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 69. См.: *Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986; *Стегер Л.В., Куселева В.В.* Экспрессивность как лингвистическая категория. М., 1987.
- 3 *Черепанова Е.И.* Политическая метафора в современной прессе ФРГ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999; *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2003; *Reger H.* Die Metaphorik in der konventionellen Tagespresse // Muttersprache, 1977; *Mautner G.* Das Deutschlandbild im britischen Euro-Diskurs // Mediendiskurse. Gsraz, 1996; *Baranov A.N., Dobrovolskij D.O.* Metaphern im deutschen und russischen öffentlichen Diskurs // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2003. Moskau: DAAD, 2004.
- 4 *Klein J., Meissner I.* Wirtschaft im Kopf. Begriffskompetenz und Einstellungen junger Erwachsener bei Wirtschaftsthemen im Medienkontext. Frankfurt am Main, 1999. S. 1. См. подробнее: *Hellmann M.W.* Ost-West-Wortschatzvergleiche. Tübingen, 1984; *Kinne M.* DDR-Deutsch und Wendesprache // Der Sprachdienst. 1991. Bd. 2.
- 5 *Kuntzsch L.* Wörter der Jahre 1996/1997. GfdS, DAAD-Lektorat Omsk/Russische Föderation, 1998. S.23.
- 6 <http://www.gfds.de>

УДК 811.161.1'373.612.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЦЕЛЬ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ И ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Т.Н. Медведева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Статья написана на материале русской диалектной и литературно-разговорной речи. В ней рассматриваются собственно грамматические способы выражения значения цели: придаточные предложения, вводимые союзами с формальным показателем *–бы*; предложно-падежные и падежные формы. Прослеживается синонимия выражения одних и тех же оттенков значения цели разными языковыми средствами.

Ключевые слова: диалектология, литературно-разговорная речь, функционально-семантическое поле, функциональная грамматика, коммуникативная грамматика, предлоги, синтаксемы, синонимия, внутренняя типология речи.

Functional Semantic Field *Aim* in the Dialect and Colloquial Speech

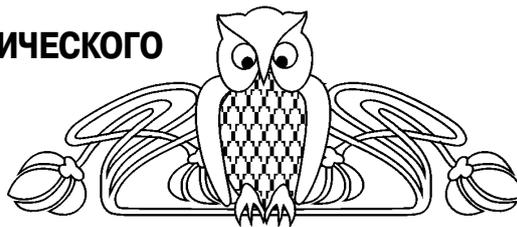
T. N. Medvedeva

Written on the material of Russian dialect and colloquial speech the article describes purely grammatical means of expressing the idea "aim", such as introduced by the formal marker *–бы* subordinate clauses, the prepositional case and case forms. It shows common traits in the ways of rendering the same shades of the meaning «aim» expressed by different linguistic means.

Key words: dialectology, colloquial speech, functional semantic speech, functional grammar, communicative grammar, prepositions, syntaxeme, synonymy, speech inner typology.

Понятие *цели* является одной из важнейших составляющих языковой картины мира, наряду с такими понятиями, как «действие», «свойство», «время», «причина». «Точно так же, как действие занимает центральную позицию в поле мировоззренческих концептов, *цель* является организующим началом большого комплекса понятий, относящихся к делам человеческим. Цель придает смысл действию. Действие, лишённое цели, квалифицируется как бессмысленное»¹.

При функциональном подходе к языку в сфере внимания ученых оказываются субъекты речи: говорящий (пишущий) и слушающий (читающий). Как отмечал в свое время О. Есперсен, «если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, мы не должны упускать из виду двух упомянутых людей – производящего и воспринимающего речь, говорящего и пишущего»². Выявление позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации

текста является одним из инструментов *коммуникативной грамматики*. «Нет ни одного текста, не порожденного коммуникативными намерениями субъекта речи и не отражающего в своей структуре ту или иную пространственно-временную позицию его по отношению к сообщаемому»³. Этой позицией говорящего может объясняться, в частности, предпочтение конкретного способа выражения цели, того или иного компонента целевой ситуации.

Функционально-семантическое поле цели по своему структурному типу является полицентрическим, т.е. базируется на некоторой совокупности различных языковых средств, не образующих единой гомогенной системы форм. Собственно *грамматическими* из этих средств являются придаточные предложения, вводимые союзами с формальным показателем *–бы*; предложно-падежные и падежные формы; бессоюзные инфинитивные предложения; деепричастные обороты; побудительные предложения.

Материалом настоящего исследования являются следующие текстовые источники:

– диалектные тексты, записанные на территории *северо-западного говора* – говора с. Мегра Вологодской области⁴ (40 тыс. словоупотреблений) из фонда кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ;

– диалектные тексты, записанные на территории *юго-восточного говора* – говора с. Заднее-Пилево Рязанской области⁵ (35 тыс. словоупотреблений) из фонда кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ;

– тексты литературно-разговорной речи из сборника «Живая речь уральского города»⁶ (40 тыс. словоупотреблений);

– тексты литературно-разговорной речи⁷ (20 тыс. словоупотреблений) из фонда кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ;

– тексты фонохрестоматии «Русский речевой портрет»⁸ (10 тыс. словоупотреблений).

Совокупность текстовых источников диалектной речи ([В] и [Р]) обозначается в работе как [ТДР], а совокупность источников литературно-разговорной речи ([У], [С] и [П]) – как [ТРР].

Нами произведена сплошная выборка перечисленных языковых единиц (в собственно целевом употреблении) из двух текстовых корпусов, приблизительно равных по объему: из корпуса [У], представляющего литературно-разговорную речь, и корпуса [В], относящегося к диалектной речи (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение грамматических средств выражения *цели* в устной речи

Корпус текстов	[В]		[У]	
	абс.	%	абс.	%
Общее количество употреблений	236	100	223	100
Из них: придаточные предложения с союзом <i>чтобы</i>	57	24,15	34	15,25
предложно-падежные формы	110	46,61	120	53,81
падежные формы	8	3,39	23	10,31
бессоюзные инфинитивные предложения	60	25,42	45	20,18
деепричастные обороты	–	–	1	0,45
побудительные предложения	1	0,42	–	–

Из табл.1 видно, что среди основных компонентов ФСП *цели* самыми частотными как в массиве [В], так и в массиве [У] являются *предложно-падежные формы*: они составляют соответственно 46,61% и 53,81% от всех зафиксированных языковых средств.

Набор предлогов русского литературного языка, способных выражать те или иные разновидности целевого значения, достаточно велик: разные исследователи называют в совокупности 9 непроизводных предлогов (*в, для, за, из-за, к, на, от, под, ради*) и 6 производных (*в пользу, в целях, во благо, во имя, на благо, с целью*).

В наших материалах не встретились такие целевые предлоги, как *ради, в целях, во благо, во*

имя, на благо, с целью. Предлог *ради* встретился только в составе устойчивых сочетаний «*ради Бога*», «*ради Христа*», в которых значение *цели* является стертым. Остальные перечисленные предлоги, являясь производными, имеют ярко выраженный книжный характер и практически не встречаются в устном непринужденном общении.

Целевые предлоги, представленные в наших материалах, характеризуются неодинаковой частотой употребления.

Наиболее частотными предлогами со значением *цели* как в текстах диалектной, так и в текстах литературно-разговорной речи, являются предлоги *на* (в сочетании с вин.п.), *для* и *за* (в сочетании с твор.п.) (табл. 2).

Таблица 2

Предложные синтаксемы со значением *цели* в устной речи

Корпус текстов	[В]		[Р]		[ТРР]	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Общее количество употреблений предложных синтаксем со значением <i>цели</i>	110	100	88	100	212	100
Из них: <i>НА + вин.</i>	60	54,55	58	65,91	118	55,66
<i>ДЛЯ + род.</i>	13	11,82	11	12,5	43	20,28
<i>ЗА + твор.</i>	23	20,91	15	17,05	21	9,91
Прочие	14	12,73	4	4,55	30	14,15

Что касается синтаксемы *ЗА+твор.*, то примеры ее реализации в устной речи не требуют особых комментариев (*ходить за грибами, за ягодами, за хлебом* и т.п.). Представляет интерес только один пример, встретившийся в массиве [В]:

(1) *Ну а за следствием приехал милиционер!*

Это единственный пример в рассматриваемых нами текстах, где с предлогом *ЗА* сочетается *отвлеченное* существительное. Появление такого примера, отличающегося от конструкции, принятой в официальной речи (*проводить следствие*), объясняется, по-видимому, нетипичностью описываемой ситуации для жизни диалектоносителя: он не может воспользоваться готовой формулой, поскольку она не является органичной для его речевой практики, и вынужден создавать новую *по аналогии* с другими способами выражения *цели* (ср. *Пошел собирать грибы* → *Пошел за грибами*; *Приехал проводить следствие* → *Приехал за следствием*).

Предлог *ДЛЯ* является специализированным предлогом выражения *цели*. Он обладает способностью выражать разные оттенки целевого значения. Основным критерием выявления этих оттенков является признак одушевленности/неодушевленности имени, входящего в предложную синтаксему. Именно этот признак лёг в основу выделения синонимических рядов целевых предлогов в словарных статьях И.Б. Левонтиной⁹.

Так, значение предлогов, входящих в **1-й синонимический ряд**, толкуется следующим образом: 'имея целью сделать что-то такое, что полезно или приятно другому человеку и чего этому человеку нормально хотеть', например: *Сделай это для меня*. Из самой формулировки следует, что предлог *ДЛЯ* способен выражать этот оттенок целевого значения только в сочетании с одушевленными именами, прежде всего – личными (или, метонимически, с названиями организаций, учреждений, групп).

Предлоги, составляющие **2-й синонимический ряд**, имеют более общее значение – ‘имея целью’, например: *для улучшения снабжения населения продовольствием*. Эта разновидность значения реализуется с помощью отглагольных существительных.

3-й синонимический ряд: «X для Р = ‘X, используемый для выполнения действия с объектом Р’, например: *ножницы для ногтей*. Здесь предлог *ДЛЯ* сочетается с конкретными нарицательными существительными.

Поскольку функционально-семантическое поле цели принадлежит к ФСП с *предикативным* ядром, то из трех перечисленных оттенков значения цели, выражаемых с помощью предлогов, наиболее эксплицитным следует считать **2-й**: отглагольное существительное по своей функции близко глаголу, поэтому соответствующие предложные синтаксемы легко трансформируются в придаточные предложения (*для улучшения снабжения* → *чтобы улучшить снабжение*).

В исследуемых нами диалектных текстах не встретилось подобных примеров, что связано, вероятно, с тем, что отвлеченные существительные с формантами *-ени/-ани* имеют ярко выраженную книжную окраску и потому не органичны для диалектной речи. В [ТРР] встретились две таких конструкции, например:

(2) ...*загоняют (животных) там для каких-то исследований*// [П: 101] (=... чтобы исследовать).

Конструкции, представляющие **3-й синонимический ряд**, располагаются на следующей ступени эксплицитности: конкретные существительные, сочетающиеся с предлогом *ДЛЯ*, эллиптически обозначают действие, и предложная синтаксема также коррелирует с придаточным цели, но предикат, «скрытый» в синтаксеме, восстанавливается на основе речевого контекста и знаний собеседников о предмете разговора, ср. в наших материалах:

(3) а) *Выгребут уголье там в тушилку да потушат/ для самовара*// [В] (предикат «разжигать»).

б) (Разговор о грибах) *Белых мало/ вот для бочки/ осинового/ сыроежки/ вот!* [Р] (предикат «солить»).

Если в диалектных текстах для того, чтобы восстановить предикат, имплицитно представленный в предложной синтаксеме, как правило, достаточно минимального контекста (*угли для самовара; грибы для бочки; трава для волос* и т.д.), то в текстах литературно-разговорной речи часто необходимо учитывать всю ситуацию общения, поскольку минимальный контекст не всегда однозначно предсказывает появление того или иного предиката; ср.:

(4) а) (Беседа двух студенток)

С. – *Я вчера <...> лежала карточки писала*//

Е. – *На полу?*

С. – *Да/ у меня мама всегда поражается*//

«Ты что делаешь на полу?» Карточки пишу//

Е. – *Правильно/ самое удобное место для карточек*//

[У: 50-51] (предикат «писать»).

б) (Рассказ об актере Малого театра А.А. Остужева) *У него какое-то/ книжное такое/ буквенное произношение// <...> Какое-то напыщенное// Но в то же время он ведь замечательный был актер! Я не знаю как он... Может быть для Уриеля Акосты это подходило*// [П: 12–13] (предикат «исполнять (роль)»).

Выражения «*Самое удобное место для карточек*» и «*Это подходило для Уриеля Акосты*», взятые вне контекста, не дают возможности достоверно эксплицировать предикат, скрытый в предложной синтаксеме; для этого необходимо знание экстралингвистических факторов, характеризующих ситуацию общения. В первом случае важно, что беседуют студентки, которым в соответствии с учебным заданием приходится классифицировать какую-либо информацию с помощью карточек, и что этот вид работы неудобно производить на столе. Во втором случае нужно знать, что разговор идет об актере и что Уриель Акоста – одна из наиболее известных его театральных ролей.

1-й синонимический ряд представляет особую, по сравнению со 2-м и 3-м, разновидность целевого значения: во-первых, предложные синтаксемы *ДЛЯ* + *одуш.сущ.* не способны трансформироваться в придаточные предложения цели, поскольку в таких употреблениях роль предиката не является ведущей; во-вторых, в этой разновидности значения на первом плане оказывается *оценка* – результат выполнения действия обязательно должен быть полезным или приятным живому существу (чаще всего – лицу), названному в синтаксеме. Наличие такой разновидности целевого значения представляется одним из проявлений *антропоцентричности* языка.

Примеры подобного употребления предлога *ДЛЯ* зафиксированы в текстах как диалектной, так и разговорной речи:

(5) а) *Тут и картобочка уже цветёт/ и там гороху для ребят/ и всё ест*// [В].

б) *У нас щас/ правда/ для народа автобус ходит*// [Р].

в) *День здоровья для всех же классов-то проводят*// [У: 70].

В этой разновидности целевого значения синтаксемы с предлогом *ДЛЯ* синонимичны беспредложным синтаксемам в дательном падеже. Таким образом, формы дательного одушевленных существительных сближаются с **1-м синонимическим рядом** целевых предлогов, ср.:

(6) а) *Привелось мни-ко маленького купить в колхозе (теленка)// На мясо-то/ ребятам-то*// [В] (=... для ребят).

б) *Мальчишкам тогда пришли выбирать в магазин игрушки...* [У: 74] (=... для мальчишек).

Неодушевленные существительные при реализации такого значения в литературном языке встречаются в тех случаях, когда имеет место персонификация, метафорическое использование языковых единиц, например: *Солнце светит*

одинаково *всем* – и *человеку*, и *дереву*, и *зверю* (М. Пришвин). Однако в [В] встречаются формы дательного падежа неодушевленных существительных в своем прямом, конкретном значении:

(7) а) *Это разве дождь// Грибам много надо дождя//*

б) *Ну/ белое тесто/ ставят/ там// Тоже/ когда растворяют/ тоже дрожжи надо белому тесту//*

С точки зрения носителя литературного языка, в первом примере возможна трансформация: *Грибам много надо дождя* → *Для грибов много надо дождя* → *Чтобы грибы (хорошо) росли, надо много дождя*. С помощью трансформации эксплицируется предикат «расти», и названная конструкция, таким образом, становится членом **3-го синонимического ряда**. При этом, хотя грибы и являются представителями живой природы, они всё же не воспринимаются как одушевленные существа. Что же касается второго примера, то он, опять же с точки зрения ЛЯ, еще более специфичен, чем первый, поскольку в нём бенефициант еще отдаленнее от живого существа; экспликация предиката в этом случае затруднительна. Однако представляется вероятным, что в сознании диалектоносителя данные примеры ничем не отличаются от примеров типа (6): возможно, что и грибы, и тесто в их понимании являются не менее «живыми», чем люди и животные (тем более, что тесто тоже способно «расти»). С этой точки зрения дождь становится «полезным и приятным» для грибов, а дрожжи – «полезными», необходимыми для теста, и приведенные конструкции сближаются с компонентами **1-го синонимического ряда** целевых предлогов.

Кроме целевых значений предлога *ДЛЯ* выделяются такие его значения, как *авторизатор* (т.е. лицо или одушевленное существо, с точки зрения или в интересах которого предмет получает предикативную оценку), *носитель признака* и *критерий оценки*¹⁰. Эти три значения выражаются в составе обусловленных предложных синтаксисом, тогда как целевые значения – в составе свободных синтаксисом. [ТРР] и [ТДР] различаются по набору значений предлога *ДЛЯ* (табл.3).

Таблица 3

Распределение функций предлога *ДЛЯ* в устных типах речи

Корпус текстов	[В]	[Р]	[ТРР]
Общее количество употреблений	13	11	70
Из них: в функции <i>цели</i>	13	11	43
в функции <i>авторизатора</i>	–	–	25
в функции <i>носителя признака</i>	–	–	1
в функции <i>критерия оценки</i>	–	–	1

Из табл. 3 видно, что примеры с предлогом *ДЛЯ* в значении *носителя признака* и *критерия оценки* совсем не представлены в [ТДР], а в [ТРР] встретились в единичном употреблении:

носитель признака:

(8) *У него* (у Г.О. Винокура) *было одно слово/ очень характерное для него/ он говорил/ «слова/ в их це-ло-купности»//* [П: 53];

критерий оценки:

(9) *...ты еще молодая для склероза//* [У: 181].

Значение *авторизатора* у предлога *ДЛЯ* не зафиксировано в текстах, представляющих диалектную речь, тогда как в текстах РР оно встречается достаточно часто:

(10) а) *Годы студии были очень трудными для меня//* [П: 65].

б) *Он* (Леонардо да Винчи) *всегда думал/ что она* (Мона Лиза) *для него/ все-таки женщина или образ какой-то//* [У: 182].

Таким образом, предлог *ДЛЯ* в диалектной и литературно-разговорной речи имеет различия не только по относительной частоте употребления, но и по набору выражаемых значений: в текстах [ТДР] он представлен только в целевом значении (которое для него является первичным), в то время как в [ТРР] – также во вторичных, производных значениях.

Как неоднократно отмечалось исследователями, исходное значение, на почве которого вырастает целевое, – это значение *направленности* действия к предмету. Не случайно поэтому, что предлог *НА*, основное значение которого при сочетании с винительным падежом – *директив* (направление движения), наиболее активен из всех предлогов при выражении цели (см. табл.2). Синтаксема *НА + вин.*, так же как и синтаксема *ДЛЯ + род.*, может являться членом каждого из трех синонимических рядов, образуемых предлогами со значением цели.

В сочетании с отглагольными существительными либо с другими существительными с семантикой вида деятельности синтаксема *НА + вин.* представляют **2-й синонимический ряд**:

(11) а) *Ездили/ зарабатывать/ на заработок/ в Карелию//* [В].

б) *Бывало/ нас разгоню/ дескать/ «иди-тя/ нам на покос иттить а вы тута орёте всю ночь»//* [Р].

в) *Он должен был пойти на летучку//* [С].

г) *Нас вызывают/ четверых/ и говорят/ «Вы значит вызывается в Москву/ на конкурс/ на третий тур»//* [П: 64].

Соответствующий предикат восстанавливается с опорой на семантику существительного: *заработок* – *зарабатывать*; *покос* – *косить*; *летучка* («*краткое совещание*») – *совещаться*; *конкурс* – *принимать участие в конкурсе*.

В сочетании с конкретными существительными синтаксема *НА + вин.* входит в **3-й синонимический ряд**. При этом она указывает на способ использования какого-либо сырья, материала; восстанавливаемые предикаты – глаголы с общим значением «изготавливать» – *шить*, *варить*, *готовить* и т.п.:

(12) а) *А клюква/ в основном/ на морс только//* [В].

б) *Купила фланель на халат*// [С].

Наконец, в сочетании с одушевленными существительными (и с их эквивалентами) синтаксема *НА + вин.* представляет **1-й синонимический ряд** целевых предлогов:

(13) а) *Надо на три коровы накосить*// [В] (ср. для трех коров).

б) *Мужики деревенские ловили рыбу на государственство и сдавали её в магазин*// [Р] (ср. для государства).

в) *Вон на ребёнка и то нет/ нечего купить/ <...> игрушек даже в магазине нету*// [У: 73] (ср. для ребенка).

В связанном виде синтаксема *НА + вин.* в целевом значении может выступать с глаголом «учиться» (*учиться на кого-либо – ‘с целью стать кем-либо’*). В словарях такое употребление предлога *НА* характеризуется как просторечное и разговорное. В наших материалах, представляющих литературно-разговорную речь, подобные примеры не зафиксированы, тогда как в текстах [ТДР] они встречаются неоднократно в сочетании с названиями профессий (*врач, крановщик, плотник, сварщик, шофер*), а также с другими именами:

(14) а) *Шофёр/ тракторист и сварщик/ Учиться три года/ вот на три профессии*// [Р].

б) *Муж у меня где-то был/ кажется в Череповце/ на каких-т/ на курсах/ Чего-то он учился/ на кого он/ ой забыла/ на кого он учился*// [В].

в) *Он здесь в колхозе работал/ ну был выучивши на-в широкого прохвеля*// [В].

В последнем примере употреблен диалектный предлог *НА-В* в значении предлога *НА*; кроме того, здесь имеет место эллипсис составного наименования: (*специалист*) *широкого профиля*.

Другие предлоги со значением цели, зафиксированные в исследуемых нами текстах, характеризуются невысокой частотой употребления и нерегулярной представленностью в различных текстовых корпусах. Среди них можно выделить три группы:

I. Предлоги, встретившиеся и в диалектных, и в литературно-разговорных текстах.

II. Предлоги, зафиксированные только в диалектных текстах.

III. Предлоги, представленные только в [ТРР].

Назовем наиболее характерные из них.

I.1. Предлог *В* в сочетании с винительным падежом. Он отличается от остальных целевых предлогов тем, что вводит указание не просто на цель какого-либо действия, но на цель, которая непосредственно достигается самим фактом совершения этого действия; поэтому синтаксема *В + вин.* дополнительно выражают значение ‘в качестве’:

(15) а) *Коровушку/ двух овец дали/ в приданое-то*// [В].

б) *«Господин Форд посылает вам в подарок автомобиль последней марки»*// [У: 163].

I.2. Предлог *К*. Значение цели этого предлога, так же как и предлога *НА*, вытекает из его

первичного значения – направленности действия к предмету. При этом целевое значение предлога *К* имеет оттенок сопровождения:

(16) а) *К этому станку надо причиндалов*... [В].

б) *Вот попробуйте этот ключ/ не подойдёт к чемодану?* [С].

I.3. Предлог *ОТ*. Его первичное значение, в противоположность предлогам *НА* и *К*, – удаление действия от предмета. На основе этого значения предлог *ОТ* развивает одну из разновидностей *потенсива* (т.е. нежелательного или угрожающего действия); эта разновидность реализуется «в сочетании с ограниченной группой глаголов каузативно-отложительного значения (с общим смыслом предотвратить потенциальную угрозу) типа *избавить(ся), уберечь(ся), защищать(ся)*»¹¹. В свою очередь, на основе этой разновидности *потенсивного* значения в результате свертывания синтаксической конструкции предлог *ОТ* приобретает целевое значение, синонимичное предлогу *ПРОТИВ*:

(17) а) *Вы помазать ничего не взяли от комаров-то?* [Р] (Мазь, которая защищает от комаров → Мазь от комаров/против комаров).

Другая разновидность целевого значения предлога *ОТ* имеет место в тех случаях, когда предметы находятся между собой в отношениях часть/целое:

б) *Где ключ от чемодана?* [С] (ср. с примером 16(б), взятым из того же фрагмента текста).

По мнению Н.И. Букатевича, употребление предлога *ОТ* на месте предлога *ДЛЯ* в примерах, подобных 17(б), объясняется тем, что предмет, связанный по своему назначению с другим предметом, отделяется от него и может быть использован и для другого такого же предмета¹².

II.1. Предлог *ИЗ-ЗА* в массиве [В]:

(18) а) *Из-за мяса дёржишь-то телёнка*//

б) *Давно уж не держу/ ни овец/ никого/ из-за молока*//

в) (А почему ночью переходили в новый дом?) *Меньше чтобы люди видели все*// *Вроде из-за этого что*//

Подобные примеры с предлогом *ИЗ-ЗА* следует отнести к собственно диалектным средствам выражения цели, так как они отличаются от примеров, приведенных Г.А. Золотовой и И.Б. Левониной и имеющих причинно-целевое значение (*купить книгу из-за картинок; женился из-за денег*). В наших примерах предлог *ИЗ-ЗА* имеет чисто целевое значение, не осложненное значением причины (особенно ярко это проявляется в последнем примере, где предлог *ИЗ-ЗА* употреблен в одном контексте с целевым союзом *ЧТОБЫ*). Известно, что в древнерусском языке имело место совпадение языковых средства, выражающих значения ‘куда’ и ‘откуда’. Следовательно, могли совпадать и единицы, выражающие значение ‘цель’ и ‘причина’, как это происходит в данном случае с предлогом *ИЗ-ЗА*. В известных нам диалектных

и исторических словарях не зафиксировано такое значение предлога *ИЗ-ЗА*, однако наличие в массиве [В] шести примеров, аналогичных приведенным выше, а также присутствие их в речи разных дикторов свидетельствует о неслучайности такого употребления. Кроме того, в «Словаре русских народных говоров» отмечено употребление в близком значении предлога *ИЗ*: *Она эта старая жена тогда приезжала из алиментов подавать* (Рязанская обл.)¹³.

II.2. Предлог *ПРО*:

(19) *Вот раньше ведь мы сеяли про себя*// [В].

Это значение предлога *ПРО* – тоже собственное диалектное. В литературном языке можно встретить лишь отдельные устойчивые словосочетания, выражающие одно из значений определительного отношения – назначение, например, *материал про запас*, тогда как в древнерусском языке предлог *ПРО* широко употреблялся при указании на лицо, которому что-либо предназначается, например: *Купил калачей про гостей на два алтына* (Книга приходно-расходная Спасо-Прилуцкого монастыря, 1605)¹⁴.

II.3. Предлог *ПОД*. В конструкциях с этим предлогом один предмет, находящийся ниже другого, осмысливается как служебный, выполняющий определенное назначение по отношению к предмету, находящемуся ниже его:

(20) *Буханочку берёт лопатой/ лопатка есть под буханку вот*// [В].

III. В корпусах литературно-разговорной речи зафиксированы единичные случаи употребления производных предлогов *в честь* и *в пользу*, например:

(21) *Сегодня в честь твоего дня рождения погода наладилась*// [У: 143].

Кроме предлогов, имеющих собственно целевое значение, исследователи выделяют ряд таких предлогов, у которых оттенок цели является сопроводительным, добавочным к какому-либо другому значению. Это, прежде всего, некоторые предлоги с *темпоративным* значением. *Время* в языковой картине мира предстает как психологическая, субъективная категория. Г.Е. Крейдлин, характеризуя темпоральные предлоги, выражающие значение *предшествования*, обращает внимание на существование двух разных смыслов у предлога *К*:

1) Указание на «время, обусловленное природными изменениями в течение жизни человека, не зависящими от его желаний, возможностей, целей или устремлений», например: *К утру ветер стих*;

2) Указание на *время-срок*, в максимальной степени связанное с человеком и его деятельностью. В таком употреблении темпоративному значению предлога сопутствует целевой оттенок, например: *Он прибежал к самому отходу поезда*¹⁵.

Примеры употребления предлога *К* во втором значении имеют место в наших материалах:

(22) а) *Праздник был у нас/ престольный вот/ в Мегре// В церкви служба/ и вот приезжали/*

к праздникам/ у кого родня есть/ приезжали в гости// [В].

б) *Пошёл к автобусу к полчетвёртому*... [Р].

в) *Читай/ читай/ тебе надо к завтрашнему дню уже прочитать*// [У: 51].

Другим предлогом, темпоративное значение которого осложняется целевым, является предлог *НА*, который в сочетании с винительным падежом может обозначать отрезок времени, в пределы которого направлены результаты действия:

(23) а) *Сколько же мы с ним черники натащивали/ сколько же мы с ним варенья наваривали/ на всю зиму*// [Р].

б) *Белое дак/ пекли раньше токо на праздники*// [В].

в) *Недавно нам талончики выдавали на 8-е Марта*... [У: 66].

В перечисленных примерах синтаксемы *НА + вин.*, так же как и синтаксемы с предлогом *К* в примерах (22), имеют целевой оттенок, о чем свидетельствует их сочетание с глаголами целенаправленной деятельности, а также возможность замены, ср.: *на праздник – к празднику; на зиму – к зиме; на 8-е Марта – к 8-му Марта*.

Основная функция синтаксемы *С + твор.* – *комитатив* (обозначение сопровождающего действия, признака, сопутствующего предмета, соучаствующего лица). При глаголах активного действия или движения комитатив может осложняться значением цели, например: *прийти с визитом; с докладом; с донесением; с поклоном; с просьбой* и т.п. Примеры употребления предлога *С* в подобной разновидности не встретились в исследуемых нами текстах. Очевидно, приведенные конструкции имеют книжный характер и вероятность употребления их в спонтанном непринужденном общении невелика.

Союз *чтобы* – специализированный союз выражения целевых отношений. Согласно данным МАС, лексема *чтобы*, кроме функции союза цели, может выполнять функции изъяснительного союза, присоединяя к главному предложению придаточные различных типов (дополнительные; определительные; образа действия; меры и степени); функции частицы (при выражении повеления, приказания; пожелания; сомнения); а также может входить в состав сложных союзов – целевых (*для того чтобы; с тем чтобы; так чтобы*) и присоединительного (*вместо того чтобы*). В табл.4 представлены абсолютные частоты встречаемости лексемы *чтобы* в разных значениях в массивах [В] и [У].

В массиве [У], в отличие от массива [В], встретились два примера употребления сложного союза цели – *для того чтобы*:

(24) а) *...Или скажем покупаю я земельный участок/ не для того чтобы там трудиться/ <...> а так покупаю/ чтобы на нее смотреть*// [У: 153].

б) (Беседа о проблемах семиотики) *Есть такой предмет/ кружка/ а вот для того/ чтобы его обозначить/ мы просто выбираем слово «кружка»*// [У: 158].

Таблица 4

Распределение значений лексемы *чтобы*

Текстовый источник	[В]	[У]
Общее количество употреблений лексемы <i>чтобы</i>	63	60
Из них: в значении <i>союза цели</i>	57	32
в составе <i>сложного союза цели</i>	–	2
в значении <i>изъяснительного союза, присоединяющего:</i>		
а) <i>придаточные дополнительные</i>	3	17
б) <i>придаточные определительные</i>	–	2
в) <i>придаточные образа действия</i>	3	3
г) <i>придаточные меры и степени</i>	–	1
в составе <i>сложного присоединительного союза</i>	–	1
в значении <i>частицы</i>	–	2

Сложный союз *для того чтобы* по семантическому наполнению ничем не отличается от простого союза *чтобы*, однако он более эксплицитно и аналитично передает значение цели, так как содержит две лексемы, каждая из которых является специализированным средством выражения данного значения – предлог *ДЛЯ* и союз *чтобы*.

И в корпусе [В], и в корпусе [У] лексема *чтобы* встречается в значении изъяснительного союза, присоединяющего:

придаточные дополнительные:

(25) а) *Больше тогда старались/ чтоб люди работали/ молодёжь/ дома/ чтобы работали*// [В]

б) *Он взял и написал чтоб меня авиатехником третьего цеха...* [У: 43];

придаточные образа действия:

(26) а) *Густо-нагусто замесишь/ чтобы моток отстала от теста*// [В];

б) *«Бойчук-де» говорит «или не хочет/ или не может организовать работу в цехе так/ чтоб поднять регулярность»*// [У: 44].

Примеры употребления лексемы *чтобы* в других значениях встретились только в массиве [У]:

В значении изъяснительного союза, присоединяющего:

придаточные изъяснительные:

(27) (Разговор об узбекской свадьбе)

А. – *А тебя танцевать не приглашали/ да?*

Б. – *А там нету такого чтоб вот приглашают танцевать*// [У: 85];

придаточные меры и степени:

(28) *Так это надо сколько контроля/ чтобы каждого/ вот так кооператора проверить*// [У: 108].

В значении *частицы*, выражающей *повеление, приказание:*

(29) *Не ешь ты его (сахар)// <...> Вообще чтобы больше не трогала*// [У: 175].

Кроме того, один раз лексема *чтобы* встретилась в составе сложного присоединительного союза *вместо того чтобы*.

Представляется возможным провести аналогию между лексемами *чтобы* и *для*: обе они являются специализированными грамматическими средствами выражения цели; целевое значение *для* и *чтобы* наиболее частотно в текстах диалектной и литературно-разговорной речи; при этом в [ТРР] представлен почти весь круг значений, способных быть выраженными названными лексемами, тогда как в [ТДР] – в основном только первичное (целевое) значение.

Из табл. 4 видно, что в массивах [В] и [У] зафиксированы единичные употребления соответственно *побудительного предложения* и *деепричастного оборота* в значении цели:

(30) *Дорогу давали старым людям// Идешь дак/ выйдеешь/ в сторону/ пусть пройдет пожилой человек*// [В] (=...*чтобы* прошел).

В приведенном примере употребление формы повелительного наклонения при описании действия, происшедшего в прошлом, связано с особым изображением ситуации в диалектной речи: «Говорящие, хотя обсуждаемых ситуаций реально уже (или еще) нет, пользуются речью почти так же, как если бы эти ситуации были наблюдаемы здесь и сейчас. ... Перенесение описываемых ситуаций в точку общения делает естественным изображение их в речи как одновременных сообщению»¹⁶.

Деепричастные обороты, как известно, не характерны для устного непринужденного общения. Единственный пример деепричастного оборота в целевом значении в массиве [У] употреблен в целях юмористического «возвышения» ситуации:

(31) (Рассказ об охоте) *Я пялил глаза вперед/ выискивая врага/ а он (волк) значит/ я думаю/ что очень веселясь/ сидел сзади/ где-то метрах в ста пятидесяти и смотрел мне в спину*// [У: 117].

Таким образом, исследование показало, что в устных типах речи реализуются почти все собственно грамматические компоненты функционально-семантического поля *цель*.

И в диалектных, и в литературно-разговорных текстах различные средства выражения цели способны тесно взаимодействовать в одном и том же контексте, выражая различные оттенки целевого значения. Особую роль при этом выполняют предлоги, разнообразие состава которых и способность к стилистическому дифференцированию позволяет передать практически все разновидности значения цели.

Несмотря на то, что центральным грамматическим компонентом ФСП цели в системе языка в целом являются придаточные предложения, в текстах устной речи, по нашему мнению, такими следует признать *предложные синтаксемы*, поскольку и по частоте употребления, и по способности выражать различные смысловые оттенки они значительно превосходят остальные средства выражения цели.

Примечания

- ¹ Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- ² Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 15.
- ³ Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 20.
- ⁴ В дальнейшем в тексте обозначаются [В].

- ⁵ В дальнейшем в тексте обозначаются [Р].
- ⁶ Живая речь уральского города: Тексты. Екатеринбург, 1995. В дальнейшем тексте обозначаются [У]. Цифры в скобках указывают номер страницы.
- ⁷ В дальнейшем тексте обозначаются [С].
- ⁸ Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995. В дальнейшем тексте обозначаются [П]. Цифры в скобках указывают номер страницы.
- ⁹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997. С. 70, 73, 77.
- ¹⁰ Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- ¹¹ Там же. С. 84.
- ¹² Букатевиц Н.И. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке. Ч. 2. Одесса, 1958. С. 48–49.
- ¹³ Словарь русских народных говоров. Вып. 12. М.; Л., 1977. С. 82.
- ¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1994. С. 93.
- ¹⁵ Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 144–145.
- ¹⁶ Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. С. 23–24.

УДК 821.161.1.09-1+929Кекова

ФУНКЦИИ ГРЕЦИЗМОВ ПРАВОСЛАВНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале поэзии С.В. Кековой)

Е.И. Лучина

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: luchinae@mail.ru

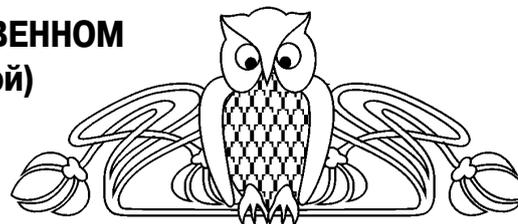
Статья посвящена грецизмам православного дискурса в художественном тексте. На материале поэзии С. Кековой проведен статистический и семантико-стилистический анализ грецизмов. Выполняя разнообразные семантические и стилистико-функциональные функции, грецизмы участвуют у С. Кековой в создании индивидуальной модели мира – Вселенной, осью которой выступает Мировое Дерево.

Ключевые слова: лексические грецизмы, дискурс, поэтическая модель мира, Мировое Дерево.

The Functions of Greek Loan-words of the Orthodox Religious Discourse in Literature (on the Material of S.V. Kekova's poetry)

E.I. Luchina

The article is focused on Greek loan-words from the Orthodox discourse in literature. Statistic, stylistic, and semantic analysis of

such Greek loan-words is carried out on the material of poems by S. Kekova. Performing a complex of different functions, the Greek loan-words are shown to create an individual world model – a Universe with the World Tree as its Axis.

Key words: Greek loan-words, discourse, poetic world model, World Tree.

В числе наиболее актуальных направлений современной лингвистики по-прежнему остается изучение дискурса. Особое место в структуре типов дискурса занимает религиозный, среди важнейших компонентов которого называют также *язык* – язык общения и язык богослужения¹.

Языком православного богослужения является церковно-славянский, общение же верующих между собой происходит на современном русском. В церковно-славянском, а через его посредство и

в русском, как известно, насчитывается немало слов греческого происхождения. Как правило, они представляют однозначные наименования тех реалий и понятий, связанных с отправлением православного религиозного культа, которые славяне восприняли из Византии. В православном религиозном дискурсе такие грецизмы образуют две лексико-семантические группы: «*Основные понятия православной религии*» и «*Организация православного культа*»².

Несмотря на свой узкий профессионально-церковный или научно-богословский характер, подобные лексические единицы используются и внерелигиозного дискурса: в фольклоре, художественной литературе, публицистике и даже в повседневной речи. В данной статье остановимся на роли грецизмов в поэзии, где, как показывает анализ, они образуют определенную систему, выполняющая ряд важных для поэтической модели мира функций.

Это, во-первых, функции стилистически-функциональные: определение жанрово-стилистической соотнесенности произведения (религиозная лирика); создание в тексте идиосистемы, восходящей к одному из компонентов религиозной коммуникативной ситуации (молитва, псалом); использование в тропях для достижения различного рода эффектов и пр.

И, во-вторых, семантические функции: создание символического плана в художественном тексте и привнесение ярко выраженного национально-культурного компонента в силу большой концептуальной насыщенности.

Интересна в данном аспекте роль грецизмов православного дискурса в идиалекте современного поэта и филолога, видного исследователя поэтики Н. Заболоцкого, Светланы Васильевны Кековой, чье собственное творчество продолжает православную традицию русской поэзии.

В результате анализа стихотворений С. Кековой разных лет зафиксировано более 500 грецизмов, что составляет 1,2% от общего количества слов. В соответствии с предложенной нами классификацией грецизмов в православном религиозном дискурсе количественно более полно и разносторонне представлена группа «*Основные понятия православной религии*», а именно две ее подгруппы: «*Наименования Бога, библейских персонажей и знаменательных лиц, важнейшие топонимы*» и «*Наименования небесной иерархии*».

В составе второй группы самой востребованной оказалась подгруппа «*Предметы богослужения и быта в православной культуре*», затем идут грецизмы подгруппы «*Храм и его части*». И, напротив, здесь не зафиксировано вовсе грецизмов-наименований таинств, малочисленными оказались и грецизмы-элементы церковного календаря (одно употребление).

Наибольшей частотностью у С. Кековой отличаются грецизмы *ангел* (гр. ἄγγελος «вестник» – 140 словоупотреблений), *ад* (гр. ἄδης «место, лишенное света, или нечто невидимое», соответ-

ствующее еврейскому «шеол», в Библии свыше 30 словоупотреблений), *лампада* (гр. λάμπαξ «светильник» – 12 словоупотреблений), *купол* (из гр. от лат. cup(r)ula «небольшая бочка» – 11 словоупотреблений), *икона* (гр. εἰκών «образ, изображение, подобие» – 8 словоупотреблений)³ и пр.

Теперь выявим особенности функционирования этих и других грецизмов в поэзии С. Кековой.

1. *Определение жанрово-стилистической соотнесенности произведений.* Поэзия С. Кековой, безусловно, имеет православную основу: это не просто «вышивание узоров по православной канве»⁴, но преобразование и поэтизация мироустройства. «Кто создал сей узор? Не Ангелов ль Совет? Узор земных вещей то ярк, словно свет, то блёкл, неуловим, то праздничен, как фреска» («*Болезнь золотого*», с. 6). Православная по своей сути поэтика расширяет здесь сферу красоты и чуда, а также выражает благоговейный трепет поэта перед Создателем. Не случайно другая исследовательница творчества Кековой резюмирует: «парчовая изысканность и кажущаяся избыточной красота православия выделяют его (кековский стих. – Е.Л.) в особую область прекрасного христианства – рядом с ним аскетическая аура протестантизма проигрывает в своей непоэтичности...»⁵.

Стихи Кековой отличает обилие имен собственных – библейских антропонимов и топонимов (Христос, Афон), представляющих знаки культурного пространства, в котором живет поэт. Оговоримся: многие из подобных иноязычней не являются грецизмами в полной мере, так как сами были заимствованы греческим языком из третьего, которым в случае с церковной лексикой выступает древнееврейский.

Интересно, что даже беглый анализ поэзии С. Кековой обнаруживает порой причудливое переплетение подобных библеизмов с языческими, часто восточными, образами. Е. Иванова справедливо объясняет эту особенность поэтики Кековой тем, что «...для человека план мироздания неясен, порой страшен. Мир един в построении, но раздроблен (и, значит, многообразен) в попытках понять замысел Бога. Здесь, видимо, нужно искать причину кажущегося противоречия поэзии Кековой – в творчестве христианского поэта большую роль играют поэтические образы, относящиеся к нехристианской, главным образом восточной, культурной традиции»⁶.

Таким образом, подобные лексические единицы являются одним из способов реализации главной идеи в поэзии С. Кековой – единства и взаимосвязи всех уровней и многообразных проявлений бытия.

2. *Создание в тексте идиосистемы, восходящей к одному из компонентов религиозной коммуникативной ситуации* – молитвам, православным песнопениям, литургическим текстам и т.д. Так, целый цикл стихотворений С. Кековой носит название «*Цветной Троицы*». Троица (гр. τρεῖς «три» и ᾠδή «песнь»), как известно, – важная в право-

славии богослужебная книга, содержащая трипесенные каноны; Цветная Триодь включает в себе песнопения от Недели Пасхи до Недели Всех Святых. Здесь, а также в стихотворениях «Две молитвы» и «Три вариации на темы псалмов», грецизмы православного религиозного дискурса, участвуя в создании образности, тем самым многократно усиливают покаянную тональность и литургическое начало.

Например, в стихотворении «Три вариации на темы псалмов» «из сосуда пролитый елей» («Халкидонские лилии», с. 4) актуализирует идею таинства елеосвящения, где елей предстает видимым знаком благодати исцеления и знаменует собой милость Божию.

В «Двух молитвах» же грецизм *лампада* символизирует малую жертву Господу, знак великой благодарности и светлой любви к Нему, а также жертвенности: «Открыв лицо небесному огню, я мысль об *аде* от себя гоню – и масло умножается в *лампаде*» (Стихи, с. 92). Ср.: «Нас, Господь, пожалей – обнажённых, худых, нерадивых, нас, забывших затеплить огонь негасимых лампад» («Созвездие спящих детей», с. 4).

3. *Использование в качестве стилистических средств.* Примечательно, что фонетической/грамматической вариативности грецизмов в поэзии С. Кековой не наблюдается вовсе. Также не обнаружено и стилистического использования словообразовательных элементов в словах греческого происхождения: незначительно представлены лишь объективно существующие в русском языке и свидетельствующие об ассимилированности грецизмов религиозного дискурса в общезыковом фонде формы со значением признака, мотивированного основой (монастырский, ангельский, церковный, саганинский, etc.).

Особо выделим здесь частотный гибрид *псалмопевец*, где второй, славянский, корень данного сложного слова несет значение деятеля. Предпочтение грецизма *псалмопевец* словоформе *псаломщик* объясняется их семантическими отличиями: псалмопевец – устаревшая, а потому стилистически маркированная, форма со значением «певец псалмов», чаще всего выступающая эпитетом древнееврейского царя Давида, которому богословской традицией приписывалось сочинение псалмов. Псаломщик же – нейтральный грецизм религиозного дискурса, обозначающий «низшего служителя в православной церкви – церковный чтец; дячок»⁷.

Посредством словоформы *псалмопевец* у Кековой актуализируется тема поэта и поэтического творчества: «...а в листе поет, точно царь Давид, соловей, возносящий молитвы Богу – то забытую он пропоет эклогу, то в беспомыслии свещет свои псалмы»⁸. Соловей, в восточной поэзии распространенный символ поэта, воспевающего возлюбленную, в соединении с образом библейского сочинителя псалмов, символизирует поэта, чей дар – от Бога, и чье первоначальное предна-

значение – славословие Творца и Его Творение.

Такое понимание С. Кековой природы поэзии и роли поэта родственно мысли православного философа Л. Франка о том, что «творчество есть такая активность, в которой собственное усилие художника, его собственное “делание” неразделимо слито с произвольным нарастанием в нём некоего «дара свыше» и только отвлечённо может быть отделено от него»⁹. Поэт у Кековой вовсе не равнобожественен Создателю (Хлебников, Пастернак), но Его смиренный служитель, а поэзия есть результат самоотверженной, изнуряющей работы души и духа, что сродни трансцендентным состояниям Пифии-медиума: «...царь Давид просыпается, трогая струны Псалтири. Звук нагой и прекрасный в одежде из птичьего гама поднимается вверх, словно сладостный дым фимиама, а певец остается лежать на холодной постели, и в груди его голос, как свежая рана на теле» (1999:44).

Не всякий способен самозабвенно раствориться в бытии или инобытии, отсюда и муки творчества, несущие поэту боль и потрясения: «Листвы человеческий шелест – зов иного пространства для рыбы, идущей на нерест, или голос любви, отвечающий призракам грозным, что молчит псалмопевец и хлебом питается слезным» (1999:44).

Кековой-поэту и ученому многое объясняют и различные направления в христианской онтологии творчества, в частности, размышления о. Михаила (Труханова) в связи с созданием Адамом и Евой «опоясания» из смоковых листьев. Основой творческой способности в человеке о. Михаил называет «сознание личной недостаточности; побуждение к творчеству – стыд за недостаточность и стремление её преодолеть; и назначение творчества – стремление к духовности, благопристойности, предотвращающая поплзновение на грех».

Тоска же по иному миру, с одной стороны, и стыд, а оттого и горечь, из-за несовершенства человеческого, с другой, в поэзии С. Кековой совершенно явственны.

В целом же стилистическая функция грецизмов из православного религиозного дискурса у С. Кековой ограничивается их участием в создании различного рода тропов, из которых подробнее рассмотрим лишь некоторые. Знаковый образ в поэзии Кековой – храм как пространство универсума, обиталище Божие и место Его почитания и благоговения перед Ним, образ, особенно сильный у русских символистов.

Так, явления и объекты природы уподобляются у Кековой различным частям наружного и внутреннего устройства православного храма, имеющим в основном греческие наименования, а также священнослужителям. «Пахнет ландыш *ладаном* в сумрачном *храме* леса, где повсюду молча деревья стоят *иконы*...» («Солдатская трава», с. 132); «На мир спустилась ночь, и в облачном

кремле так тихо и светло горит луны лампада» («Плененные инеем», с. 84).

В этих и других поэтических контекстах универсум представляется в виде дендроцентрической модели. Свойственная мифам многих народов такая модель рисует мир, сердцевинной и осью которого становится мировое дерево, олицетворяющее в себе единство мироустройства; но что очень важно, у Кековой это дерево в форме креста. «В буддийских храмах старых ив, в больших *церквах* берез засвищут птицы, запоят о счастье без вины, кукушка наведет уют в часовне бузины» («Тень тоски и торжества», с. 102). Образ Мирового Дерева отчетливо проявится в более поздних стихотворениях С. Кековой, а последний сборник поэта даже носит название «Плач о древе жизни».

Метафорические наименования явлений природы в поэзии С. Кековой нередко уступают место ее олицетворению, в котором также активная роль принадлежит грецизмам православного дискурса. Данный прием в русской поэзии имеет давние традиции, при этом всякое новое обращение к поэтическому олицетворению отражает текущие особенности литературного процесса. В современной поэзии в основе олицетворения природы лежит ее бытийность, которая оказывается максимально приближенной человеку, а потому и понятной ему¹¹.

Такая приближенность к человеку в поэзии С. Кековой достигается за счет особых направлений переноса наименования.

- Перенос действия с одушевленного предмета (человека) на неодушевленный (деревья, травы): «Снег ли в воздухе тает над молчащим селом, или ива *читает* поминальный *псалом*» («Плененные инеем», с. 84); «...клёны, одетые в шитые золотом *риз*ы, арфы созвездий, *поющие гимн* захолустью...» (Там же). Такая разновидность переноса актуализирует у Кековой проблему места человека во Вселенной, а также отношения человека с Богом, Творцом и сутью этой самой Вселенной.

- Перенос действия с одушевленного предмета (человек) на неодушевленный (животные, насекомые): «где муравей, *монах* нищелюбивый, *зовет* проворных братьев в *монастырь*?» (Стихи, с. 92).

- Перенос действия с одушевленного предмета (человек) на неодушевленный (явления природы): «В храм *уснувшего* леса *приходит монахиня*-ночь, и к рассвету она *принимает* великую *схиму*» («Тень тоски и торжества», с. 101).

- Перенос действия с одушевленного предмета (человек) на неодушевленный (объекты природы – земля, небеса): «щебетание птиц и молчание рыб, что плывут под водою, хвостом шевеля, и, ладони *наполнивши ладаном* лип, непрерывной хвалой *отвечает* земля, *вознося фициам* дорогим небесам...» («Цветная Триодь»,

с. 51); «через реку, вершащую путь на восток, на восток, на восток, где небесный *алтарь* бирюзу и лазурь *превращает* в янтарь» (Там же); «где строили умные звезды сияющий свой *монастырь*. Но месяц, как некий *игумен*, не всякого *брал* в чернецы...»¹².

В этой связи примечательны у Кековой и глаголы говорения для характеристики мира животных, растений, неживой природы, что означает проецирование собственных действий, ощущений, состояний на окружающий мир и тем самым отождествление себя с окружающим миром, и, таким образом, растворение себя в мире. Так антропоморфизм помогает адекватно описывать окружающее пространство, частью которого и является человек, хотя и не самой главной. Об этом и свидетельствует особая значимость у Кековой образов рыб, птиц, деревьев и трав, символизирующих различные части Универсума.

Итак, посредством названных стилистических приемов, глубоко укорененных в поэтике Н. Заболоцкого, у С. Кековой и создается эффект символизма, метафизичности и мифологизма в представлении природы как храма Божьего.

Очевидная особенность поэтической модели мира С. Кековой в том, что она сама является сплошной развернутой метафорой, тогда грецизмы православного дискурса одновременно являются здесь и художественным денотатом и метафоризатором. «Ах, сияние жизни, томленье в груди! Ранним утром проснешься – и все позади – в небе ангел, как белая птица. И, огнем уходящие души крестя, на песке золотом золотое дитя, как вселенная в люльке, резвится»¹³.

При метафорическом уподоблении ангела птице символический потенциал грецизма *ангел* предельно интенсифицируется: оба образа являются распространенными символами души в мировой культуре. В данном контексте вдвойне усиливается когнитивный признак «светлый, чистый», а также сема «крылатый», отсюда «улетающий» – о смерти праведника.

Или: «Пойдем под сень дождя, и там, под этой сенью, нам ангел, как дитя, укажет путь к спасенью» (2001:45), где сравнение с ребенком усиливает в образе ангела сему «невинный, чистый» и «обладающий истинными знаниями». Характерно, что в обоих случаях при наименовании ангела также употребляется антропоморфизм, позволяющий актуализировать такую устойчивую для образа ангела в мировой культуре предикативную характеристику, как человекоподобие. Вместе с тем антропоморфизм подразумевает не только внешние признаки, но и определенные внутренние качества: понимание, сострадание, милосердие, что указывает на взаимопроникновение и взаимопретекание мира реального и метафизического в поэзии С. Кековой.

3. *Концептуализация и символика грецизмов.* Уже в силу своей высокой частотности

основополагающим для идиостиля С. Кековой является гречизм *ангел*, который воплощает в себе концепты православной культуры и отражает индивидуально-авторскую поэтическую модель мира. Здесь рассмотрим наиболее важные символические линии, формирующие символический уровень концепта *ангел* в поэзии С. Кековой.

• Ангел – душа. В поэзии С. Кековой наблюдается синтез символических линий, имеющих традиционный для христианской картины мира характер: ангел – душа, душа – жизнь. «Жизнь нам дана – и мы большего знать не можем, так и живем, проклиная ее, лаская. Те, кому небо служит любовным ложем, видят, как в море плачет трава морская. Видят, как в воздухе, словно в стеклянной колбе, птицы летают и ангел томится пленный...» (1999:50). Гречизм *ангел* как символ человеческой души отражает не только ее статические особенности, но и внутренние перемены в человеке – отклик на различные впечатления и события жизни: «Да, не могу понять я – кто ты и что с тобой, Ангел меняет платье в вечности голубой. Старая ткань слиняла – лёгкий покров души» («Тени летящих птиц», с. 3).

В стихотворении «Два разговора о смысле жизни» гречизм *ангел* усиливает символизм образа бабочки (вновь удвоение семы «крылатый») как символа души и человеческой жизни. «Эти травы зреют в поле, это зверь живет в неволе, привыкая к новой роли, в небе бабочка гостит. Ах, давно ль она дрожала, потому что червячком на сырой земле лежала то ли навзничь, то ль ничком? И имела вид наивный, и смеялась надо мной, а теперь, как *ангел дивный*, держит крылья за спиной» (1999:48). Здесь уподобление безмятежной бабочки ангелу, крылатой сущности трансцендентного мира, означает смерть как переход души из одного уровня бытия в другой.

• Ангел – душа поэта/поэзия; линия, производная от предыдущей. Как видим, данный мотив в творчестве С. Кековой является сквозным и реализуется с помощью самых разных средств и приемов. Знаменательным в этой связи представляется стихотворение «С церковью рядом ремесленник бродит печальный...» («Неземной конвой», с. 9), где разворачивается метафора Сотворения мира.

Мастер-Творец лепит из податливой *глины* фигурки животных, людей, предметы искусства (кисть, свирель, лира), «вылепил лиру, ненужную грешному миру, вылепил ангела – бедным мирянам и клиру». Завершив же мироздание и предусмотрев все, Создатель удалился от трудов: «Мастер уснул, распроставшись с земными делами. Церковь стоит и сияет во тьме куполами» (о Вселенной в образе храма см. выше).

Согласно архимандриту Киприану Керну, задача человека от самого его сотворения – «возделывание, обработка, украшение в самом широком смысле слова, и во всех областях жизни

и творчества»¹⁴. Тогда *ангел* символизирует в таком контексте душу поэта. Подтверждает эту догадку толкование ангелов в эллинистической традиции как участников в процессе сотворения и поддержания предопределенного существования космоса¹⁵.

Вместе с тем у Кековой поэт изначально обречен на одиночество: в мире, пораженным грехом, он остается невостребованным. Горьким символом ненужности поэта становится сломанная лира: «...глиняный ангел летит, причитая по-птичь, тихо летит над землею, убогой и сирой, глиняный ангел со сломанной глиняной лирой».

Еще один частотный гречизм религиозного дискурса в поэзии Кековой – *ад*. Обладая яркой, традиционной ценностно-оценочной коннотацией, гречизм *ад* отображает здесь едва ли не весь семантический спектр ужаса, страданий и мук; **вместе с тем данный гречизм оказывается вписанным у Кековой в общий символический контекст. Посмотрим.**

• Ад – небытие. Важной категорией в стихах С. Кековой становится понятие времени как признака жизни: оно живет здесь по своим законам, то замирая, то убегая вперед. В целом же пространственно-временные характеристики модели мира поэта исчерпывающе определяются понятием вечности, до предела сжатого, т.е. надленного высокой плотностью, времени.

Тогда формы, не обладающие ни местом, ни временем, являются формами не *бытия*, но *небытия* или *ада*. Таким образом, можно говорить о семантическом развитии Кековой лексемы *ад* – из «места, лишённого света, или нечто невидимого» в «место, лишённое времени и пространства, или нечто недвижимое». «Грубой лепки кувшин, белая корзина, за невымытым стеклом – облака... Что бормочешь ты, как ты живешь, Мнемозина, в бесконечном аду языка? Пожилой табурет, или кресло-качалка, или вытертый клетчатый плед... Жить вещам в языке неуютно и жалко: там пространства и времени нет» («Учитель словесности», с. 5).

• Гречизм *ад* в некоторых поэтических контекстах также развивает тему творчества. «Чтоб вода была, словно жизнь, быстра, и стояла смерть, как её сестра среди пламени Твоего костра, где сторае вечно солома звёзд; где над бездной ада – висячий мост, на мосту – поэт, словно певчий дрозд» («Цветная Триодь», с.51). Здесь поэт оказывается перед возможной карой за невыполнение своего предназначения: ад – небытие, абсолютное забвение, награду же поэту – память в веках – несет смерть.

Итак, русская поэзия рубежа XX–XXI вв. отличается настойчивым обращением к гречизмам православного дискурса, использование которых характеризует как традиционность, так и переосмысление. Анализ идиостиля современного поэта С.В. Кековой показал, что гречизмы

выполняют здесь разнообразные функции, которые образуют цельную систему. Как в семантической (источник символов и концептов), так и в стилистическо-функциональной (составная часть тропов; литургичность как особое восприятие мироустройства) плоскости поэтического текста такие гречизмы участвуют у Кековой в создании индивидуальной модели мира – Вселенной, осью которой выступает Мировое Дерево, обеспечивающее взаимосвязь всех уровней бытия.

Примечания

- 1 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- 2 Лучина Е.И. Гречизмы в православном религиозном дискурсе // Филологические этюды. 2006. Вып. 9, ч. III. С. 98.
- 3 Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М., 1958.
- 4 Василькова И. «Как нам вылечить птиц, отказавшихся петь?» // Новый Мир. 2004. № 3. С. 156.
- 5 Иванова Н. Циклотимия. Жертвенник сердца // Арион, 2002. № 2. С. 60.

- 6 Иванова Е.А. «На семи холмах»: пространство города и мир природы в поэзии Светланы Кековой // Мир России в зеркале новейшей художественной литературы. Саратов, 2004.
- 7 Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006. Т. 2.
- 8 Кекова С. Короткие письма. СПб., 1999. С.20 (год и страница указывается в скобках после цитаты). Ссылки на другие стихи С. Кековой см.: Знамя. 1998. № 7; 2000. № 8; 2001. № 4; 2003. № 7; 2004. № 8; Новый мир. 2002. № 4; 2003. № 7; 2005. № 11; Звезда. 2003. № 1.
- 9 Цит. по: Кекова С., Измайлов П. Православное обоснование художественного творчества // Сибирские огни, 2008. №11. С. 138.
- 10 Цит. по: Кекова С., Измайлов П. Указ. соч. С. 141.
- 11 Козлов В. Возвращение природы // Арион, 2008. №1. С. 65.
- 12 Кекова С. Восточный калейдоскоп. Саратов, 2001. С.46 (год и страница указывается в скобках после цитаты).
- 13 Кекова С. Песочные часы. СПб., 1995. С. 35.
- 14 Цит. по: Кекова С., Измайлов П. Указ. соч. С. 142.
- 15 <http://sigils.ru/symbols/angel.html>

УДК 811.161.1-25

НАМЕК КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЧЕВОГО АКТА И РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Н.А. Качалова

Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра переводоведения и межкультурной коммуникации
E-mail: schmetterling_20@mail.ru

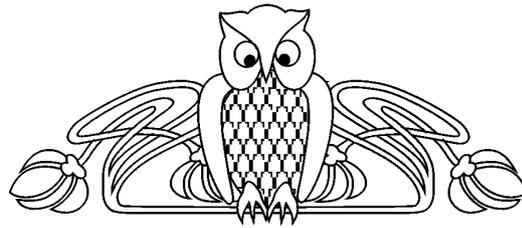
В статье рассматривается намек как один из коммуникативно-речевого элемента общения и коммуникации в целом; особое внимание уделяется таким понятиям современного языкознания, как жанры речи, теория речевых актов, косвенные речевые жанры, косвенные речевые акты. В статье приводятся примеры исследуемых моделей жанров речи, где четко указывается характерное специфическое отношение намеков как элемента косвенной коммуникации между прямым, буквальным и косвенным смыслом. В статье делается попытка определить место положения намеков как способов передачи косвенного смысла, в теории косвенных речевых актов и жанров речи.

Ключевые слова: жанры речи, теория речевых актов, жанры речи, намек, косвенные речевые жанры, косвенные речевые акты.

A Hint as an Element of a Speech Act and Speech Genre

N.A. Kachalova

The article deals with a hint as a speech communicative element of communication; special attention is drawn to the following modern linguistic concepts – speech genres, the speech act theory, indirect speech genres, indirect speech acts. The article gives examples of

speech genre models under research which show typical relations between direct (literal) and indirect meaning of a hint as an indirect communication element. It describes the place of hints as a means of rendering indirect meaning within the system of the indirect speech act and genre theory.

Key words: speech genres, speech act theory, hint, indirect speech genres, indirect speech acts.

В последние годы интерес к жанрам речи значительно возрос, исследованием жанров речи занимаются такие исследователи, как А.Н. Баранов, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева.

Для определения речевого жанра необходимо рассмотреть наиболее общую проблему, связанную со значением термина «речевой жанр» с термином «речевой акт». По этому поводу В.В. Дементьев выделяет следующие различия:

1. Речевой акт – действие, речевой жанр имеет количественно и качественно более сложную природу и соотносится с ситуацией, событием, текстом;

2. В центре теории речевых актов (ТРА) – грамматика языка (предложение), а в центре внимания теории речевых жанров (ТРЖ) – речевая коммуникация и функциональный стиль;

3. ТРА по своей сути монологична, ТРЖ диалогична (социологична)¹.

Ряд ученых рассматривает также речевой жанр как оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. В сознании носителя языка речевые жанры присутствуют в виде фреймов, сценариев, выступающих в качестве руководства к действию в той или иной социально значимой ситуации общения. С понятием речевого жанра тесно связано представление о речевой роли – нормативной, одобренной обществом манеры поведения, которое соответствует статусу языковой личности. Жанр предписывает языковым личностям определенные нормы коммуникативного взаимодействия, каждое жанровое действие уникально по своим свойствам. Так, К.Ф. Седов делит речевые жанры на информативные по преимуществу (жанры, в которых говорящий передает новую для слушателя информацию) и фатические (где суть общения – не в передаче информации, а в выражении разнообразных нюансов взаимоотношений между участниками коммуникации). К числу первых следует отнести рассказ, доклад, рапорт и т.д.; к числу вторых – комплимент, флирт, анекдот, тост и т.п.²

Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим тематическим содержанием и языковым стилем, то есть оборотом словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но и прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои устойчивые типы таких высказываний, которые М.М. Бахтин называет речевыми жанрами.

Диалогические жанры как составные единицы принципиально отличаются по характеру от монологических жанров речи, поскольку монологические жанры очень часто могут являться составными компонентами диалогических жанров. Так, например, ответ, извинение, объяснение, могут быть составными частями таких жанров речи, как разговор, беседа, спор³.

М.М. Бахтин особо подчеркивал крайнюю разнородность речевых жанров. К речевым жанрам он относит и короткие реплики бытового диалога (причем разнообразие видов бытового

диалога в зависимости от его темы, ситуации, состава участников чрезвычайно велико), и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и развернутый детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов, и разнообразный мир публицистических выступлений (в широком смысле слова: общественные, политические); но сюда же относятся и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры⁴.

Речевой жанр, как его понимает М.М. Бахтин, является действием, а не продуктом (точнее говоря, он является кодифицированной формой действия)⁵. В сущности, утверждал М.М. Бахтин, мы говорим только определенными речевыми жанрами. «Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы выражаем нашу речь определенными жанровыми формами... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык»⁶.

По мнению А. Вежбицкой, каждый речевой жанр имеет устоявшуюся модель, которая выражена при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания⁷. Так, например, речевые жанры дискуссия и спор выражены следующими формулами:

Дискуссия.

Думаю, что ты думаешь о Ч нечто другое, чем я

Говорю:...

Говорю это, потому что хочу, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает (и почему)

Думаю, что и ты хочешь, чтобы каждый из нас сказал, что он об этом думает и почему

Думаю, что, говоря об этом, мы могли бы сделать так, что мы будем думать одно и то же
Я хотел бы, чтобы мы думали одно и то же

Спор.

Знаю, что ты думаешь о Z нечто другое, чем я

Думаю, что ты думаешь плохо

Говорю:...

Говорю это, потому что хочу, чтобы ты думал, так же как и я.

Для данных речевых жанров характерен целый набор косвенных способов общения. Одним из косвенных способов общения является намек, поскольку он несет в себе косвенный характер. В.В. Дементьев относит намек к косвенным речевым жанрам, так как намеки включают такие требования к организации речи, которые состоят именно в выборе не прямой коммуникации. Косвенные речевые жанры ориентированы, в целом на диалог, как, например, дебаты, являющиеся формальным методом ведения спора. Стороны

взаимодействуют в этом случае друг с другом, представляя определенные точки зрения с целью убедить третью сторону (зрителей, судей и т. д.). Дебаты как форма ведения спора отличаются от логической аргументации, которая лишь проверяет вещи на предмет последовательности с точки зрения аксиом, хотя и логическая последовательность, и фактическая точность, как, впрочем, и эмоциональная апелляция к публике, являются важными элементами убеждения.

В формальном состязании по дебатам существуют особые правила ведения дискуссии, принятия решения о победившей/проигравшей стороне, а также процедуры/формат их проведения. Сопредседательные органы (парламенты, законодательные органы) и собрания всех видов вовлечены в процесс дебатов. Результаты дебатов могут подводиться при помощи голосования зрителей или судей или их сочетания. Формальные дебаты между кандидатами на выборные должности, как, например, дебаты между лидерами партий или дебаты между кандидатами на пост президента являются обычной процедурой в демократическом государстве.

Необходимо отметить, что порождаемые коммуникативные смыслы в принципе несводимы ни к «прямым» значениям, ни к монологическим интенциям. Не случайно большинство косвенных РЖ нацелены на само общение, и для них прямые средства вообще невозможны.

Главным действующим лицом в «теории косвенных речевых жанров» оказывается адресат, а аспекты и непрямоты связываются с теми аспектами интерпретативной деятельности адресата, которые обуславливаются правилами соответствующего жанра. Существует целый ряд жанров, в которых истинную цель общения не просто не принято называть вслух, но нужно именно скрывать. Это, например, флирт, розыгрыш, спор, дискуссия. К этой группе целесообразно отнести и намеки, поскольку понятие «намеки» образует обширную область косвенной коммуникации с их косвенными речевыми актами.

Понятие косвенного речевого акта (далее – КРА) основывается на противопоставлении первичного (буквального) и вторичного (коммуникативного) значений языковой формы. Проблема КРА, как ее сформулировал Дж. Серль, «заключается в выяснении того, каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто “иное”. КРА имеет место в том случае, «когда один иллокутивный акт осуществляется путем осуществления другого». Классическим примером косвенного речевого акта стало косвенное выражение просьбы посредством вопроса: *Можете ли Вы подать соль?* – приведенное в работе Дж. Серля «Косвенные речевые акты»⁸. В данном случае имеет место своеобразная прагматическая транспозиция. Так, вопросительные предложения в своей первичной функции

служат запросу информации. Но они же могут выражать констатацию *Ты еще здесь?* просьбу *Ты не можешь принести мне эту книгу?* приглашение *Ты не хочешь сходить со мной в кино?* и т.п.

Как правило, используя косвенный речевой акт, говорящий намеревается дать понять слушающему, с какой целью к нему обращаются, причем он намеревается это сделать путем побуждения слушающего к опознанию его намерения. С точки зрения Р. Конрада, решающую роль для интерпретации высказывания играют ситуация общения, наличие «схем поведения» с «некоторой заранее заданной иерархией целей»⁹. Это значит, что, используя косвенный речевой акт, говорящий рассчитывает на коммуникативную компетенцию слушающего, а также на конвенции – «неписанный договор, установления, принятые в данном сообществе»¹⁰.

Необходимо отметить, что для намеков как элемента косвенной коммуникации характерно весьма специфическое отношение между прямым, буквальным и косвенным смыслом. Более четкое представление может дать общая модель намека:

Думаю, что ты знаешь что-то о Х.

Говорю не напрямую, потому что знаю, что ты знаешь, о чем я хочу сказать.

Говорю так, потому что хочу, чтобы ты сам сделал вывод и понял, что я хочу этим сказать.

Отличительной особенностью намеков, является то, что это такое дискурсивное образование, которое программируется говорящим как имеющее место динамическое «колебание» между возможностями буквальной и косвенной интерпретации. Задача говорящего в этом случае состоит в том, чтобы создать такую дискурсивную единицу, которую можно было бы интерпретировать и в буквальном, и в прямом, и в косвенном смысле. Тогда возникает косвенный смысл. Суть намека как особого коммуникативного приема заключается в том, что именно этот вторичный смысл является подлинной целью намека, который строится именно для того, чтобы передать его. При этом возможность только буквальной интерпретации всегда в той или иной степени сохраняется. Сущность намека в ситуации его реализации как раз и состоит в том, чтобы для получателя высказывания так до конца и оставалось бы неясным, является ли оно намеком¹¹.

В данной статье мы перечислили такие жанры, которые являются по отношению к своей основной коммуникативной цели косвенными. Косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект)¹².

Косвенный речевой акт может рассматриваться и как особая речевая стратегия, именуемая стратегией намека, которая заключается в том, что производимый иллокутивный речевой акт пред-

назначается для выполнения вспомогательной роли в осуществлении другого иллокутивного акта. Здесь уместно привести анализируемый Р. Конрадом пример использования пассажирами вопроса: *Вы выходите?* – для побуждения адресата к действию¹³.

В этом примере автор приходит к заключению, что косвенных речевых актов не существует как таковых, что «под косвенными речевыми актами имеются в виду потенциальные, пропущенные, воображаемые, а не реальные речевые акты». Вопрос воспринимается адресатом как своего рода «разведка», за которой должен быть совершен следующий шаг – выражение собственно побуждения совершить действие, об условиях успешности, выполнения которого запрашивалось в высказывании. Адресат, воспринимая высказывание, отражающее первый шаг в осуществлении речевого намерения говорящего, предвидит и второй шаг. Далее, действуя по принципу вежливости, адресат реагирует уже на второй шаг, когда адресат выполняет действие, которое не названо, но на которое намекает высказывание. Известно, что обычной реакцией на вопрос: *Вы выходите?* (при отрицательном ответе) – служат действия адресата, который освобождает путь к выходу.

Многими лингвистами отмечается, что косвенное высказывание употребляется в целях создания социально благоприятного климата общения. Соблюдение речевого этикета эффективно обеспечивает взаимопонимание коммуникантов. И.М. Кобозева с соавт. считает, что в широком смысле косвенным можно назвать не только речевой акт, но и невербальный, действительная цель которого не выражена явно. При такой трактовке вставание одного из собеседников из-за стола можно рассматривать как намек, то есть кос-

венный коммуникативный акт информирования адресата о том, что разговор окончен¹⁴.

Примечания

- ¹ Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006. С. 260.
- ² Седов К.Ф. Речевое поведение // Специализированный вестн. Краснояр. гос. ун-та. Красноярск, 2000. Вып 2 (10). С. 38.
- ³ Анисимова Т.В. Речевое поведение // Там же. С. 44.
- ⁴ Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 250.
- ⁵ Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Этика словесного творчества. М., 1979. С. 259.
- ⁶ Там же. С. 257.
- ⁷ Вежбицкая А. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. 2007. С. 73.
- ⁸ Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- ⁹ Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 349.
- ¹⁰ Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.
- ¹¹ Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М., 2000. С. 18.
- ¹² Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М., 2006. С. 260.
- ¹³ Конрад Р. Указ. соч.
- ¹⁴ Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1988. № 5.

УДК 811.111'25

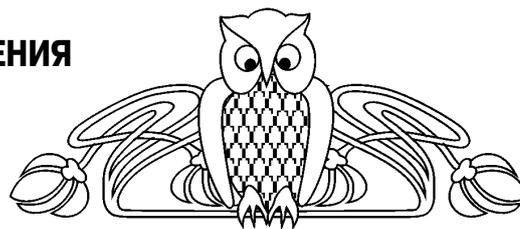
ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

И.А. Банникова, Ю.Е. Мурзаева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра английской филологии
E-mail: Philology@sgu.ru

Статья посвящена проблемам художественного перевода, в частности способам достижения его адекватности. На примерах из рассказа известного английского писателя XX в. Д.Г. Лоуренса авторы статьи показывают, что в тех случаях, когда в языке не существует аналогов конструкциям языка оригинала, действенным способом достижения адекватности является использование лексических и грамматических трансформаций. Такие трансформации, учитывающие функцию текста и контекст, позволяют компенсировать стилистические сдвиги, неизбежные в художественном переводе.

Ключевые слова: художественный перевод, трансформация,

адекватность, стилистический сдвиг, эмфатические модели, компенсация, смысловое развитие, функция, контекст, образность.

Transformation as a Means of Giving Adequate Translation

I.A Bannikova, Y.E. Murzaeva

The article is devoted to the problems of literary translation, in particular to the ways of supplying adequate translation. On the examples from a short story by a famous XX century English writer

D.H. Lawrence, the authors of the article show that in the cases where there are no analogues in the target language to the structures of the source language, lexical and grammar transformations prove to be effective. Transformations of this kind, which are used taking into consideration the text function and the context, make up for stylistic shifts inevitable in literary translation.

Key words: literary translation, transformation, adequacy, stylistic shift, emphatic model, compensation, semantic development, function, context, figurativeness.

Известно, что главную цель переводчик художественной литературы видит в отражении основных черт художественного произведения.

Как справедливо утверждает А. Попович¹, в художественном переводе языком-посредником между стилем перевода и стилем оригинала является система выразительных средств. Поскольку существуют глубокие языковые и литературные различия между двумя языками, перевод по сравнению с оригиналом всегда отличается определенными сдвигами. Естественно, однако, что все потери должны тем или иным образом компенсироваться. Средствами такой компенсации являются разнообразные трансформации. В стилистике их называют «сдвигами выражений».

Функциональный подход, т.е. такой подход, при котором прежде всего учитывается функция элементов любого уровня и отыскивается функциональное, а не формальное подобие, позволяет восполнить потери. Сдвиги в переводе совсем не обязательно являются показателем отказа переводчика воспроизвести наиболее оригинальные национальные специфические особенности оригинала, но скорее говорят о его желании достичь истинного подобия. «Сдвиги имеют место не только потому что переводчик хочет изменить оригинал, но и потому что он стремится как можно точнее его передать, овладеть текстом в его целостности»².

Естественно, что выбор трансформации будет зависеть от целого ряда факторов, и прежде всего он будет обусловлен специфическими особенностями лексики и грамматики языка оригинала и языка перевода. Лингвисты отмечают, что лексике русского языка свойственна большая конкретность, а для лексики английского языка характерна широкая семантика значения слова. Это делает такую трансформацию как конкретизация особенно актуальной при переводе с английского языка на русский. В то же время следует заметить, что сочетаемость в английском языке гораздо более свободна, чем в русском, и это открывает большие возможности для использования в английском художественном тексте перенесенного эпитета. Двойная отнесенность делает его очень эффективным стилистическим средством. В русском языке использование перенесенного эпитета в художественном тексте более ограничено. В целом ряде случаев при переводе с английского на русский приходится отказаться от сохранения перенесенного эпитета, поскольку нормы сочетаемости в русском языке гораздо более жесткие. В этих случаях часто приходится прибе-

гать к смысловому развитию, т.е. такой трансформации, которая заключается в замене словарного соответствия логически связанным с ним словом. Сюда относятся метафорические замены, а также изменение части речи.

Следует обратить внимание и на то, что при переводе с английского на русский язык приходится часто прибегать к грамматическим трансформациям. Так, например, широко используемые в художественном английском тексте эмфатические модели, придающие экспрессивную и эмоциональную окраску всему предложению в целом, редко совпадают с эмфатическими моделями в русском языке и поэтому требуют, как правило, перестройки предложения и компенсации.

Прежде всего это относится к английским конструкциям, отмеченным компрессией и не имеющим аналогов в русском языке, а следовательно, требующим декомпрессии при переводе. Такие конструкции подробно описаны в работах Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман³.

Особую группу слов с неодинаковым объемом значения составляют так называемые адвербиальные глаголы, где реализуются две семы: сема действия и сема, передающая характер этого действия. В русском языке нет аналогов таким конструкциям, их сохранение чаще всего противоречит нормам сочетаемости русского языка, поэтому при переводе вводятся глагол движения и обстоятельствоное слово.

Использование таких конструкций особенно характерно для произведений английских писателей XX века. Образная система произведений таких писателей, как Грэм Грин, Сомерсет Моэм, Дэвид Герберт Лоуренс, включает в себя и самые различные тропы, и всё разнообразие выразительных средств. Особенно показательна в этом отношении образная система рассказов Д.Г. Лоуренса. Рассмотрение специфических эмфатических конструкций в одном из его самых оригинальных рассказов позволит нам проследить, как с помощью трансформации мы сможем найти точные функциональные замены, обеспечивающие адекватность перевода.

Сюжет рассказа «The Lovely Lady» «Прелестная леди» представляет собой закрытую структуру, несмотря на то, что этот рассказ⁴ – это прежде всего психологический рисунок: прелестная престарелая леди, принадлежащая к аристократическому роду, обладает коллекцией редких изысканных предметов роскоши, имеет двух сыновей, одного из которых, наиболее любимого и удачливого, она сводит в могилу, и дурнушкой племянницей. Мысль о том, что её сын и племянница могут быть счастливыми, не даёт ей покоя. Подстроенная проницательной племянницей шутка: обвинительный приговор её умершего сына, который племянница измененным голосом произносит через водосточную трубу, подкосил престарелую прелестную леди. За считанные дни она превращается в страшилище, в старую ведьму и умирает, освободив своих родных от плена, в котором она их держит.

Последние страницы рассказа, где описывается процесс «чудесного» превращения красавицы в старую ведьму изобилует метафорическими словосочетаниями, отмеченными компрессией. Аналога в русском языке им нет, между тем именно они выполняют важную характерологическую функцию: показывают «преображение» прелестной леди. Именно поэтому нахождение функциональных подобий с сохранением образности и звукового облика становится одной из главных задач перевода.

Задача адекватной передачи таких конструкций осложняет широкое использование автором (заметим, что Лоуренс не только прозаик, но и поэт) звукописи – особого подбора слов, которые своим звучанием делают образные словосочетания более выразительными и эмоциональными. Скопление звуков, близких по звучанию, желательное сохранить в переводе, чтобы не нарушить эстетический эффект. Нарочито дисгармоничное сочетание звуков становится важным музыкальным сопровождением словесного образа.

Рассмотрим целый ряд таких конструкций и выявим способы компенсации стилистического сдвига с помощью трансформаций. Обратим внимание на то, что настойчивое использование звуко сочетаний *kr, skr* вызывает ассоциации с словесным образом – *a scarecrow*:

crumping mask, crazy dog, in a crab like way, scrambled out of the room, crumpled her into an old witch...

1. She rushed through the meal like a crazy dog.

У адвербиального глагола *to rush through* реализуется сразу два значения – броситься на еду и съесть её.

В переводе используем два глагола, изменяя грамматическую конструкцию, и прибегаем к смысловому развитию.

Она кинулась на еду и жадно проглотила её, как бешеная собака. В оригинале повторы *r, k*; в переводе *к, с*.

2. ...she darted in a queer, crab-like way upstairs.

У глагола *to dart* реализуется две семы – ринуться и медленно по-крабьи передвигаться.

При переводе для реализации второй семы, прибегая к смысловому развитию, используем деепричастие.

Она рванулась наверх, странно по-крабьи перебирая ногами.

3. And she scrambled out of the room.

У глагола *to scramble out* реализуются семы – выйти и с трудом пробраться.

При переводе используем приставку «вы-» со значением удаления в глаголе выкарабкаться и наречное словосочетание «с трудом», конкретизирующее характер движения.

И она с трудом выкарабкалась из комнаты.

Так же как и в оригинале, в переводе используются нарочито неблагозвучные словосочетания, в оригинале – *scr*, в переводе – *кр, бк*. Так воспроизводится звуковой образ неповоротливости, неуклюжести, нелепости.

4. She was literally shrivelling away.

У адвербиального глагола *to shrivel away* реализуются семы – сохнуть и исчезать.

В переводе используем глагол сохнуть с приставкой «у-» и наречное выражение «на глазах», подчеркивающие процесс удаления. Декомпрессия будет сопровождаться смысловым развитием.

Она усыхла буквально на глазах.

5. It was as if every nerve in her body had suddenly started screaming in an insanity of discordance.

Словосочетание *started screaming in an insanity of discordance* потребует при переводе конкретизации и смыслового развития. Вводим слово «приступ» и, переосмысливая слово «*discordance*» – неблагозвучие, несоответствие, диссонанс, заменяем его на слово расстройство.

Казалось, каждый нерв её тела начал пронзительно кричать во внезапном приступе расстройства.

Сохранение двуплановости: нарушение всех функций тела и расстройство музыкального инструмента создают образ дисгармонии, который получает большую выразительность за счет использования лейтмотивных неблагозвучных звуко сочетаний *sk, skr* – в оригинале, *з(с), к, р* – в переводе.

6. Ciss was almost terrified into repentance.

Словосочетание с адвербиальным глаголом – дословно – ужаснулась до раскаяния потребует декомпрессии и смыслового развития.

Сис пришла в такой ужас, что была готова раскаяться.

7. Her face was made up, but haggard with a look of unspeakable irritability, as if years of suppressed exasperation and dislike of her fellow-men had suddenly crumpled her into an old witch.

Словосочетание *crumpled her into an old witch* – дословно – сплющило её в старую ведьму реализует две семы – процесс изменения и способ такой перемены. При переводе используем конкретизацию и смысловое развитие, меняем структуру предложения и вводим два глагола – превратить и скрючить. Лейтмотивное звуко сочетание *kr* (*crumpled*) в переводе передано с помощью лейтмотивных звуков *з(з), к, р*.

Лицо её было накрашено, но казалось изможденным, на нём застыло выражение неизъяснимого раздражения, как будто годы долго подавляемой ненависти и неприязни к своим братьям скрючили её и превратили в старую ведьму.

Анализируя способы передачи английских эмфатических конструкций, отмеченных компрессией и требующих трансформаций, мы приходим к выводу, что использование национальных, специфических средств русского языка, таких как деепричастия, наречные выражения, префиксы, даёт широкие возможности для компенсации.

Сохранение звукообраза и метафоричности даёт возможность сохранить и образность оригинала.

Следует подчеркнуть, что при анализе мы прежде всего учитываем функцию конструкции (в нашем случае экспрессивную и характерологическую) и контекст. Так мы приходим к выводу, что именно функциональный стилистический сдвиг, т.е. такой, цель которого адекватно передать характер оригинала в условиях другой системы, является оптимальным вариантом.

Примечания

- ¹ Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.
- ² Там же. С. 98.
- ³ Левитская Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. М., 1976.
- ⁴ Lawrence D.H. *Odour Of Chrysanthemums and Other Stories*. М., 1977.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-1+929Фет

«ДНЕПРОВСКИЕ РУСАЛКИ» А.А. ФЕТА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ (к вопросу о фетовском фольклоризме)

Т.Г. Фирсова

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: tan-firsova@yandex.ru

Статья представляет собой первую попытку комплексного анализа либретто А.А. Фета «Днепровские русалки». На основе сопоставления фетовского текста с произведениями О.М. Сомова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя доказывается его фольклорный генезис. Главное отличие Фета от предшественников – разработка демонологических персонажей (семья русалок, жених-мертвец, водяной, леший) на основе поэтических образов славянской мифологии, широкого материала народной прозы.

Ключевые слова: фольклоризм, фольклоризм А.А. Фета, либретто, русалка литературная, русалка фольклорная, народная проза, быличка (бывальщина), демонологические персонажи.

“Dnieper Mermaids” by A.A. Fet: Sources in Literature and Folklore (on the Problem of Fet’s Folklore)

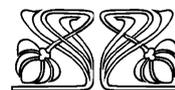
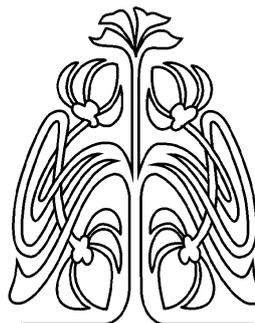
T.G. Firsova

This article is the first attempt to do a complex analysis of A.A. Fet’s libretto “Dnieper Mermaids”. Fet’s text proves to be of folklore origin when comparing and contrasting this text with those by O.M. Somov, V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, N.V. Gogol. The main difference of Fet’s text from his predecessors’ is the elaborate system of demonistic characters (the mermaid family, the dead fiance, water goblin, wood goblin) derived from Slavonic mythological poetic images, wide range of folklore prose material and culture.

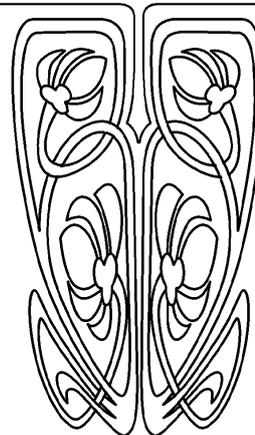
Key words: folklore, Fet’s folklore, libretto, literary mermaid, folklore mermaid, folkloristic prose, bylichka (bvalshchina), demonistic characters.

Либретто А.А. Фета «Днепровские русалки» впервые было опубликовано М.Д. Эльзоном в 1989 г. на страницах журнала «Русская литература»¹, потом вошло в 20-томное собрание сочинений и писем, которое представляет собой первую попытку издания наследия поэта с возможной полнотой². Список с указанием «Слова Фета» хранится в Музее А.А. Бахрушина (ЦГТМ. Ф. 572. № 14153) в специальном собрании произведений этого жанра. Текст сопровождается режиссерской разработкой «Замечания насчет постановки на сцену драматического музыкального произведения». Сведений о реализации замысла исследователям не удалось обнаружить. Несмотря на то, что полные инициалы под списком отсутствуют – текст подписан А.Ф. – представляется справедливым мнение М.Д. Эльзона об авторстве Фета. Сам поэт настойчиво просит И. Введенского: «Да главное дело ни под каким видом не разбирай “Лирического Пантеона” как сочинения Фета, а просто А.Ф., равно как и эти стихи пусть переводит А.Ф., а не Фет. Слышишь, не упрячься, зачем вредить себе необдуманно»³.

Создавая летопись жизнедеятельности А. Фета, Г.П. Блок отмечает: «С величайшей настойчивостью Фет требует (в трех письмах подряд) сохранения в тайне его имени. Не юношеской застенчивостью продиктовано это требование (точно так же, как не обиходная приверженность к литературной “фирме” заставляла впоследствии старого Шеншина

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сохранять за собой в печати ненавистную фамилию Фета). Это была одна из оград поэта, воздвигнутая сознательно и мудро. Над головой прохожего ветви в белых цветах – корни за оградой, глубоко в земле»⁴. Авторство Фета М.Д. Эльзон подтверждает и дошедшими до нас сведениями об опытах молодого поэта в драматическом роде. Так, из биографии А. Фета известен факт написания водевиля для бенефиса М.С. Щепкина (декабрь 1840 г.). Г.П. Блок указывает в своей работе: «Сочиненного Фетом водевиля найти не удалось. Ни в Центральной библиотеке Русской Драмы, ни в Цензурном архиве его нет ни в печатном, ни в рукописном виде. А судя по тому, что не значится он и в «Реестре рукописей и печатных книг», в котором отмечены драматические произведения, просмотренные Петербургской театральной цензурой в 1841 году, вернее всего думать, что Введенский с цензурой по поводу этого водевиля вовсе не сносился»⁵.

Дата написания либретто подтверждается упоминанием в одном и том же письме Фета к И.И. Введенскому от 22 декабря 1840 г. водевиля для бенефиса Щепкина⁶ и неизвестного произведения, условно называемого «Нимфами». Из данного письма следует, что поэт считал «Русалок» «одним из лучших своих произведений» и что оно было уже давно у Иринарха, который предпринимал в отношении его какие-то шаги. На основании письма сочинение Фета можно, скорее всего, условно датировать 1839-м годом, то есть до отъезда в январе 1840 г. И. Введенского из Москвы в Петербург.

Литературная основа фетовского текста вне сомнений. Как отмечает Э.В. Померанцева, «корнями своими образ русалки восходит к древним верованиям, однако укреплен и уточнен в представлениях человека не мифологическими рассказами, а профессиональным искусством – живописью и литературой»⁷.

Произведение А. Фета гармонично продолжает традиции предшественников: О.М. Сомова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. Вслед за А.С. Пушкиным и в отличие от других авторов А. Фет создает образ русалки, используя поэтические формулы, концепции и представления низшей славянской мифологии.

Интересно, что к этому персонажу быличек автор идет через освоение европейской культуры, отбрасывая все «чужеродное». В своем произведении поэт использует различные наименования обитательниц водной стихии: «наяды», «ундинь», «русалки», а первоначальным заглавием текста было «Нимфы».

С одной стороны, эти понятия выступают в сочинении А. Фета тождественными, что вполне оправдано, ведь «русалки – это были русские нимфы и наяды»⁸.

С другой стороны, можно разграничить употребление поэтом этих терминов. Наядами

автор называет русалок в ремарке («Пение наяд на воде»). Согласно мифологическому словарю, «наяды – хранительницы вод и обладают благодетельными функциями. Есть наяды – целительные и врачующие. Воды источников, где обитали наяды, имели очистительные и прорицательные функции и даже обладали способностью даровать бессмертие, счастливое существование»⁹. Героини Фета – существа, дарующие благодать, душевное исцеление, жизнь после смерти, наполненную «счастьем». Они призывают покинуть этот «душно-зловонный мир» и отправиться вслед за ними:

Спеши! К нам, подруга, на голос приветный,
Сквозь зелень осоки, не бойся, вперед!
Земля ваша счастьем скудна, безответна,
А полное счастье в зыбях лишь живет¹⁰ (С. 398).

Наименованием «наяды» поэт подчеркивает высшие функции данного демонологического образа: способность увести от земной суеты, роль оберега, невинность их положения как пленниц омута.

Вместе с тем уже в «Словаре русских суеверий» М.Д. Чулкова отмечена принадлежность русалок к категории «дьяволов»: «Русалки – дьяволы женского рода, живущие в горах, в реках и болотах»¹¹. Именно с этим определением и соотносится образ русалок в сознании одной из девушек:

Сестра, дорогая, не слушай ундин,
Вся нега подводная – призрак один.
На лоне спокойном таинственных вод
Волна нас охватит и вглубь унесет. (С. 398).

Употребление слова «ундины» предстает в данном случае целесообразным, ведь «именно ундины своим пением и красотой увлекают путников в глубь, могут погубить их или сделать возлюбленными в подводном царстве»¹². Русская русалка ассимилирует эти разнородные функции наяд и нимф.

По народным представлениям, русалками становятся женщины, умершие неестественной или преждевременной смертью, чаще всего утонувшие или скончавшиеся до брака девушки, а также проклятые, мертворожденные или некрещенные дети. В Полесье о русалках говорили так: «Как утонет девушка, то уже русалка. Выходит в жите красоваться перед Купалой»; «Русалка – это девушка, которая утонет от любви. Она на Русальной неделе и превращается в русалку, чтобы любимого увидеть»; «Если девушка свадьбу не сыграла и умерет ... обрученная умрет, то русалка будет». А вот как думают на Севере: «У нас говорят, что русалки – это девушки, умершие перед самой свадьбой. Вот они и томятся всю жизнь и людям мешают»; «Русалки в реках и сейчас есть, в русалку обращается, говорят, проклятый человек»¹³.

Героиня А. Фета – Людмила – становится русалкой, будучи незамужней девушкой. Поэт

не разрабатывает на страницах произведения причину ее превращения. Людмила просто переходит из одного мира в другой, из реального – в фантастический, потусторонний:

Людмила очутилась
С подружками в реке,
Царит, как прежде в замке
Царила, в тростнике (С. 402).

Интересным представляется тот факт, что Людмила, обитая в замке, губила своих возлюбленных, обрекала на смерть тех, кто осквернит чувство любви:

О, что за демон! В красе неземной
Навек обреченный погибел злой,
Кто чувство святое любви осквернит,
Навеки проклятье того поразит (С. 401).

«Приют» возлюбленные находят в водах Днепра:

В волнах Днепра качался
И к югу плыл мертвец (С. 401).

Данные подробности делают возможным предположение, что Людмила в земном царстве была ведьмой, ведь, согласно фольклорным данным, слова «ведьма» и «русалка» имеют один корень «мара»¹⁴. Составитель сборника «Народная проза» С.Н. Азбелев приводит народное предание «Марина – русалка» (№ 291). Главная героиня – Марина – прежде чем стать русалкой, была ведьмой: «Недалеко от Курчавого жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем и, поговаривали, извела его <...>. Только что узнала Марина (что ее любимый решил жениться. – Т.Ф.) – начала колдовать и чего только не делала, по рассказам, так индо ушеньки вянут»¹⁵. Очевидны сходные мотивы данного предания и либретто А. Фета: и Людмила, и Марина обладают прекрасной внешностью, губительными колдовскими чарами, «изводят» мужчин, обе потом становятся русалками. Что примечательно, обе героини живут на речных обрывах.

В народных представлениях внешность русалок рисуется противоречивым образом. С одной стороны, они обладают вечной юностью и красотой, не отличающейся от красоты земных девушек, а с другой – «русалка, вроде, женщина старая, старуха, такое оборванье усе <...>. Така старэнька, страшенька, кудлата як ведьма»¹⁶. Внешний образ Людмилы строится на традиционном для поэтики романтизма и для русского песенного фольклора приеме сравнения человека с природными элементами. Ее глаза – «две звездочки», на губах – «румянец свежей розы», кудри – «как сумрак ночи волною до плеча», кожа – «как пред зарею в ночи упавший снег», и вся, «как полдень мая нежна и горяча». Это романтический идеал юной девушки, опозитизированный образ¹⁷.

Ведьмовское начало фетовской русалки проявляется и в том, что ее красота так же губительна, как и прекрасна:

Рыбак, пастух и воин,
Не в силах превозмочь
Желанья, шли в тот замок
Вкушать блаженства ночь.
Но только звезд последних
Бледнел златой венец,
В волнах Днепра качался
И к югу плыл мертвец (С. 401).

Красота Горпинки О.М. Сомова, «ясной панночки» Н.В. Гоголя, пушкинской Русалки губит их, а красота Людмилы А. Фета губительна для окружающих.

Жизнь Людмилы после перехода в иное «царство» также подчиняется общефольклорным представлениям об устройстве русалочного мира. А.Н. Афанасьев отмечает: «Водяны (русалки, обитающие в реках, озерах и колодцах) любят селиться общинами, семьями»¹⁸. Уместным, с этой точки зрения, представляется вопрос одной из девушек: «Скажите, кто знает русалок семью?» (подчеркнуто. – Т.Ф.). Вместе с этим жизнь русалок подчиняется и властной иерархии: Людмила живет с подружками одной общиной, но она царица¹⁹:

И много жертв сманили
В пучину за собой
Днепровские русалки
С царицей молодой (С. 402).

Суеверные крестьяне утверждали, что «старшая над русалками называется царицей и назначается водяным начальником русалок из их же среды. В Воронежской губернии народ верит, что без позволения царицы русалки не могут не только погубить, но даже испугать человека»²⁰.

Людмила царит в подводном замке, наличие которого у русалок отмечено в фольклорных источниках. Так, А.Н. Афанасьев писал: «По одним из поверий, у них (русалок. – Т.Ф.) есть хрустальные подводные чертоги²¹, замки, блестящие внутри серебром, золотом, алмазами, яхонтами, жемчугом, разноцветными раковинами и кораллами; дневное светило сияет и светлые волны с шумом катятся через прозрачные кровли и стены этих роскошных замков»²². Любопытно, замки просто перемещаются вместе с хозяйкой на дно реки, ведь:

С зарею все исчезло
На склоне сонных гор,
И где белел там замок –
Один синеет бор.
И где стоял тот замок,
У той скалы крутой,
Днепра сильнее ропот
И волн страшней прибой (С. 402).

Подобным же образом решает данную ситуацию Н.В. Гоголь. Дом молодой панночки переходит в иной мир вместе с хозяйкой. Можно предположить, что замок как место «земного» пре-

бывания Людмилы поглощается водной стихией именно потому, что он никогда не существовал в реальности, а только был результатом колдовских чар хозяйки. Когда Людмила исчезает, ее колдовство тоже теряет силу.

Таким образом, портрет Людмилы является результатом гармоничного переплетения фольклорных представлений о том, кто становится русалками и как они выглядят. Но вместе с этим имя «Людмила» – явная аллюзия на одноименную, ориентированную на немецкую традицию балладу В.А. Жуковского (1808 г.), с которой «Днепровские русалки» имеют прямое родство, хотя и не повторяют в точности ее сюжетных ходов. Это накладывает на облик Людмилы балладный отпечаток: она – героиня «страшной повести» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.) – «цвела красою, полна волшебных нег». Балладность, чудесная фантазия в облике Людмилы «идет из народной мифологии, от которой, однако, откинута ее “простомыслие”, оставлено же то, что в ней было и есть поэзия»²³. Людмила воскресает «царицей русалок» – это чудо, но чудо входит в жизнь, опираясь на ее законы. С целью раскрыть эту двойственную сущность героини, А. Фет выстраивает либретто как «рассказ в рассказе». Такой тип композиции в разработке русалочьего образа уже встречался в русской литературе. Например, тождественно построена повесть Н.В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница» (1831 г.). Рассказ охотника, повествующего о Людмиле на фоне утреннего леса, напминает рассказ Левко о «молодой панночке», органично входящий в произведение.

«Страшная история» о судьбе Людмилы строится по законам балладного жанра. Ей свойственны сюжетная сжатость, концентрация содержания вокруг одного эпизода из жизни персонажей, дискретность повествования, драматический характер содержания, мотив «страшной» фантастики, возможность с большей полнотой и притом с большей сосредоточенностью выявить глубину сердца.

Художественное пространство в либретто А. Фета соответствует народному мировосприятию. Авторы исследования «Языческая мифология славян» – Т.А. Волошина и С.Н. Астапов – отмечают: «В восточнославянском фольклоре XVII–XIX вв. наибольшее число легенд и преданий связано с днепровскими русалками²⁴. Эти коварные существа зажигают ночью по северным берегам Черного моря огни на курганах, чтобы заманить к себе путников, а потом сбросить их с высокой кручи в днепровские пучины»²⁵. Другой источник указывает, что предания о днепровских русалках относятся к наиболее древним упоминаниям об этом образе русской демонологии. «Если речные нимфы в Германии, Польше и Литве получили свое название от рек, то из сего должно заключить, что и русалки получали название от рек, им соименных, и что русалки, как русские нимфы, более известны на юге и западе России.

Так, впадающая с правого берега в Днепр река до сих пор именуется Русою»²⁶. Героиня А. Фета, ставшая русалкой, живет

Там, где Днепр глубокий
О дикий берег бьет...
Как будто бы враждую
С упрямою скалой,
Под нею, слышно, омут
Сам вырыл водяной (С. 400).

Автор вводит в свое произведение днепровский омут, пучину, известные в народных представлениях и рассматриваемые как локусы.

Излюбленное место пребывания народных и фетовских русалок – поверхность воды и лес. В связи с народными верованиями, лес занимал особое место в системе обрядов Русальной недели. «В четверг на зеленой, или Троицкой, неделе девушки и даже женщины, боясь прогневать русалок, чтобы они не испортили скотины, не работают, называя этот четверг «велик день для русалок». Взрослые девушки в этот день плетут венки и бросают их в лесу русалкам, чтобы они добыли им суженых и ряженых»²⁷. Возможно, этот обряд стал объяснением тому, что делают фетовские героини-девушки в «приюте прохлады лесной». Характерно, что охотники встретили «красавиц пленительный рой» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Словарь славянской мифологии указывает: «Летом, начиная с Троицына дня, ни одна девушка не решится одна, без подруг, пойти в лес, опасаясь попасться русалкам: увлекут с собой, сманят – домой больше не воротится»²⁸. Данная коллективность являлась своеобразным оберегом от русалок: девушки вместе гадали, вместе плели венки и хором пели.

Традиция пения в комплексе русалочьих обрядов раскрывает двойственное значение строки А. Фета: «Когда леса полны напевом». С одной стороны, леса наполнены пением птиц, а с другой – мотивами лирических песен, исполняемых девушками. Интересно, что в лирических песнях данного обрядового цикла фигурируют и сами русалки²⁹.

Художественное время фетовского произведения воспроизводит народные представления о Русальной неделе. Согласно исследованию А.В. Терещенко, «важнейшая особенность русалок – сезонная ограниченность их пребывания на земле. До Троицына дня русалки живут в воде, а с Троицы до Петрова поста выходят из воды и обитают в лесах и на деревьях. Именно поэтому неделя до или после Троицы во многих местах называлась Русальной»³⁰. Эта особенность часто фигурирует в народных быличках: «На Троицу русалки выходят. Русалки встают в четверг перед Троицей. После обеда в четверг уже встают русалки»; «С четверга перед Троицкой неделей до следующего четверга целую неделю уже русалки ходят»³¹. В это время нельзя купаться и стирать, чтобы не было утопленников в семье»³².

В сочинении А. Фета русалки пребывают на земле, когда все цветет, вся природа «полна живительного счастья»:

На солнце в утреннем дыханье,
В отрадном трав благоуханье
Минуты счастья лови,
Когда леса полны напевом (С. 399).

Водные обольстительницы призывают к себе девушек «сквозь зелень осоки», охотники находят «приют прохлады лесной». Все эти детали характеризуют конец весны – начало лета и отбираются автором целенаправленно. Так, не случайно употребление слова «трав». Наши предки верили, что, выходя на землю, русалки прятались не только на деревьях и в ржаных полях, но и в траве. Считалось, что травы, собранные утром, сохраняют в себе целительные свойства русалок целый год. Оправдано и указание «осоки», ведь она встречается повсеместно в лесной зоне по сырым и избыточно увлажненным местам (болотам, берегам водоемов). Многие ее виды цветут в июне – июле, что опять-таки отсылает к «зеленой неделе». В такой период вегетативного расцвета природы

Душа готова мир обнять,
И без тревоги, без усилья
Ее несут младые крыльца,
Лелеет жизни благодать (С. 399).

Согласно народным представлениям и «весеннему» творчеству поэта, ощущение «жизни благодати» возможно лишь в весенне-летний календарный период.

В Русальную неделю, а также в ночь под Ивана Купала (24 июня – по старому стилю) русалки являются людям и делаются для них опасными. Девушек из либретто А. Фета русалки «хотели в пучину сманить за собой». Водные девы изображаются поэтом в их активной форме: они находятся в нашем мире (на воде, над рекой), обращаются к людям («они издевались над грустной землей, / Нам полное счастье суля в глубине»), вредят путникам. Считается, что в это время русалки стараются очаровать человека и унести его в свое водяное жилище. Излюбленным приемом у русалок является пение. В народных текстах читаем: «Ходили мы как-то по черемуху <...>. Вдруг видим: как будто паром плывет и не паром будто. А на том пароме гребут веслами и песни поют. Присмотрелись мы и видим женщин во всем белом. А волосы длинные они гребнями чешут, а сами то песню запоют, то вдруг как засмеются»; «Ребятишками мы тогда еще были. Сидели на бережку. Темно уж было. Глядь, а на той стороне реки девка идет и поет. Потом всплеск слышим, и плывет она на этот берег. Вышла из воды, вся черная. Села на камень, волосищи длинные распустила и давай чесать, а сама поет» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.)³³.

Это находит отражение в тексте А. Фета. Либретто начинается авторской ремаркой: «Пение найд на воде». Девушки рассказывают:

Русалок мы встретили здесь над рекой,
Нас пеньем и взором манили оне (С. 400).

Хор поет:
Волна кипит,
Из волн манит
Напев! (С. 398).

«В Воронежской да, впрочем, в Малороссии и в других губерниях, обильных водами, есть поверье, что русалки до того обаятельно поют, что слушатель готов внимать их пению несколько лет, не сходя с места»³⁴. Столь же обольстительны и русалки А. Фета. Девушки восклицают:

Послушай, как чудесен
Мотив волшебных песен (С. 402).

Водные девы Фета пытаются очаровать людей, раскрывая прелести своего существования³⁵:

Земля ваша счастьем скудна, безответна,
А полное счастье в зыбях лишь живет (С. 398).
Они издевались над грустной землей,
Нам полное счастье суля в глубине! (С. 400).

Но А. Фет называет их счастье призрачным: «их радость обманчива, счастье лениво, их муки волна прикрывает ревниво» (С. 400). Это утверждение выглядит справедливым. Ведь, по народным представлениям, русалки обречены всю жизнь скитаться по земле. Народные тексты так это поясняют: «Когда их (умерших на Русальной неделе и незамужних девушек. – Т.Ф.) хоронят, то не плачут, что умерла, а плачут, что будет ходить всю жизнь русалкой. Душа у них уже не будет в земле, а будет ходить по свету»³⁶. Большую долю времени русалки вынуждены проводить под водой, в пучине. Как видим, А. Фет воплощает в образе Людмилы двойственную жизнь русалок, обратную сторону их русалочьего счастья. Именно потому, что русалки не могут обрести покой, они мстят людям. Очень в редких случаях встреча с русалкой заканчивается для человека удачно, в большинстве

кто пойдет
За ним (напевом. – Т.Ф.), умрет...
На лоне спокойном таинственных вод
Волна нас охватит и в глубь унесет (С. 398).

А.Н. Афанасьев уточняет: «По русским повериям, всякий, кто увидит русалку или услышит манящие звуки ее голоса, поддается неодолимому обаянию ее красоты, кидается в волны и тонет – при злобном хохоте водяных дев»³⁷. Именно это смертоносное действие позволяет причислить русалок к разряду демонологических персонажей.

Обитая на месте своей смерти, русалки имеют возможность всплывать. Фольклорные источники различно указывают время, когда они могут выходить из воды и быть видимыми для людей. Говоря о времени суток, особенно выделяют полночь; большинство указывает на то, что русалки выходят на берег при лунном свете³⁸, но есть мнения, что на землю их выпускает заря. Так, Н. Маркевич писал об украинских русалках: «Ру-

салки – водяные красавицы; <...> всего чаще их вызывает на землю заря»³⁹. Видимо, знакомый с различными фольклорными материалами, А. Фет (в отличие от большинства предшественников) использовал сведения об утреннем появлении русалок над водой. В тексте это обнаруживается в эпитете «утреннем», а также в созданной автором атмосфере утреннего пробуждения природы.

В отличие от других поэтов, А. Фет разрабатывает Русалии как «зеленые Святки», время, когда на земле активизируются не только русалки, но и всякая другая нечисть. Это находит свое воплощение в образе таинственного «юного витязя», водяного, лешего.

Образ «белого витязя» можно трактовать по-разному: покойник, вампир, оборотень, водяной – но все варианты отсылают к источникам о женихе-мертвце⁴⁰. Г. Дестунис отмечает в своей работе: «У многих народов есть песня или сказка, в которой изображен брат (или жених), выступивший из могилы и приехавший за пережившего его сестрою (или невестой). Это предание в прошедшем столетии сделалось предметом одной из баллад Бюргера, а с 20-х годов нашего века стало занимать исследователей былевой старины»⁴¹. Вслед за А.Н. Веселовским⁴², автор выделяет и обосновывает национальные истоки данного образа. Считаем, что «юный витязь» А. Фета ориентирован и на немецкую традицию Бюргера, и на русские представления о женихе-мертвце.

Данный образ является аллюзией на жениха Людмилы из одноименной баллады В.А. Жуковского. Между этими двумя персонажами много общего. Витязь А. Фета появляется «поздней ночью... при луне», суженый Людмилы В. Жуковского – когда «месяц величавый / Встал над тихою дубравой», когда «спят пригорки отдаленны, / Бор заснул, долина спит / Чу!.. полночный час звучит». Жених Жуковского («Мы коней своих седлаем, / Темны кельи покидаем!») и «белый витязь» А. Фета приезжают на конях, что отсылает к традициям русской тризны⁴³. Такое сравнение позволяет сделать вывод о том, что «белый витязь» А. Фета – душа неживая, «заложный покойник». В нашем случае вернее всего предположить, что им выступает водяной. Образ водяного пронизывает «страшную повесть» охотника:

Под нею, слышно, омут
Сам вырыл водяной (С. 400).

Согласно словарю «Славянская мифология», «водяной – один из главных представителей славянской демонологии, хозяин водных пространств. Живет в глубоких местах, особенно в омурах»⁴⁴. Важно то, что авторы отмечают способности водяного к оборотничеству – «он становится бревном, мертвецом, превращается в рыбу (сома, карпа, щуку), лошадь, свинью, корову, собаку»⁴⁵. А. Фет называет витязя «белым», связывая его образ с умершими душами. Как известно, белый цвет на Руси считался символом

траура, похоронного одеяния (отметим еще раз – витязь весь в белом). Не случайно поэт выбирает и время активности этого персонажа: «явился при луне поздней ночью», а «с зарею все пропало»⁴⁶ (С. 401-402). Связь водяного-мертвца с луной и его особая активность в лунные ночи косвенно подтверждает его происхождение из утопленников. Согласно общеславянским верованиям, утопленники выходят из воды в лунные ночи и скитаются по земле до рассвета, навещая людей. Мы считаем, что «юный витязь» А. Фета – это водяной-утопленник, оживший под воздействием лунных лучей, явившийся в замок с целью получить Людмилу в жены. Общеизвестно, что водяные женятся на красивых утопленницах, ставших русалками. Водный царь заманил Людмилу в свои чертоги, назначил ее царицей русалок, а на замок напустил

Днепра сильнее ропот
И волн страшной прибой⁴⁷ (С. 402).

Согласно народным представлениям о жизни всякого рода упырей, «с зарею», с первыми лучами солнца, их демонические функции ослабевают, они становятся безопасными для людей. Хор из либретто А. Фета упоминает общеславянский оберег от разной нечисти – солнечные лучи:

Чего страшиться?
Пускай река клокочет,
Мы далеко от бед!
Чего страшиться?
Здесь сердце счастья хочет!
Здесь греет солнца свет! (С. 398).

Употребление слова «здесь» всегда ассоциативно домысливает слово «там». «Здесь» и «там» – важные понятия для всего творческого контекста А. Фета⁴⁸. В либретто они означают «наш мир» и «мир русалок, водяных и другой нечисти». Автор пытается их противопоставить и отмечает, что наш мир

На радость дан,
А если где и ждет преграда,
На небе страждущих награда –
Душевных исцеленье ран! (С. 399).

Такое мировосприятие отсылает нас к традиции осмысления жизни после смерти, основанной на христианской доктрине⁴⁹.

Взаимодействие этих двух миров (мира живых и мертвых) возможно в «нечистую часть календарного цикла»: Святки и Русалии. Именно в эти сроки на земле присутствуют многие демонологические существа: русалки, водяные, кикиморы, лешие⁵⁰. Последний персонаж народных быличек также упоминается в либретто А. Фета:

Разудалая голова –
Царем в лесу живет,
Ему все в мире трын-трава (С. 399).

Согласно книге «Абевега русских суеверий...» М. Чулкова, «лесным царем в славянской мифологии является леший»⁵¹. Н. Мендельсон

записал в Рязанской губернии следующий рассказ: «К кабатчику ночью пришел мужчина в звериной шкуре и с толстой дубинкой. Выпил водки и пошел. Кабатчик вышел и увидел зверье. На его вопрос мужчина сказал: “Это я товарищу в карты проиграл и теперь иду долг платить”. – “А ты кто такой будешь?” – “Я царь лесной”» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.)⁵². Наименование «лесной царь» встречается в русском заговоре, чтобы с людьми в лесу ничего не случилось. «Надо положить на пень кусок хлеба, завернутый в тряпочку, и сказать: «Царь лесной, царица лесовица, прими ты наш подарок и низкий поклон»⁵³. Интересно, что упоминание о лешем в произведении А. Фета встречается в песни охотников. Как известно, чаще всего «с лешим приходилось сталкиваться охотникам. Без договора с ним охотник не только не мог рассчитывать на добычу, но и подвергал себя серьезной опасности – в лучшем случае он оставался без добычи, в худшем его ждала смерть»⁵⁴.

Считалось, что ходящих по лесу людей лешаки обходят кругом, чем заставляют их петлять и принуждают заблуждаться до ночи. Чтобы разрушить их чары, охотники А. Фета прибегают к традиционной магической иносказательной речи: «Го, го, го, го! <...> Тара, тара, тара! Го, го! Го, го! Тара, тара, тара!» (С. 399). Наши предки верили, что она отпугивает лешаков.

Итак, рассматриваемое произведение является результатом пересечения многих литературных, музыкально-драматических и народных традиций. Оно (и формой, и содержанием) ориентировано на уже имеющиеся в культурном фонде образцы. Так, во многом похожи внешние портреты фетовской Людмилы, Русалки А.С. Пушкина, Горпинки О.М. Сомова, молодой панночки Н.В. Гоголя, одинаково манит напев их волшебных песен, сулящих вечное счастье, во многом схожа их жизнь в подводном царстве. На этом сходства заканчиваются. Отметим, что указанные слагаемые русалочного образа более характерны для литературной традиции.

Либретто «Днепровские русалки» открывает хорошее знание поэтом народной прозы. Все его персонажи, отсылающие к низкой славянской демонологии (Людмила – русалка, жених-мертвец, водяной и леший), выстраиваются на основе мотивов народных быличек.

Такому повествованию соответствует выбранная автором форма либретто. Автор выстраивает свой текст как «рассказ в рассказе», чтобы подчеркнуть, с одной стороны, таинственность, необычность «страшной истории», с другой – чтобы разграничить мир реальный и ирреальный, мир людей и мир упырей, с третьей – «страшная история» одного из охотников соответствует традициям устного бытования народных быличек. В этом случае рассказ охотника строится не только по законам балладного жанра, но и имеет характеристические признаки народной былички:

это рассказ очевидца или пересказ того, что было действительно услышано от очевидца, история включает в себя многих демонологических персонажей, упоминание о том, что они вступали в контакт с людьми.

Таким образом, глубоко проникая в эстетику фольклора, А. Фет не просто «вкраплял» фольклорные элементы на страницы своих произведений, они становились органической частью его поэтической и эстетической системы в целом, определяли композицию не только его отдельных произведений, но и прочно вошли в художественный арсенал поэта.

Примечания

- ¹ Новонайденное либретто А. Фета «Днепровские русалки» (публикация М.Д. Эльзона) // Русская литература. 1989. № 1. С. 163–165.
- ² *Фет А.А.* Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839–1863 гг. / Ред. В.А. Кошелев, Н.П. Генералова, Г.П. Петрова. СПб., 2002.
- ³ *Блок Г.П.* Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 71.
- ⁴ Там же. С. 82.
- ⁵ «Бенефис Щепкина состоялся 31 января 1841 г. в Большом театре. Разыграны были три комедии, потом был дивертисмент: пели русские песни, танцевали английскую кадрили и качучу. О водевиле Фета помину не было». (Там же. С. 72).
- ⁶ «Лежа в больнице пришло мне в голову написать Водевиль. Вот я и написал, да и шлю его к тебе. А ты отдай его немедленно в театральную цензуру. Разумеется, я не подписал имени, и если спросят, то напиши сочинил Сквозник-Мухановский да и все тут. Я надеюсь рублишек 200 слупить со Щепкина, он нуждается к бенефису, так если хочешь мне угодить, вороти его мне поскорей. Если куплеты похабные не пропустят – то я на особом месте шлю тут же псевдо – куплеты, которые ты, в случае духовной смерти первых, законных, усынови на тех же местах, которые будут показаны в приложенном листке. А что далее вычеркнет кровавая цензура, то пусть пропадет. Только во всяком случае как можно поторопиться прислать его retro». (Там же. С. 70).
- ⁷ *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 91.
- ⁸ *Кайсаров А.С.* Славянская и российская мифология. М., 1810. С. 164.
- ⁹ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990. С. 383–384.
- ¹⁰ Здесь и далее текст либретто цитируется по: *Фет А.А.* Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839–1863 / Ред. В.А. Кошелев, Н.П. Генералова, Г.В. Петрова. СПб., 2002. В скобках указывается номер страницы.
- ¹¹ *Чулков М.Д.* Словарь русских суеверий. СПб., 1782. С. 262.
- ¹² Мифологический словарь. С. 548.
- ¹³ Народные тексты цит. по: *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000. С. 233–234.

- ¹⁴ Словарь «Мифы народов мира» дает два значения этого слова: «1. Мара (маруха, мора, кикимора) в славянской мифологии злой дух, первоначально, как и марена, воплощение смерти, мора. Позднее Мара отчасти утратила связь со смертью, но сохранила свой вредный для человека характер, способность к оборотничеству; 2. Мара, в низшей мифологии народов Европы злой дух, воплощение ночного кошмара». Интересно, что Мара восходит к Марене, которая «в славянской мифологии связана с воплощениями смерти, с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы, а также с ритуалами вызывания дождя». Последние компоненты мифологического образа напрямую отсылают его к русалочьим представлениям. См.: Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. 2-е изд. М., 1998. Т. 2: К – Я. С. 110–111.
- ¹⁵ Народная проза / Сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992. С. 423.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // *Славянский и балканский фольклор.* М., 1986. С. 88–133.
- ¹⁷ Теоретик романтизма О.М. Сомов подобным же образом описывает Горпинку, ставшую впоследствии русалкой («Русалка» 1829 г.): «И подлинно дочь <...> росла, как молодая черешня, высока и стройна; черные ее волосы, заплетенные в дрибушки, отливались как вороново крыло под разноцветными скиндячками, большие глаза ее чернелись и светились тихим огнем, как два полуистухших угля, на которых еще перебегали искорки. Бела, румяна и свежа, как молодой цветок на утренней заре». Молодая панночка Н.В. Гоголя до того, как стать русалкой, была «белая, как снег». Тексты О.М. Сомова цит. по: *Сомов О.М.* Были и небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Петруниной. М., 1984. С. 136.
- ¹⁸ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 122.
- ¹⁹ Данное народное представление нашло отражение и в других литературных произведениях пер. половины XIX в. Одна из русалок А.С. Пушкина напоминает другой: «Нет, пора, пора, пора: / Ожидает нас царица, / Наша строгая сестра». Кроме этого автор указывает в ремарке: «Днепровское дно. <...>. Русалки прядут около своей царицы» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л., 1978. С. 381. Н.В. Гоголь указывает в повести «Майская ночь, или Утопленница»: «Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь <...>, а Сотникова дочка сделалась над ними главною» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Цит. по: *Гоголь Н.В.* Повести. М., 1977. С. 63.
- ²⁰ Подробнее см.: Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. У А.С. Пушкина представлен наказ старшей русалки не трогать людей: «Пльвите вверх под небом поиграть, / Да никого не трогайте сегодня, / Ни пешехода щекотать не смейте, / Ни рыбакам их невод отягчать / Травой и тиной, ни ребенка в воду / Заманивать рассказами о рыбаках». Цит. по: *Пушкин А.С.* Указ. соч. С. 383.
- ²¹ В хрустальных чертогах живут Русалка А.С. Пушкина, Горпинка О.М. Сомова, русалки В.А. Жуковского.
- ²² *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 123.
- ²³ *Берковский Н.* Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка») // *Русская литература.* 1958. №1. С. 84.
- ²⁴ Заметим, что пушкинская Русалка, Горпинка О.М. Сомова – тоже обитательницы Днепра.
- ²⁵ *Волошина Т.А., Астапов С.Н.* Языческая мифология славян Ростов/на Д, 1996. С. 187.
- ²⁶ Там же. С. 185–187.
- ²⁷ Цит. по: *Левкиевская Е.* Указ. соч. С. 237.
- ²⁸ См.: *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995. С. 265.
- ²⁹ Э.В. Померанцева отмечает: «русалки – единственный образ так называемой низшей мифологии, к которому обращается восточнославянская лирическая песня». *Померанцева Э.В.* Указ. соч. С. 79.
- ³⁰ *Тереженко А.В.* Быт русского народа. Ч. II. СПб., 1848. С. 129. Подробнее см.: *Виноградова Л.Н.* Что мы знаем о русалках? // *Живая старина.* 1994. № 4. С. 28–31.
- ³¹ Наиболее ярко эта сущность русалочьего образа отразилась в произведении О.М. Сомова: «В последний день зеленой недели, когда солнце шло на полдень, она (мать Горпинки. – Т.Ф.) пошла в чащу леса, отыскала там поляну <...>. Вдруг раздался шум: с гиканьем и ауканьем, быстро, как вихрь, помчалась через поляну несчетная вереница молодых девушек; все они были в легкой, сквозящей одежде, и на всех были большие венки, покрывавшие все волосы и даже спускавшиеся на плеча <...>. Проходит день, настает ночь – Горпинка сидит по-прежнему, мертва и неподвижна. <...>. Прошел и год: все так же без движения и без признаков жизни сидела мертвая. Настала и зеленая неделя. На первый день, около полуденного часа <...> раздалась гиканье и ауканье и скорый шорох шагов. <...>. Лицо Горпинки вдруг страшно оживилось, синета исчезла, глаза засверкали, какая-то неистовая и как бы пьяная улыбка промелькнула на губах. Она вскочила, трижды плеснула в ладоши и, прокричав: «Наши, наши, наши!» – пустилась, как молния, за шумною толпою и след ее пропал!». Цит. по: *Сомов О.М.* Указ. соч. С. 142.
- ³² *Левкиевская Е.* Указ. соч. С. 239–240.
- ³³ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зинovieв. Новосибирск, 1987. С. 51–52.
- ³⁴ *Сахаров Н.* Сказания русского народа. СПб., 1841. С. 212.
- ³⁵ Это русалочье счастье находит полную характеристику в «Русалке» О.М. Сомова: «Мать, отпусти меня погулять по лесу, покататься на зеленой неделе и снова погрузиться в подводные наши селения. Знаю, что ты тоскуешь, ты плачешь обо мне: кто же тебе мешает быть со мной неразлучно? Брось напрасный страх и спустись к нам на дно Днепра. Там весело! Там легко! Там все молодеют и становятся так же резвы, как струйки водьяны, так же игривы и беззаботны, как молодые рыбки. У нас и солнышко сияет ярче, у нас и утренний ветерок дышит привольнее. Что в вашей земле? Здесь во всем нужды: то голод, то холод; там мы не знаем никаких нужд, всем довольны, плещемся водой, играем радугой, ищем по дну драгоценностей и ими утешаемся. Зимою

- там тепло подо льдом как под шубой; а летом, в ясные ночи, мы выходим греться на лучах месяца, резвимся, веселимся и для забавы часто шутим над живыми. Что в том беды, если мы подчас щечоком их или уносим на дно реки? Разве им оттого хуже? Они становятся так же легки и свободны, как и мы сами. Мать! Отпусти меня: мне тяжело, мне душно будет с живыми!». (Сомов О.М. Указ. соч. С. 141). Этот же мотив встречается у В.А. Жуковского в балладе «Рыбак»:
 Смотрит она, поет она:
 Зачем ты мой народ
 Манишь, влечешь с родного дна
 В кипучий жар из вод?
 Ах! Если б знал, как рыбкой жить
 Привольно в глубине,
 Не стал бы ты себя томить
 На знойной вышине.
 Тексты В.А. Жуковского цит. по: Жуковский В.А. Баллады. Поэмы и сказки / Предисл. К. Пигарева. М.: Правда, 1982. С. 138.
- ³⁶ Левкиевская Е. Указ. соч. С. 233.
- ³⁷ Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 127.
- ³⁸ В русской литературе 1-ой пол. XIX в. преобладала тенденция в изображении всплытия русалок при лунном свете. Так, в драме А.С. Пушкина «Русалка» героини поют: «Веселую толпою / С глубокого дна / Мы ночью всплываем, / Нас греет луна. / Любо нам порою ночью / Дно речное покидать, / Любо вольной головою / Вьсы речную разрезать». Отправляя русалок на землю, старшая говорит им: «Солнце село. / Столбом луна блестит над нами. Полно, / Плывите вверх под небом поиграть» (Пушкин А.С. Указ. соч. С. 378). «Старухи выдумали, – пишет Н.В. Гоголь в повести «Майская ночь, или Утопленница», – что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь в панский сад греться на месяце» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Цит. по: Гоголь Н.В. Указ. соч. С. 63.
- ³⁹ Цит. по: Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.; Л., 1957. С. 88.
- ⁴⁰ См. основные работы по данному мифологическому образу: Сазонович И. Русские варианты сказки о женихе-мертвце // Русский филологический вестник. 1890. Т. 24. №4; Веселовский А.Н. К народным мотивам баллады о Леноре // Журн. Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь.; Дестунис Г. Сказания о брате-мертвце или женихе-мертвце. СПб., 1886.
- ⁴¹ Дестунис Г. Указ. соч. С. 74.
- ⁴² См.: Веселовский А.Н. К народным мотивам баллады о Леноре // Журн. Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь.
- ⁴³ «Конь – в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных. Он воплощал связи с миром сверхъестественного, “тем светом”, был атрибутом мифологических персонажей, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом. По археологическим данным конь был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на тот свет». Именно поэтому жених-мертвец является ночью на коне. Подробнее см.: Конь // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Изд-во Междунар. отн., 1999. С. 590–594.
- ⁴⁴ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 98.
- ⁴⁵ Там же. С. 98–99.
- ⁴⁶ Е. Левкиевская уточняет: «Время водяного полдень, после захода солнца, полночь, а также при луне» (Левкиевская Е. Указ. соч. С. 342).
- ⁴⁷ Наши предки верили, что водные ресурсы находятся во власти водяного (водяника) царя, что он может их проиграть в карты, продать, отдать в приданное дочери, может замедлить и ускорить их ток. См.: Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С. Айвазян // Померанцева Э.В. Указ. соч. С. 162–183.
- ⁴⁸ Подр. см.: Зозуленко Е. «Здесь» и «там» у Фета и Блока // Вопросы литературы и фольклора. Содержательность художественных форм. Алматы, 1994. С. 81–84.
- ⁴⁹ Данная проблема находит свое разрешение в работе: Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840). Новосибирск, 2001. Утверждение А. Фета о небе как «нагаде страждущих» отсылает к балладе В.А. Жуковского «Людмила». Мать, успокаивая дочь, говорит:
 «О Людмила, грех роптанье;
 Скорь – создателя посланье;
 Зла создатель не творит;
 Мертвых стон не воскресит»;
 «Дочь, вспомни смертный час;
 Кратко жизни сей страданье;
 Рай – смиренным воздаянье,
 Ад – бунтующим сердцам;
 Будь послушна небесам» (Жуковский В.А. Указ. соч. С. 14–15).
- ⁵⁰ В творческом наследии А. Фета есть стихотворение, посвященное лешему – «К лешему» (1840 г.). В данном произведении поэт разрабатывает народные представления о том, что леший путает в лесу людей, заставляет их забираться в лесные чащобы, непроходимые места. Лирический герой обращается к лешему, чтобы он заманивал вглубь леса красавиц:
 На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги,
 И вещей наготой блистая меж деревьев,
 Ты громче хохочи и смешивай дороги,
 Когда красавица зайдет в твой темный лес.
 Отметим, что согласно М. Чулкову, «лешие – великие охотники до женского пола». См.: Чулков М. Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и пр. М., 1786. С. 233.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Цит. по: Померанцева Э.В. Указ. соч. С. 30. В данной работе Э.В. Померанцева указывает: «Сравнительно поздний по своему происхождению антропоморфный образ русского лешего очень сложен и сочетает в себе элементы разных культов, однако черты повелителя лесного хозяйства действительно в нем доминируют». С. 29.
- ⁵³ Левкиевская Е. Указ. соч. С. 326.
- ⁵⁴ Там же. С. 330.

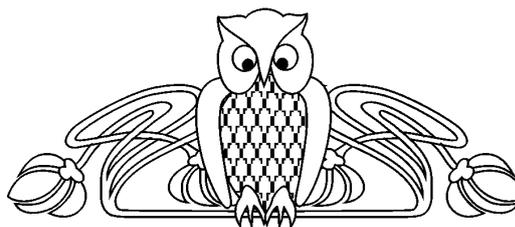

УДК 398.87(410+470)

ЧАСТНЫЕ ЛОКУСЫ ДОМА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЕ

Е.В. Рязанова

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: e.v.ryazanova@mail.ru

В статье предлагается лексико-семиотическое исследование концептов фольклорной картины мира на материале жанра народной баллады. Автор рассматривает наиболее частотные лексемы, обозначающие частные локусы английского замка и русского терема. Описание носит сопоставительный характер, причем концепты *bower* и *горница* интерпретируются под углом отражения в них разных социокультурных представлений.

Ключевые слова: народная баллада, фольклорная картина мира, концепт, лексема, локус, горница, *bower*.

Specific Loci of the House in the Russian and English Folklore Ballad

E.V. Ryazanova

The article suggests lexical and semiotic research of the folklore world picture concepts in the ballad genre. The author describes the most frequently used lexemes denoting private loci of the English castle and the Russian *terem*. The description is comparativistic in its character, the concepts *bower* and *горница* are explored in terms of diverse social phenomena reflected in them.

Key words: folklore ballad, folklore world picture concept, lexeme, locus, горница, *bower*.

Народные баллады как лироэпические песни о трагическом событии являются одним из основополагающих жанров западно-европейского фольклора. Термин «баллада» (*итал.* ballate – плясать) произошел от названия англо-шотландских народных повествовательных песен на темы средневековой истории («ballad»). Для обозначения жанра русских народных песен термин «баллада» был предложен в середине XIX в. П.В. Киреевским и только в XX в. укоренился в отечественной фольклористике.

Баллада формировалась в Западной Европе в XIII–XIV вв., расцвет жанра как на Западе, так и в России датируется эпохой феодализма. По словам Д.М. Балашова, «баллада была одним из ведущих песенно-эпических жанров русского средневековья послемонгольской эпохи (XIV – XVII веков)»¹. К XVII–XVIII вв. наблюдается угасание средневековой баллады и появление новых или новейших городских баллад (*broadside ballads* в английской терминологии и романсов в русской).

Классическая баллада отличается от других жанров рядом признаков: концентрированностью и динамичностью действия, краткостью в передаче событий, трагичностью, наличием драматического конфликта. Содержание народной классической

баллады всегда обращено к теме семьи. На первый план выступает нравственная сторона взаимоотношений отцов и детей, мужа и жены, брата и сестры, невестки и свекрови, мачехи и падчерицы. В сюжете баллады торжествует зло, однако важна тема раскаяния, проснувшейся совести.

Круг сюжетов и образов баллады определяется в большинстве случаев семейно-бытовой тематикой, герои баллад – в основном представители высших сословий общества, но их статус условен, в центре внимания – действия, совершаемые ими в состоянии сильного психологического переживания. Главный герой – чаще всего отрицательный, жертва – невинна.

Русскую и английскую народную балладу характеризует ряд особенностей. По своей структуре английская баллада отличается от русской формой стиха и наличием рефрена. Для английской традиции баллада является одним из наиболее популярных жанров фольклора, который впитал в себя разнообразные народные представления, разбросанные в русской традиции по разным жанрам – исторической песне, былине, волшебной сказке и не всегда полно отраженные в балладе. В связи с этим английскую балладу отличает большая степень сверхъестественного, сказочного, органично вплетающегося в сюжет. Для русской баллады, по мнению А.В. Кулагиной, суеверное и фантастическое является второстепенным, побочным элементом, возможно привнесенным позже в сюжетную структуру баллады².

Природа конфликта также различна. Для английской баллады, например, характерен конфликт между живыми людьми и представителями потустороннего мира. В русской народной балладе драматические отношения чаще развиваются между членами одной семьи. Необходимо также отметить определенное влияние западноевропейской баллады на русскую. Это проявляется в заимствовании некоторых сюжетов и образов, в стремлении приспособить элементы западной баллады к русской устнопоэтической традиции.

Специфика жанра баллады определяет и специфику пространственных представлений, общую для английской и русской народной традиции. Время и пространство подчинены главной задаче – поэтически мотивировать исключительные балладные конфликты. Дом является одним из сюжетобра-

зующих фрагментов балладного пространства, но элементы дома важны не сами по себе, а в связи с тем, какую роль они играют в разрешении балладного конфликта. Семантически нагруженными оказываются лексемы, обозначающие локусы дома, в которых зарождается конфликт, где происходят основные столкновения «своего» и «чужого» и где наиболее вероятно трагическая развязка.

В организации пространства балладного мира большая роль отводится внутренним помещениям жилища, в которых происходят скрытые от посторонних глаз события частной жизни героев. Самыми частотными локусами внутри дома являются *bower* и *горница*. Сопоставительный анализ данных лексем позволяет выявить общие и отличные признаки построения фрагмента фольклорной картины мира в двух культурах.

Bower – жилое помещение в верхней части английского и шотландского замка, преимущественно женский локус в мифопоэтической модели. Этимология лексемы указывает на её связь с древнеанглийским словом *bur* (жилище), которое произошло от индоевропейской основы со значением «жить», «быть». Английский глагол *to be* имеет то же происхождение³. Очевидно соотношение данной лексемы с важнейшими концептами человеческого существования и, определённно, одним из семантических компонентов лексемы является сема *своего, личного, частного*. Можно предположить, что в два раза большая частотность лексемы *bower* (98) по сравнению с лексемой *hall* (40) в текстах баллад свидетельствует о важности концептуализации частной жизни по отношению к общественной. С другой стороны, частотность *bower* по сравнению с другими частными локусами, например *chamber*, объясняется положительной коннотацией данного концепта и поэтическими ассоциациями, возникшими у певцов, передававших текст из уст в уста. Лексема *chamber* позже входит в английский язык как заимствование из французского языка и ассоциируется у англичан с понятием *chamber-pot* (ночной горшок).

В текстах баллад в доме может быть несколько *bowers*, принадлежащих разным членам семьи. В микропространстве «малого» дома *bower* представляет собой уменьшенную модель дома, имеет свои границы и способы связи с внешним миром (*bower-door*; *bower-window*, *bower wall*).

Реализуя семантический компонент микродома, *bower* может выступать синонимом слов *castle*, *house*, например:

O sees na thou yone bonny bowers?
It's a'coverd over with tin;
When thou hast saild it round about,
Love Gregory is withi⁴.

Этот же семантический компонент присутствует в выражении *father's bowers*, означающем в контексте баллады «Earl Crawford» родительский дом:

When she cam to her father's bowers,
She lichtit low down on the stane,
And wha sae ready as her auld father
To welcome Lady Lillie in? ...⁵.

Bower может указывать на место происхождения и социальный статус персонажа баллады, например:

Though a' your kin were aboot yon bower,
As the sun shines over the valley,
Ye shall not be a maiden one single hour,
Among the blue flowers an' the yellow⁶.

Условность фольклорной модели мира часто позволяет героям баллад беспрепятственно миновать границы замка, оказываясь непосредственно перед границами *bower*. Действия у закрытой двери (*bower-door*) повторяют действия у ворот (*tirle at the pin*, *let smb. in/within*, *knock at the ring*, *open the door*, *light down*):

Then he is to his mither's bouer,
And tirlid at the pin;
Then up and rose his mother dear
To let Sweet Willie in⁷.

Попасть в пределы помещения разрешается только близким людям, членам семьи и прислуге, в отличие от помещения *hall*, куда допускается большое количество чужих людей. В английской балладе *bower* может также являться самым романтическим локусом, поэтому из внешнего мира в локус *bower* проникают любовники, ухажеры и бывшие возлюбленные, приходящие из потустороннего мира:

There were two sisters sat in a bour,
Binnorie, O Binnorie
There came a knight to be their wooer
By the bonny mill-dams of Binnorie⁸.

There came a ghost to Helen's bower,
Wi monny a sigh and groan:
'O make yourself ready, at Wednesday at een,
Fair Helen, you must be gone⁹.

Оценка *bower* положительная, о чем свидетельствуют эпитеты *bonny*, *shady*. Слово *bower* может быть использовано как для обозначения девичьей спальни, так и опочивальни молодоженов. В целом концепт *bower* связан с личной, интимной стороной жизни героев баллад, здесь они спят, отдыхают, обедают, расчесывают волосы и заплетают косы, шьют одежду и укладывают усовших.

Fair Margaret sat in her bonny bower,
Sewing her silken seam,
And wished to be in Chaster's wood,
Among the leaves so green¹⁰.

Микропространство *bower* тщательно охраняется и нарушение его границ насильственно может привести к трагедии (*blood in my lady's bower*; *she sent nine robbers all in one night to rob my bower and slay my knight*):

*There's bluid in mynursery,
there's bluid in my ha,
There's bluid in my fair lady's bower;
An that's warst of a!¹¹.*

Увидеть во сне свиней и кровь в пределах *bower* считается плохой приметой:

*'I dreamd a dream, my dear lady;
Such dreams are never good;
I dreamd my bower was full of red swine,
And my bride-bed full of blood!¹².*

В семантике концепта также отражена идея уюта и защищенности родного дома, покинуть пределы которого добровольно (*leave one's bowers*), значит пожертвовать удобствами и собственной безопасностью.

*O are'int ye now sad, sister;
O are'int ye now sad, sister;
To leave your bowers and your bonny
Skimmerknow,
And follow the lad they call Richie Story?¹³.*

В русской народной балладе аналогом английской *bower* является лексема *горница*. *Горница* – комната, первоначально в верхнем этаже, чистая половина крестьянской избы¹⁴. *Горница* – лучшая комната в крестьянском доме, слово является производным от древнерусского *горнь* «верхний»¹⁵.

Горница – самая частотная лексема в текстах русских баллад, обозначающая жилое помещение в доме. Сочетание с постоянными эпитетами *высокая, новая* свидетельствует в целом о положительной оценке данного концепта в мифопоэтической модели и стремлении народных певцов опоэтизировать действительность. *Высокая горница* связана в фольклорной модели с *высоким теремом*, её неизменными атрибутами являются *столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, лавки и скамейки*. *Новая горница* также является символом благополучия и богатства, отсюда и метафорическое значение выражения *состроить нову горницу*, то есть начать новую жизнь богато и красиво. В балладе «Казак жену губил» отец успокаивает детей и обещает им построить новую *горницу* и привести новую матушку вместо убитой родной матери. Дети выражают протест против жизни с мачехой, отказываясь от новой *горницы*. В английской народной балладе в подобной семиотической функции выступают лексемы *house and land*:

*«Мы пойдём, братцы, мы покличемте...»
«Уж ты тятенька! Где же наша маменька?»
«Ваша маменька в новой горнице
Баско рядится, в гости ладится».
«Мы пойдём, братцы, мы посмотримте...»
«Уж ты тятенька, где же наша маменька?»
«Вы не плачьте-ко, милы деточки,
Приведу я вам молодую мать,
Я сострою вам нову горницу».
«Ты сгори, сгори, нова горенка».*

*Ты помри, помри, молодая мать,
Ты восстань, восстань, родимая мать!»¹⁶.*

В текстах русской баллады *горница* выступает оппозитом к локусам, находящимся за пределами дома. Оппозиция *горница* – *чисто поле, улица* противопоставляет наиболее защищенный локус дома опасному локусу внешнего мира (Ср., англ. *bower* – *wood*), оппозиция *горница* – *сырая земля/желтый песок/гробовая доска* противопоставляет локус мира живых пристанищу мира мёртвых, аналогично лексемам *bed* – *grave, house* – *churchyard* в английской балладе:

*«Вы не плачьте-тко, малы дедушки,
Ваша матушка в новой горнице
Бело моется и баско рядится,
Баско рядится, да в Москву правится».
«Родной батюшко,
Да не обманывай.
Наша матушка
Да во сырой земле,
Да во желтом песке,
Крепко спит да в гробовой доске»¹⁷.*

Горница в отличие от английской лексемы *bower* не имеет посессора. В её локусе могут оказаться как члены семьи, так и гости. *Горница* как локус многофункциональна, здесь встречаются гостей, *кормят-поят, бело моются, рядятся в гости*. С другой стороны, это место уединения и раздумий, где герой может находиться наедине со своими мыслями и укрыться от нежелательных контактов с внешним миром: *сидеть, думать, прираздуматься, уливаться слезами, хаживать, смотреть в окошко*:

*Как соскакивал удалой доброй молодец
Со своего коня да он со доброго,
Забегает удалой в нову горницу,
Он садился на крутой да нынь ремещат стул,
Он-де смотрит в окошечко косявчато,
Как во ту же околенку стеклянную,
Во своем уме детина прираздумался...¹⁸*

В то же время *горница* как локус мирской жизни противопоставляется *келье* как локусу отшельников в монастыре:

*«Простишься, мое дитячко, в келью идучи,
Садись, садись, доченька, на золотой стул!»
«Молчи, молчи, маменька, во горенку схожу,
Во горенку схожу да в окошечко погляжусь!»
«Взглянешь, моя доченька, в келье живучи!»¹⁹.*

Среди актантных отношений лексемы нет упоминания об отдыхе, сне героев в данном локусе, как у английских лексем *bower, chamber, room*, но устойчивое сочетание с функциональным синонимом *повалыши широки* (*повалыш* – общая спальня, особенно летняя, холодная, куда вся семья уходила на ночь из топленной избы, из чистой *горницы*, повалиться, то есть спать; она бывала вверху или отдельно, через сени, или в подклети, под избой²⁰) позволяет судить и о функционировании лексемы *горница* в качестве комнаты для отдыха.

Горница в балладе – конечный пункт движения внутрь дома. Предчувствуя беду, герои *кидаются и бросаются в горницы высоки, во повалыши широки* (Князь Михайло:

*Он кинался и бросался
Всё во горницы высоки,
Во повалыши широки –
Не нашел свою княгиню*²¹.

Горница, светлица, спальня и повалыши являются в фольклорном тексте синонимами как самые защищённые локусы внутри дома. Так же как и в английской традиции, в локусах *bower, chamber, root* здесь протекает частная, интимная жизнь героев, которой противостоят локусы общественной жизни *двор* и *hall*. В богатом доме, в отличие от *горницы* в бедной *избе*, в данные локусы, кроме членов семьи, попадают только самые дорогие гости, здесь отдыхают, спят и собираются в дорогу, а также болеют и укладывают усопших:

*Въехала она (сестра царская)
на широкий двор,
Входит же ко игуменью
Во новую горницу
Во светлую светлицу*²².

*...И берёт она его да за белы руки,
И ведёт она его да во нову горницу,
И садит она Ивана за дубовый стол.
Накормила Иванушка ведь досыта,
Напоила она его, да она допяна,
Напоила, накормила, спать уложила*²³.

*«Как пошёл же князь Василий,
Идёт, сам слёзно плачет,
Всходит же во светлую светлицу,
Увидал же новую гробницу,
Во гробнице его милая княгиня
Во белым платье»*²⁴.

В *горнице* нельзя совершать убийство, поэтому героев всегда выманивают из дома или сама жертва просит не убивать её в доме:

*«Не руби мне, братец, во горенке,
Отруби мне, братец, на вулице,
Чтобы всем было на дйвище,
Большому королю на позорище,
Что отрубил братец сестре голову»*²⁵.

Подобное этому суеверие существовало и на Британских островах и нашло своё отражение в балладе «Lambkin». Считалось плохой приметой проливать кровь знатной жертвы на пол/землю (пол в холле замков был земляным, покрытым тростниковой соломой), поэтому убийца просит принести ему серебряную посуду (*silver basin*) для этой цели:

*'Spare my life, Lambkin, spare it but one hour;
I'll give you my daughter, Bessie, your bride
for to be.'
'Bring down your daughter, Bessie, she's both
neat and trim,
With a silver basin to hold your life-blood in'*²⁶.

Так же как и английская лексема *bower*, *горница* преимущественно является женским локусом. Однако в текстах отдельных баллад значение лексем сужается. Например, в контексте баллады *Обманутая девушка* сочетание эпитетов *холостая, женатая* с лексемой *горница* обозначает локус, в котором собирались только мужчины как холостые, так и женатые:

*Не велела мне матушка
Мне белиться, румяниться,
Начерно брови сурмити,
В цветное платье радиться,
В холостую горницу хаживать,
В холостую, женатую,
С холостыми речь говаривать,
С холостыми и с женатыми*²⁷.

В заключение отметим, что сопоставительный анализ семантики ключевых лексем структуры дома в народной балладе не только воссоздает еще один жанровый фрагмент фольклорной картины мира, но и позволяет найти объяснение некоторым современным представлениям носителей русской и английской культур. Лексемы *bower* и *горница* относятся к устаревшему пласту лексики в современных языках, однако их употребление связано с определенными ассоциациями. С 1523 года в английском языке *bower* обозначает тенистую беседку из вьющихся растений и ассоциируется у носителей языка с темой любовных свиданий, а также с австралийской птичкой *bowerbird* (с 1869 г.), вьющей красивые гнёзда в период ухаживания. В результате работы с информантами выяснилось, что в современном английском языке слово *bower* сохранило значение садовой беседки, иногда лексема используется для обозначения красивого загородного коттеджа²⁸.

Примечания

- ¹ Балашов Д.М. Русская народная баллада // Народные баллады. М.; Л., 1963. С. 35.
- ² Кулагина А.В. Русская народная баллада как жанр: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. С. 6.
- ³ Encarta World English Dictionary. London, 1999. P. 217.
- ⁴ The English and Scottish Popular Ballads / Edited by F.J.Child. V.2. New York, 1965. P.218.
- ⁵ Ibid. V.4. P. 277.
- ⁶ A Book of British Ballads/Edited by Roy Palmer. Llanerch Publishers. Felinfach, 1980. P. 177.
- ⁷ The English and Scottish Popular Ballads. V.2. P.184.
- ⁸ Ibid. V. 1. P. 12.
- ⁹ Ibid. V. 2. P. 212.
- ¹⁰ Ibid. V. I. P. 346.
- ¹¹ Ibid. V. 2. P. 337.
- ¹² Ibid. V. 2. P. 200.
- ¹³ Ibid. V. 4 P. 294.
- ¹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. С.120; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 376.

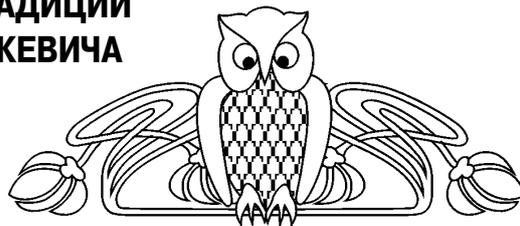
- ¹⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1971. Т. 1. С. 442.
- ¹⁶ Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Д.М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 146.
- ¹⁷ Там же. С. 73.
- ¹⁸ Там же. С. 221.
- ¹⁹ Там же. С. 92.
- ²⁰ Даль В.И. Указ. соч. Т. 3. С. 141.
- ²¹ Народные баллады. С. 59.
- ²² Народные баллады. С. 238.
- ²³ Там же. С. 78.
- ²⁴ Там же. С. 56.
- ²⁵ Там же. С. 143.
- ²⁶ A Book of British Ballads/Edited by Roy Palmer. Llanerch Publishers. Felinfach, 1980. P.129.
- ²⁷ Народные баллады. С. 168.
- ²⁸ The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford, 1968. Vol. 1–2. P. 210.

УДК 821.161.1.09+929Станкевич

ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ Н.В. СТАНКЕВИЧА

С.Н. Коневец

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра связей с общественностью
E-mail: konevecsn@live.seun.ru

В статье рассматриваются некоторые доминанты литературно-творческой, индивидуально-психологической личности Н.В. Станкевича как участника литературного процесса 30-х годов XIX в.

Ключевые слова: романтизм, рефлексия, немецкая литература, немецкая философия, письма, русская литературная критика.

The Influence of the German Romantic Tradition on the Literary Education of N.V. Stankevich

S.N. Konevets

The article gives some key features of the literary, psychological and individual personality of N.V. Stankevich as a member of the literary process of the eighteen thirties.

Key words: romanticism, reflections, German literature, German philosophy, letters, Russian literary criticism.

Литературный кругозор и в целом литературное воспитание Н.В. Станкевича обусловлено в немалой степени немецкой традицией. Весь его литературно-теоретический, мировоззренческий опыт взращен именно на немецкой литературной почве. И здесь первыми фигурами, безусловно, были Гете и Шиллер. Причем у Станкевича нет к ним, как и к Гегелю, кстати, раз и навсегда сложившегося оценочного отношения. Творчество Гете для Станкевича – это пространство для мысли, это такая интеллектуальная территория, которая сама не знает границ и не полагает таких границ для мысли самого Станкевича. Он отталкивается от Гете, он в чем-то никак не может с ним примириться, он все время находится с ним в состоянии диалога. У Станкевича всегда есть «вопросы» к Гете. Рассуждая о творчестве Гете и Шиллера в своих письмах, Станкевич пишет «Я так себя успокаиваю в моих вопросах об этих людях».

Станкевич как будто нуждается в том, чтобы оправдать фантастическую, «аллегорическую» составляющую творчества Гете. Он отмечает

рефлексию «Гетевых лиц»: «все они схватывают, обдумывают и высказывают свое положение и свой образ стояния в этом положении». «В этих рефлексиях героев Гете, – говорит Станкевич, – чем позже, тем менее чисто искусство». Но в этом Гете «вполне выражает характер эпохи, необходимость мысли и необходимость ее живого осуществления».

Для Станкевича и Шиллер, и Гете жизненно актуальны. Размышления об их творчестве органично вписываются в его занятия философией Гегеля. «У Шиллера, – размышляет Станкевич, – в голове “разумная действительность”, прямые человеческие требования, без особенного уважения и внимания к натуральной действительности»¹. Но, отвечая на выпады Белинского против «прекраснодушия» Шиллера, Станкевич возражает: «А если Шиллер, по их мнению, не есть поэт действительности, а туманный, то я предлагаю им в поэты Свечина, который описывает, как в сражении “иному стегно раздвоило”»².

Другой крупной фигурой немецкой литературы, к чьему творчеству Станкевич также обращает свои вопросы, был К.-М. Виланд. Чтобы оценить всю степень свободы от какой-либо тенденциозности в суждениях Станкевича, имеет смысл обратиться сначала к оценкам Белинского того же Виланда.

Отзывы о Виланде Белинского, как часто у него бывало, зависели от требований конкретного момента. Стремление, например, доказать, что Пушкин не мог быть автором «бездарного» перевода поэмы Виланда «Востола», и раздражение против самого факта участия Пушкина в подобном издании вызывают язвительные оценки поэтического творчества и самого Виланда. «Что такое Виланд? – риторически вопрошает Белинский. – Немец, подражавший или, лучше сказать, силившийся подражать французским писателям

XVIII века, <...> Что такое должен быть немец, который хотел подражать французским острякам и балагурам восемнадцатого века? Если он человек посредственный, то похож на медведя, которого бы заставили танцевать французскую кадрили в порядочном обществе; если он человек мысли и чувства, то похож на жреца, который, забыв алтарь и жертвоприношение, пустился впрыска с уличными скоморохами». В самой же поэме «Вастола» Белинский не видит ничего, кроме «пошлой и глупой сказки», принадлежащих к разряду нравоучительных повестей, в которых «выражалась легкими разговорными стихами какая-нибудь пошлая, ходячая и для всех старая истина практической жизни»³.

«Неистовому Виссариону», действительно, трудно было бы смириться с появлением на сцене отечественной словесности в 1836 г. игривой «сказочки» в стиле рококо, галантная игривость, фривольная беззаботность которой не оставляла места «героизму» и «гражданскому долгу». Когда же Белинский решал задачу дискредитации принципов классицизма, он приводит пример Виланда как «человека с дарованием», который если и был «увлечен французским классицизмом, то уж, верно, не в своем “Обероне”»⁴.

Насколько Белинский должен был ощущать себя человеком новой, совершенно иной эпохи, станет особенно очевидно, если вспомнить литературные пристрастия предшествующих десятилетий. Например, в романе литератора предшествующего столетия Федора Эмина (1735–1770) «Роза» встречаем следующую оценку творчества Виланда: «романы <...> Виландовы <...> награждают скуку красавицы, не повреждая нежных сердец и не подавляя душевных доброт; истина в них украшена, пороки представлены взору в обнаженном безобразном их виде, примеры взяты с природы»⁵. Но и поэт другого времени – Ф. Батюшков – в 1817 г. писал: «Не надобно любительно изящного отставать от словесности. Те, которые не читали Виланда, Гете, Шиллера, Миллера и даже Канта, похожи на деревенских старух, которые не знают, что мы взяли Париж и что Москва сожжена – до сих пор сомневаются»⁶.

Обратившись вновь к Станкевичу, можно сказать, что, видимо, для него не существовало критерия «старое» или «новое». Он размышляет о Гете, Шиллере, Виланде так, как будто является ровесником Батюшкова, и эти художники актуальны для него так же, как и для Батюшкова. Вот он читает поэму «Оберон» Виланда, сообщает об этом Неверову и обещает написать о своем впечатлении, когда закончит⁷. Очень характерно для него (как и для Одоевского, кстати), что одновременно он обращается к музыкальной фантазии для фортепьяно композитора Гуммеля *Oberon Zauberhorn* и с грустной усмешкой сетует: «Глаз видит, да зуб неймет! Меня утешает, по крайней мере, то, что я понимаю много в ней. Кое-как начал играть первые страницы». А через некоторое

время он сообщит, что «Оберона» прочел. И в описании своего впечатления будет опираться на свои музыкальные ассоциации: «Это прелестные вариации на заданную тему, нечто повыше музыки Черни, но далеко до Бетховена. Это – стихотворный Гуммель. А много истинно-прекрасного». И далее он не может удержаться от обильного цитирования поэмы. Причем сетует: «Выписывать все нельзя, но здесь мне хотелось еще привести на память тебе музыку этих стихов».

Тем не менее, отвлекшись от описания непосредственного читательского впечатления, Станкевич тут же пишет критико-теоретическую «диссертацию» на тему поэмы Виланда. «Как целое, она имеет достоинства относительные. Эпопея должна быть народна и порождена без сознания в век младенчества. Рассказ прекрасен, но как этакую побасенку без всякого смысла тянуть и рассказывать? Надобно быть немцем, чтобы истощать поэзию души на такие вещи! Не умею тебе хорошо выразить, отчего мне это кажется весьма несовершенным, но только я это понимаю».

И далее следует изложение теории литературной критики, которой, судя по всему, Станкевич следовал всегда при оценке поэтического создания: «Я, кажется, понимаю Виланда, рассматриваю его жизнь, его постепенные занятия, его век и не соблазняюсь о том, что мне кажется дурно, но привязываюсь к хорошему». И далее следует вывод, практически полностью совпадающий с известным высказыванием Пушкина о критике: «Чтобы быть беспристрастну к автору, должно всегда вникнуть в его отношения и выработать точку, с которой должно смотреть на него»⁸.

Но наиболее близким мироощущению Станкевича представляется ранний немецкий романтик Жан Поль Рихтер.

Пытаясь, например, приободрить Неверова, упавшего духом в чужом холодном Петербурге в отсутствие друзей и близких, Станкевич советует ему: «Смотри чаще на море, красу и прелесть сухого Петербурга, читай Жан-Поля, гуляй в Петергофе и думай о Сокольниках»⁹. Здесь перечислены все атрибуты сентиментально-романтического мира Жан-Поля: мирное созерцание природы, наслаждение прекрасной архитектурой, воспоминания о милых местах счастливой юности. Когда он пытается объяснить сложности, которые ему мешают перевести в художественные образы занимавшую его поэтическую идею, Станкевич опять обращается к помощи Жан-Поля. «Не помню, – пишет он, – от себя или из Жан-Поля нам читал Шевырев, по крайней мере, по Жан-Полевски: “жизнь должна улететь на небо и превратиться в комету, тогда она станет поэзией”. В самом деле, все настоящее или прозаически действует на душу, или так увлекает ее своей поэзией, что она лишается сознания, живет в чувстве наслаждения и не может изойти в внешность, чтоб явиться образом»¹⁰.

«Страстным почитателем немцев и особенно Жан-Поля» был один из адресатов писем Станкевича – зять Е.П.Фроловой – Кенни, который переводил его на английский язык. Личность и творчество Жан-Поля, по-видимому, были постоянной темой бесед между Станкевичем и Фроловыми, ибо в одном из писем он пишет: «На счет Жан-Поля мы, я думаю, уже давно согласны. Его Standpunkt – еще стремление, чувство рефлексии вперемешку; его ответы на все вопросы – ответы не прямые, из мысли, на голос его чувства – ego, следовательно, опять-таки с рефлексией. Все это соединено в нем с большими красотами!»¹¹

Творчеством Жан-Поля были страстно увлечены сестры Бакунины. В марте 1837 года Татьяна Александровна Бакунина пишет брату Михаилу, что для нее «Жан-Поль – это другое евангелие». В возвышенном, даже несколько экзальтированном тоне Татьяна излагает свою веру «по Жан-Полевски»: «Нет, человек не для страдания создан: может ли он мучиться, когда в душе его сияет безоблачное небо, когда в этом небе отражается вся чудная природа, когда оно освещено вечным солнцем – Богом! Любовь – источник всех наслаждений»¹². В трудный период своей жизни Варвара Дьякова в письме к брату Михаилу также опирается на советы мудрого Жан-Поля¹³.

С высоты пережитых душевных бурь, идейных метаний, разрывов старых дружб, с высоты опыта каторжной журнальной вахты и осознания собственного общественного авторитета, достигнутого в результате самоотверженного ее несения – Белинский даст обобщенную характеристику Жан-Поля, сквозь которую странным образом будет просвечивать образ Станкевича. Причем лик Станкевича просматривается как в похвале, так и в насмешливо-сниходительных уколах Белинского по адресу Жан-Поля.

Отметив, что Жан-Поль провозглашал идеалом человека красоту внутреннего развития личности, Белинский добавит: но «без всякого отношения ее к обществу». «Дух его был по преимуществу внутренний и созерцательный». Белинский не может принять того факта, что «пафос его существования составляла не разумная деятельность, сияющая вносить в действительность свои собственные идеалы, но природа, луна, солнце, весна, роса, ручьи, облака, цветы, ночь, звездное небо».

Уже в одном этом длинном перечислении совершенно неинтересных и скучных для него вещей слышится насмешка Белинского. Тем не менее видно, что он когда-то внимательно прочел Жан-Поля, ибо его характеристика строится с помощью приемов самого Жан-Поля. Указание на вызывающую сочувствие человеческую черту писателя соседствует с диссонирующей иронической оценкой. «Полная елейной, несколько сентиментальной и расплывающейся любви, натура Жан Поля была ясна, спокойна и кратка». «Он, – продолжает Белинский, – был одним из тех

характеров, которые всегда делаются средоточием избранного дружеского кружка и обнаруживают на него часто одностороннее, но всегда прекрасное и благотворное влияние».

И вновь через несколько строк следует снижение образа: «Из всех душевных способностей в Жан Поле особенно сильно была фантазия, так что она преобладала у него над самым разумом, которому не совсем недоступно было царство идей. Для такого человека все равно, где бы ни жить, и он может быть доволен всяким обществом, лишь бы оно не мешало ему жить внутри самого себя».

Как будто даже завидуя подобному миру в душе и, по своему обыкновению, раздражаясь на это, Белинский высказывает достаточно легкомысленное предположение: «Жан Поль не знал ни отчаяния, ни негодования, ни жгучих страстей, и потому ему не трудно было всегда держаться на каких-то недостижимых созерцательных высотах, не опирающихся ни на какое действительное основание»¹⁴.

Но Станкевичу творчество Жан Поля должно было быть близко именно этой созерцательностью, природной склонностью ко всему идиллическому, любовью к уютному, домашнему. Кроме того, с Жан Полем сближала Станкевича и его склонность к «фантазиям», способность поддаваться «какому-то нравственному фанатизму, который подымает нас на ходули»¹⁵, и вместе с тем постоянное присутствие отрезвляющей самоиронии.

Как и у Жан Поля, в письмах Станкевича можно встретить переплетение «идеальных», романтических эмоций с сознательным юмористическим снижением классических романтических ситуаций.

Глубокий и всесторонний анализ художественных результатов юмористического переосмысления отвлеченного идеализма в творчестве Жан Поля дается в монографии М.Л.Тронской¹⁶. Как доказано М.Л.Тронской, «недостижимые высоты созерцательности» Жан Поля, над которыми насмешничал Белинский, оказываются весьма относительными высотами.

Концепция гармонического мира и человека как непрерывно совершенствующейся особи уже представляется Жан Полю иллюзорной, ибо он видит в мире хаотическое царство зла. Жан Поль ясно видит, что любовь к людям – это удел спящего. Бодрствующий же исполнен гневного презрения к человеческому обществу¹⁷.

В произведениях Жан Поля подчеркнута-реалистическое описание действительности, обилие бытовых деталей снимает всякую идеализацию жизни и человека. В его произведениях происходит безжалостное раскрытие прекрасного самообмана, осмеяние утопии и мечты. Идеалистические представления он проверяет в свете реального, подвергает их «суду человека, исполненного тоски по идеалу, но уже утратившего веру в его непреложность»¹⁸. Жан Поль в своих

сочинениях постоянно находится в состоянии борьбы со всеми проявлениями отвлеченного идеализма, который он то пламенно защищает, то скептически обличает. Он видит при этом, что «отрезвление фантаста ведет к тому, что иссякают творческие силы и тем самым надежда на возможность осчастливить людей»¹⁹.

Но романтик Жан Поль не был бы романтиком, если бы не попытался восстановить нарушенную гармонию, что он и делает с помощью введения героя-чудака, «носителя безмятежно-наивной радости жизни, наделенного способностью воспринимать реальный мир в некоем иллюзорном преломлении». И вновь оживает атмосфера умилительно-смешной в своем ничтожестве жизни. «Идиллическая основа у Жан Поля, – пишет Тронская, – держится на присущем герою свойстве радостного преобразования жизни». В свете такого преобразования жизни «происходит переосмысление ничтожного в трогательное, сервизма в смирение, ребячливости в довольство малым»²⁰.

Можно предположить, что Станкевич, обреченный обстоятельствами на «прозябательную», созерцательную по преимуществу жизнь, но не желающий стать «окаменелым стойком», мог именно в Жан Поле найти более приемлемую для себя альтернативу отношения к жизни, нежели суровый и холодный стоицизм.

Надо полагать также, что и манера письма Жан Поля так или иначе не могла не оказывать своего прямого или косвенного воздействия на Станкевича. Здесь имеется в виду та особенность, о которой говорил Г.Гейне, что Жан Поль «вместо мыслей, собственно, показывает нам свое мышление, мы видим реальную деятельность его мозга»²¹.

Таким образом, в письмах Станкевича отразились, чаще всего косвенно, те литературные традиции, которые вошли в круг его чтения. И литературные влияния наиболее остро дают о себе знать прежде всего в том, как в письмах строится личность и литературно «оформляется» образ Станкевича. Вообще у Станкевича безусловное наличие романтических настроений, симпатий и порывов постоянно умеряется желанием «сойти с ходулей». В нем постоянно идет борьба между природной склонностью к «фантазерству», к обрисовке реальной ситуации в свете любимой мечты и выработанного идеала с не менее сильным стремлением вернуться в милый мирок домашних мелочей, узко семейных интересов. И в этих своих метаниях он оказывается «своим» и в сентиментальном мире, созданном ранним романтиком Жан Полем, и в мире возвышенно-

патетических настроений штюрмерского сентиментализма Шиллера и Гете, и в трагическом двоюмирии романтизма.

С другой стороны, к указанным литературным именам и традициям ведут и некоторые особенности писем Станкевича, касающиеся способа литературной фиксации процесса собственного «жизнестроения», «сотворения себя».

Примечания

- ¹ *Станкевич Н.В.* Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840. М., 1914. (В дальнейшем все письма Н.В. Станкевича цитируются по данному изданию.) Письмо Н.Г. и Е.П. Фроловым. 13 июня 1839 // Станкевич Н.В. Переписка... С.680.
- ² Письмо Т.Н. Грановскому. 1 февраля 1840 // Станкевич Н.В. Переписка... С.486.
- ³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 3. С.73.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цит. по: *Кочеткова Н.Д.* Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб.14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С.126.
- ⁶ Цит. по: *Кулешов В.И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1977. С. 24–25.
- ⁷ Письмо Я.М. Неверову. 11 июля 1833 // Станкевич Н.В. Переписка... С.234.
- ⁸ Письмо Я.М. Неверову. 24 июля 1833 // Станкевич Н.В. Переписка... С.238.
- ⁹ Письмо Я.М. Неверову. 2 мая 1833 // Станкевич Н.В. Переписка... С. 216.
- ¹⁰ Письмо Я.М. Неверову. 20 ноября 1834 // Станкевич Н.В. Переписка... С.299.
- ¹¹ Письмо Н.Г. и Е.П. Фроловым. 19 марта 1840 // Станкевич Н.В. Переписка... С.690.
- ¹² Цит. по: *Корнилов А.А.* Молодые годы М. Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915. С.348.
- ¹³ Там же. С. 357.
- ¹⁴ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VIII. С. 231–232.
- ¹⁵ Письмо Я.М. Неверову. 1 декабря 1833 // Станкевич Н.В. Переписка... С.264.
- ¹⁶ *Тронская М.Л.* Немецкий сентиментально-юмористический роман эпохи Просвещения. Л., 1965.
- ¹⁷ Там же. С.210.
- ¹⁸ Там же. С.99.
- ¹⁹ Там же. С.212.
- ²⁰ Там же. С.84, 88.
- ²¹ Цит. по: *Тронская М.Л.* Указ. соч. С.145.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 004.738.5:070

ИНТЕРНЕТ: МАСС-МЕДИЙНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А.А. Суворов

Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: suvurov@list.ru

Статья посвящена сравнительному анализу традиционных средств массовой информации (печать, радио и телевидение) и новой коммуникационной технологии – сети Интернет. Работа содержит анализ функциональных характеристик всемирной паутины: синтетичность, экспансивный характер развития, фрагментарный характер подачи информации, высокая скорость распространения информации и высокий манипулятивный потенциал. Понимание этих характеристик позволяет вычленировать инновационные структурные элементы Интернета, которые не свойственны традиционным СМИ.

Ключевые слова: Интернет, массовая информация, коммуникация, манипуляция, пользователь, печать, радио, телевидение, компьютер, управление, информационный поток.

The Internet: the Mass-media Features

A.A. Suvorov

The article deals with the comparative analysis of traditional mass-media (press, radio and TV) and the new communicative technology – the Internet. The article contains the analysis of functional characteristics of the World Wide Web: synthetical character, expansive way of development, fragmentariness in giving information, high-speed informational divulgation and high manipulative potential. Understanding of these characteristics allows to mark out the innovational elements in the structure of the Internet which are not related to traditional mass-media.

Key words: Internet, mass information, communication, manipulation, user, press, radio, television, computer, management, information flow.

К началу XXI в. привычные представления о триумвирате средств массовой информации (печать, радио, телевидение) изменились. Активное развитие компьютерных сетей определило широкое распространение коммуникационной технологии новой формации – развитие Интернета.

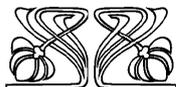
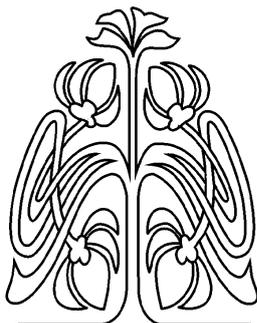
Интернет стал новым универсальным средством массовой информации и коммуникации, основной чертой которого является *синтетичность* по отношению к ранее известным СМИ (шире – способам передачи информации).

Уточним отношение к названным «традиционными» средствам массовой информации. Под этим термином в контексте настоящей работы понимаются все известные человеческой цивилизации способы передачи информации (в семиотическом понимании термина) широкой аудитории, условно объединяемые в три категории.

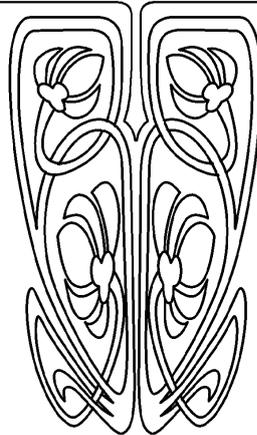
Первая – печатное слово. К этой категории отнесём многообразную книжную продукцию, газеты, журналы и иные источники, производство которых основано на принципе размножения текста путём перенесения его на физический носитель (типографические технологии). Текст, таким образом, воспринимается адресатом зрительно.

Вторая категория – радио. Это средство массовой информации характеризуется использованием технологии передачи радиоволн. Текст в этом случае воспринимается адресатом как звук.

Третья категория – телевидение. Особенность этой технологии заключается в использовании сразу двух информационных каналов: изображение и звук. К третьей категории мы относим и кино, получив-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

шее распространение в начале XX в., но не сразу «излечившееся» от немоты.

Здесь упомянуты основные способы передачи информации, получившие статус СМИ уже в XX в., что не отменяет использования в целях передачи информации телефона, телеграфа, теле-тайпа, факса, пневмопочты и других средств связи. Однако, ввиду их технических особенностей и зачастую узкого распространения по сравнению с тремя главными коммуникационными технологиями, мы не можем отнести их к СМИ.

Представляется, что Интернет как технология распространения массовой информации имеет следующие устойчивые характеристики, выделяемые в сравнении с функциональными особенностями ранее известных СМИ:

1. **Синтетичность**, то есть одновременное использование технологических возможностей ранее известных СМИ (способов подачи информации);

2. **Экспансивный характер развития**, о чем свидетельствует очевидная тенденция к наращиванию влияния Интернета и постепенному переключению внимания широкой аудитории от ранее известных форм и способов получения информации к новому (пример – потеря былого значения почтовой службы в России и мире).

3. **Фрагментарный характер подачи информации**, наиболее ярко иллюстрируемый огромным количеством действующих Интернет-ресурсов¹, создающих причудливую общую картину, а также характером подачи информации на собственно информационных порталах (Интернет-СМИ). Работа редакций этих сетевых СМИ фактически направлена на отбор и редактирование соответственно, на дробление информационных потоков перед их публикацией. То есть на пути к *широкой аудитории*;

4. **Высокая скорость распространения информации**, обеспечиваемая значительной степенью компьютеризации населения планеты Земля. Техническая возможность самостоятельной публикации любого текста стала доступной *массам*. Этот же фактор объясняет отсутствие или ослабление контроля над производством и редактированием (редакторские правки, цензура всех видов, технологические ограничители) текста на его пути от *замысла* (появления информационного повода) к публикации в сети. Однако первоисточник в сети отследить не всегда возможно ввиду фрагментарности информационных потоков. Таким образом, Интернет обеспечивает действительно массовый и быстрый доступ к *публикации и получению* информации, однако это получение связано с неизбежным восприятием и отсеиванием дополнительных смысловых блоков.

5. **Высокий манипулятивный потенциал**. То есть крайне высокая по сравнению с ранее известными СМИ потенциальная возможность управления информационными потоками с целью создания у широкой аудитории прогнозируемых

взглядов и мнений, выгодных лицам или группам лиц, причастным к управлению сетями.

Попытаемся провести сравнение основных функциональных особенностей (характеристик) Интернета и триады ранее известных СМИ для аргументации предложенных размышлений.

Начать необходимо с того, что в самих СМИ начала XXI века (включая Интернет) развернулась серьезная дискуссия вокруг статуса всемирной сети. Главный вопрос в его русскоязычной трактовке таков: является ли Интернет СМИ? И если является, то в какой степени?

Вопросы эти стали задавать себе не только профессиональные журналисты, но и юристы, социологи, специалисты по связям с общественностью². Отчасти актуальность проблемы обостряется из-за недоработок российского законодательства, где нет четкого определения Интернет-СМИ. Это преодолимая проблема. Не имеет смысла сейчас включаться в сложную, не всегда корректную дискуссию, отметим лишь, что большинство сайтов и интернет-порталов являются самостоятельными СМИ или подразделениями других информационных служб. Единственным однозначным ответом может быть самоопределение, то есть сознательное признание владельцев, что их ресурс – это СМИ, и последующая регистрация его в качестве такового.

Определившись с отношением к этой важной для Рунета (русскоязычного сегмента Интернета) проблеме, обратимся к нашей главной задаче – рассмотрению Интернета на фоне ранее известных средств массовой информации и коммуникации.

Первое из выделенных нами функциональных свойств Интернета – **синтетичность**. Действительно, появление всемирной паутины – новый технологический этап развития коммуникационных технологий. Компьютер (главный передатчик и приёмник информации, он же – её носитель) является *мультимедийным* устройством, то есть универсальным (мульти-) средством и носителем (-медиа) информации. Здесь использованы практически все известные человеку способы передачи данных (текст, звук, изображение и движущееся изображение); «работают» два основных канала получения информации: слух и зрение. Сам Интернет соответствует этим техническим возможностям: сетевые ресурсы позволяют не только «скачивать» текстовые, аудио- и видеофайлы, а также иную информацию (переносить файлы на личный компьютер), но и активно использует «способности» газет, телевидения и радио в режиме «он-лайн». Дословный перевод этого термина – «на линии» (то есть компьютер подключен к сети). Речь об эквиваленте прямого теле- и радиоэфира. С тем исключением, что для Интернета, по сути, не существует ограничения в этой форме «вещания». Периоды обновления информации любого свойства постоянно уменьшаются (ведущие СМИ указывают периоды этих

обновлений), а многие интернет-СМИ предлагают пользователям постоянную круглосуточную аудио- или видеотрансляцию. Такую возможность в первую очередь обеспечивают интернет-представительства радиостанций и телеканалов, упомянем также многочисленные трансляции, ставшие возможными благодаря веб-камерам.

Отметим, реципиент Интернета – именно **пользователь**. Это максимально нейтральное (синтетичное) по семантике слово за более чем 15 лет функционирования Рунета отеснило «читателя», «зрителя» и «потребителя». Очевидно, важным фактором оказался простой перевод английского «user».

Итак, Интернет как бы впитал опыт триады традиционных СМИ. Более того, они сами не могут обойтись без всемирной паутины: каждая газета, телеканал или радиостанция обязательно располагают своей сетевой версией. Есть случаи, когда именно сетевая версия начинает по популярности опережать традиционную форму издания. Именно так обстоит дело с «монстрами» среди информационных ресурсов Интернета. Газета *The New York Times*, имея огромные тиражи и популярность в своём традиционном бумажном виде (ежедневная версия выходит более чем на 200 страницах), уже никогда не сможет отказаться от сетевой версии, которая и стала центральным («интерфейсом») информационного агентства *The New York Times*. Высказанное положение не вызовет сомнений у журналиста-профессионала (редактора, модератора ленты новостей, репортёра), который может регулярно пользоваться сайтом www.nytimes.com как источником информации (читай – источником прямого цитирования). Многомиллионная всемирная армия простых пользователей, а также сотрудников СМИ, постоянно привлекающих собственные ресурсы для «трансляции» новостей, почерпнутых из сетевой версии газеты, уже давно опередила по численности армию потребителей бумажной версии. Последние обречены быть в меньшинстве: им мешают не только очевидные пространственные ограничители, читатели могут получать газету лишь раз в сутки, тогда как пользователь сети Интернет может следить за новостями ежечасно. Если же учесть, что один новостной повод может быть процитирован несчётное число раз в различных СМИ (со ссылкой на источник), тогда число её читателей-потребителей необходимо умножить на аудиторию всех СМИ, участвующих в процессе распространения. Это невероятная геометрическая прогрессия.

Логичным кажется переход ко второй функциональной характеристике Интернета, свидетельствующей об **экспансивном характере развития** этого средства массовой информации и коммуникации.

Ключом к пониманию этого процесса служит статистика по распределению денежных средств в рекламном бизнесе. Приведём некоторые по-

казательные цифры: «К 2011 году объём рынка рекламы в интернете должен превысить рынок рекламы в газетах. Такой мрачный для старой журналистики прогноз опубликовали аналитики из компании *Veronis Suhler Stevenson*. По их расчётам, онлайн-реклама будет расти в среднем на 21% в год и достигнет \$ 62 млрд к 2011 году, тогда как газетный рекламный оборот будет на уровне \$ 60 млрд. Стагнация газетного рынка началась уже сейчас, не заметно никаких признаков изменения ситуации в будущем»³. Именно такие процессы вступают в силу в начале XXI века. Интернет постепенно «перетягивает» на свою сторону самое важное – средства к существованию СМИ – рекламные бюджеты. Этот процесс возможен лишь при одном условии: огромное количество независимых друг от друга специалистов (представители множества организаций, имеющие право голоса при распределении рекламных бюджетов) делают ставку на Интернет. Именно сетевые ресурсы дают выход к огромной аудитории, причём их способность адресного воздействия (рассылки, привлечение представителей различных сообществ) сложно переоценить. Даже распространители печатной продукции никогда не смогут конкурировать, например, с поисковыми серверами, по точности доставки сообщения конкретному сегменту целевой аудитории. Тем более таких рекламных услуг не могут предложить телевидение и радио, аудитория которых подсчитывается условно, а определить её сегментацию по каким-либо признакам очень сложно и дорого (пол, возраст, образование и т. д.). Тогда как статистика посещения любого сайта доступна в режиме реального времени; что касается различных социальных сетей («Одноклассники.ру», «ВКонтакте.ру» и др.), то их аудитория добровольно указывает информацию личного характера для получения доступа к конкретной социальной сети. Примером может служить один из показательных рекламных трюков – размещение рекламных сообщений в наиболее популярных блогах русскоязычной части «Живого журнала».

Вторым, также очень важным доказательством **экспансивного характера** развития Интернета, может служить следующий довод. Ни у кого накануне 2009 года (напомним, Рунету чуть ли более 15 лет) не вызывает сомнений, что *каждая* организация, даже самая малочисленная, должна иметь свой сайт в Интернете. Более того, многие считают, что каждый человек обязан иметь персональную страничку в сети. Этот негласный закон возник на основании простого рыночного правила: у каждой организации, вне зависимости от направления её деятельности, есть целевая аудитория. А значит, есть люди, которым нужно о своей деятельности рассказать. Это как минимум повысит эффективность работы. Существуют сферы деятельности (например, государственное управление, различные социальные и гуманитарные организации, рекламный бизнес, те

же СМИ и многие другие), которые без своего аннотирования в мировой паутине невозможны. Примечательно, что к этой категории, безусловно, относятся традиционные СМИ. Радиостанция без своей странички в Интернете? Абсурд! Телеканал не опубликовал сетки передач на сайте? Непрофессионально! У газеты отсутствует сетевая версия? Она не выдержит конкуренции!

Такая логика обусловлена появлением совершенно нового вида источников информации, возникающих исключительно на основе мировой сети. К таким источникам можно отнести многочисленные базы данных, размещённые в Интернете, сетевые библиотеки (совершенно необычайную базу данных разместила в сети Библиотека Конгресса США), «видеорадио»⁴ и многочисленные поисковые машины (серверы, обеспечивающие возможность поиска любой информации в сети по ключевым словам).

Следующая устойчивая системная характеристика сети Интернет, выделяемая в сравнении с функциональными особенностями ранее известных СМИ, – **фрагментарный характер подачи информации**.

Обоснованием для выделения этой характеристики послужит краткий анализ основных типов сетевых ресурсов. Действительно, наиболее популярные и значимые интернет-сайты можно на основании их функциональных свойств условно объединить в четыре категории.

Первая – поисковые машины. Это сайты, позволяющие отыскать любую доступную информацию, представленную в сети. Принцип их действия – особый тип «прочтения» сети с целью поиска заданных слов или их комбинаций. Так что же такое в итоге поисковые серверы? Это наборы цитат из разномастных источников, разбросанных в мировой сети. Как правило, поисковые серверы, привлекающие наибольшее количество пользователей, объединяют в себе возможности других ресурсов: предоставление бесплатной электронной почты, социальные сети (блоги, фотоконкурсы и т. п.), новостные ленты и многое другое. Иначе как *фрагментарным* такой принцип подачи информации назвать нельзя⁵. Дополнить рассуждение необходимо только тем, что даже за расположение цитат и ссылок на найденные поисковой машиной сайты необходимо платить. Рекламная технология включает также особую процедуру по подготовке любого сайта к наиболее эффективному его «отыскиванию» с помощью поисковых машин⁶.

Вторая категория интернет-ресурсов – это сетевые СМИ. Все их виды представляют собой главную страницу с огромным количеством ссылок и цитат, являющихся, в свою очередь, заголовками сообщений, репортажей, статей и других публикаций (в том числе аудио- и видеоресурсов). Можно говорить об *отсутствии* единой непрерывной информационной картины у Интернет-СМИ, или о её *фрагментарности*.

Печатные издания, как известно, состоят из последовательного набора страниц с понятной нумерацией и ограниченным набором типов «сшивания» этих страниц. Та же картина с телевидением: телепередачи сменяют друг друга и выстраиваются во временной последовательности (газету или журнал, конечно, можно читать выборочно, но последовательность страниц чаще приходится соблюдать). Временной последовательности подчинено и радио, оставляющее, как и телевидение, только свободу выбора станции или полного отключения приёмника. С Интернетом картина противоположная: пользователю предоставляется полная свобода действий. Он может открыть сразу много окон (интерфейсов программы просмотра интернет-страниц), может выбрать любой заголовок и перейти к статье, прослушать аудиотрансляцию или посмотреть видеорепортаж. И всё это доступно в одновременном режиме. Остаётся добавить, что непривычному пользователю будет не так-то просто впервые разобраться в устройстве информационных сайтов и сразу получить необходимую ему информацию. А дать адекватную оценку таким категориям как «редакционная политика» без специальных навыков и процедур (например, контент-анализа) и временных затрат иногда просто невозможно.

Третья значимая категория интернет-ресурсов представляет собой многообразные дневниковые записи неограниченного числа пользователей сети. Это участники так называемых социальных сетей. Эти сайты представляют собой порой многомиллионные собрания дневников, которые ведут добровольные участники проекта. Некоторые из таких дневников пользуются огромной популярностью, их ежедневно читают и комментируют тысячи человек. Что же такое блог? Это набор, как правило, коротких записей (дневникового характера), которые автор может снабдить фотографиями, разнообразными ссылками и т. д. Участники таких сетей объединяются в сообщества по интересам (кино, фотодело, античная литература – что угодно). И снова мы должны отметить *фрагментарный* характер подачи информации, усугубляемый возможностью комментировать любую запись в блоге. Такая же картина наблюдается на многочисленных форумах и чатах (многопользовательские дискуссии на изначально заданные самими участниками темы).

К *четвёртой* важной категории интернет-ресурсов мы отнесём корпоративные сайты и личные страницы. Эти информационные порталы представляют пользователю информацию о деятельности какой-либо организации или одного человека. Пожалуй, эта категория интернет-ресурсов отличается сравнительно меньшей степенью фрагментарности в подаче информации. Однако и личные страницы, и корпоративные сайты (как правило, стремящиеся выполнять функции СМИ) по принципам устройства не отличаются от других: они построены на прин-

ципе **гиперссылки**. А этот принцип направлен на одно – сделать возможным переход от одного *фрагмента* информационного потока к другому.

Предложенная классификация интернет-ресурсов не претендует на универсальность и всеохватность (таковой создать, вероятно, не удастся никогда). Она предпринята в качестве риторического приёма, позволяющего обосновать одно важных положений настоящей публикации, а именно – доказать, что использование Интернета предполагает неизбежное столкновение с большими объёмами фрагментированной информации.

Обратимся к четвёртой устойчивой характеристике Интернета, выделяемой нами в сравнении с функциональными особенностями ранее известных СМИ – **высокой скорости распространения информации**.

Важность этого свойства сети Интернет, принципиально отличающего её от ранее известных средств массовой информации и коммуникации, трудно переоценить. Ежедневно компьютером, а также устройствами со сходными техническими возможностями пользуются миллионы человек. Они постоянно создают невероятные объёмы информации. Величие Интернета заключается в том, что эта сеть даёт возможность абсолютно *каждому* индивиду *опубликовать* собственную информацию. Причём временные затраты современной техника свела к минимуму. Мгновенно опубликованная («выставленная в сети») информация (текст, видео-, аудиопоток) становится доступной *каждому* желающему, *независимо* от места его нахождения и времени суток. Более того, даже не зная о состоявшемся размещении некоего текста, каждый пользователь сети имеет гипотетическую возможность отыскать именно этот «ключок» информации. Внимательное размышление на эту тему приводит к мысли о наступлении давно спрогнозированной новой стадии развития человечества – стадии информационного общества. Более точное её определение – эпоха высоких скоростей распространения информации.

Тесно связанным с техническим совершенствованием сетей и увеличением скоростей распространения информации оказывается и пятое свойство Интернета как средства массовой информации и коммуникации – **высокий манипулятивный потенциал**. Пользователь сегодня может распространить любую информацию, за считанные секунды сделать её доступной широкой общественности. А что может сделать редактор сетевого СМИ с ежедневным посещением, в разы превосходящим самые успешные газеты? А владелец медиа-холдинга, в руках которого управление десятками сайтов, телеканалов, газет? Очевидно, что простота в управлении информационными потоками и скорость её восприятия аудиторией дают возможность различного рода профессиональным организациям (пресс-службам, ПР-агентствам, рекламным фирмам, политическим партиям и многим другим) с большей скоростью и, как

следствие, эффективностью влиять на мнения и оценки целевой аудитории. Не важно, идёт ли речь о предпочтениях в выборе президента или стирального порошка, главное – с аудиторией стало проще «работать». То есть *создавать* и *изменять* информационное поле вокруг конкретных социальных групп и общностей. Существует большая литература, посвящённая этой проблеме, многие вузы мира разработали и успешно развивают специальные курсы по «интернет-маркетингу», «продвижению товаров и услуг в мировой сети», «Брендингу» и многим другим дисциплинам, входящим в область связей с общественностью. Объём рынка подобного рода услуг возрос параллельно с укреплением позиций Интернета. В России Интернет пока не стал по-настоящему массовым средством формирования. Таковы данные ВЦИОМ: «Из него (Интернета) предпочитают получать информацию лишь каждый десятый россиянин. Однако в крупных городах, Москве и Санкт-Петербурге и для молодой аудитории роль Интернета как источника информации становится достаточно заметной. Востребованность Интернета, как и других СМИ, тесно связана с тем, где живут опрошенные. Интернетом как основным источником сведений пользуются 21% москвичей и петербуржцев, 9–12% респондентов из других городов и 3% сельских жителей. Важную роль играет и возраст потребителя информации. Популярность Интернета снижается с 26% среди молодежи 18–24 лет до 3% в группе 60 лет и старше»⁷. Однако исследователи ВЦИОМа прогнозируют рост числа приверженцев мировой сети, на основании статистических данных о возрастных характеристиках современного пользователя Интернета. Фактически, сегодня этим ресурсом пользуются представители интеллектуальной элиты – молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет. Это студенты вузов и молодые специалисты – наиболее перспективная с точки зрения развития общества часть населения. Европа и США уже прошли эту стадию, там совсем иная статистика. «Согласно опросу, проведенному немецкими телерадиокомпаниями ARD и ZDF, большая часть населения Германии старше 18 лет активно пользуется интернетом. Взрослые жители ФРГ проводят онлайн в среднем около 58 минут в день, на 4 минуты больше, чем в 2007 году. При этом немецкая молодежь проводит в сети почти в два раза больше времени, по сравнению с просмотром телепередач и прослушиванием радиопрограмм. Опрос показал, что весной 2008 года общее количество взрослых интернет-пользователей в ФРГ составило 65,8 процента – в абсолютных цифрах это почти 43 миллиона человек. В возрастной категории от 14 до 29 лет таковым являются почти все – 96 процентов»⁸.

Очевидно, что вместе с интеграцией Российской Федерации в мировую экономику и введением в нашей стране общеевропейских образовательных стандартов, нас уже в ближай-

шем будущем ожидают такие же или близкие к указанному статистические показатели.

Сегодня российское интернет-сообщество считается особой группой людей, своеобразной элитой. Действительно, пока Интернет не достиг всеобщего распространения, и доступ к нему имеют, как правило, люди образованные, занятые получением образования или по профессиональной необходимости пользующиеся веб-ресурсами. Отметим, что уже сегодня можно говорить об особом типе мышления этих людей, их обладании определёнными навыками и знаниями. Более того, интернет-сообщество характеризуется (при всём кажущемся плюрализме) определённым набором политических взглядов. Пока не существует полноценного исследования на эту тему. Однако и СМИ, и другие организации, имеющие дело с массовой информацией, берут в расчёт постоянных пользователей мировой сети как особую социальную категорию. Более того, особенности мышления, взгляды и предпочтения людей, связанных с Интернетом, стали предметом спора в СМИ. Обратимся к одному из таких споров, высвечивающему интересующий нас аспект проблемы: сложное взаимодействие современного источника информации (сети Интернет) и ресурса «классического» – книги.

В номере газеты «Нью-Йорк Таймс» от 27 июля 2008 года развернулась дискуссия, озаглавленная так: «Дебаты о грамотности: действительно ли ты читаешь онлайн?»⁹. Обширная публикация включает в себя репортажное описание людей, имеющих различные предпочтения в чтении. В центре внимания 15-летняя Надя Коник и её семья, каждый член которой предпочитает свой способ получения информации (чтения книг). Конечно же, сама Надя использует исключительно персональный компьютер и Интернет, да и книг как таковых не читает. Героиня публикации – активный пользователь социальных сетей, в особенности www.myyearbook.com, www.quizilla.com и www.fanfiction.net. Эти сайты не знакомят читателя с литературой в привычном понимании, а позволяют читать и комментировать короткие истории, написанные самими пользователями. Такая сетевая интерактивная литература сегодня распространена и в русскоязычном секторе Интернета. Журналисты приводят комментарии матери Нади Коник, которая рада, что её дочь читает хоть что-то. Именно такие школьники в центре развернувшейся в США дискуссии. В спор включились не только организации, связанные с образованием, но и журналисты, эксперты по коммуникационным технологиям, политики. В статье приведён целый спектр мнений: от радикально отрицающих пользу Интернета до оптимистичных, признающих пользу «чтения онлайн». Нам, конечно, интереснее понять аргументацию последних. Например, точку зрения преподавателя образовательной психологии Мичиганского государственного университета Рэнда Дж. Спи-

ро, который считает, что сетевые технологии приучают молодёжь к «нелинейному» чтению, то есть чтению соответствующему реальному мироустройству – не выстраиваемому в линейном порядке (в противовес традиционной книге). То есть к взаимодействию с *фрагментированным* информационным полем.

Объёмная дискуссия в «Нью-Йорк Таймс» важна для нас не с точки зрения вопросов, занимающих её участников (хорош Интернет или плох – не научная постановка вопроса), а с точки зрения принципиальных оснований спора. Американские эксперты признают, что молодёжь в их стране практически с книгой не знакома. Интерес к сетевым ресурсам радует представителей образования, которые не знают каким ещё способом отвлечь школьников от телевидения. Очевидно, что к этому приближается Европа (статистику по ФРГ мы уже приводили), интерес к Интернету постоянно растёт и в России.

Для понимания взаимодействия книги как коммуникационного феномена, владевшего первенством в этой сфере со времён Гуттенберга, важен простой факт: время книги уходит. Эмоциональное отношение к этому факту не столь важно, важнее понимать, что подобного рода исторические процессы не протекают в одностороннем порядке. Информационная эра, как ни странно, увеличила тиражи некоторых типов изданий. В мировой сети размещено огромное количество сообщений о книгах, газетах, радиостанциях и телеканалах. Тексты, признаваемые литературной классикой, стали доступнее, благодаря сетевым библиотекам. Само строение сети (и даже её «нелинейность», фрагментарность) основано на сюжетных схемах, известных ещё в книжную эру. Подтверждений тому множество: от «Одиссеи» Гомера до «Улисса» Джойса.

В настоящей публикации мы попытались отыскать некоторые аналитические принципы (аналитические основания), которые позволяют приступить к осмыслению активно формирующегося феномена открытого информационного всемирного сообщества, называемого Интернетом. Настоящая работа не претендует на формулировку устойчивых научных принципов, а лишь предлагает вариативную (возможно дискуссионную) схему понимания функциональных свойств Интернета как средства массовой информации и коммуникации в сравнении с традиционными СМИ.

Примечания

- ¹ По данным радиостанции «Эхо Москвы» на октябрь 2008 года всего в мировой сети функционировало более 18 миллионов сайтов. Число интернет-ресурсов постоянно растёт.
- ² О вопросе см.: *Котлярова Е.* INTERNET и СМИ: соотношение понятий // http://www.i2r.ru/static/109/out_1819.shtml; *Наумов В.* Сайт и СМИ: юридический анализ // <http://www.russianlaw.net/law/doc/a21>.

htm; Печкин В. Интернет как СМИ//<http://www.vz.ru/society/2006/7/13/41330.html>.

³ <http://www.habrahabr.ru/blog/advertising/22543.htm>.

⁴ «Видеорадио» – новое для русского языка слово, означающее возможность наблюдать за происходящим в радиостудии, вещающей по своему обычному графику с использованием традиционных передающих устройств. Такая технология (уже упомянутые веб-камеры) позволяет осуществлять совершенно новые медийные проекты. Например, создавать передачи и для радиослушателей, и для пользователей Интернет. Следующий шаг – подключение сюда и телевидения. С таким успешным проектом знакомы слушатели «Эхо Москвы» и зрители телеканала «РТVI». Подобные объединения всех основных видов СМИ стали возможными благодаря развитию Интернета. Мы не оговорились, кроме радио и телевидения в таких проектах присутствует и традиционное «печатное»: начало: во время прямого эфира пользователи Интернет могут задавать вопросы участникам прямых трансляций и обсуждать происходящее тут же – на сайте. Радиослушатели имеют возможность позвонить в студию и также принять живое участие в прямом эфире, или же воспользоваться мобильным телефоном и отправить сообщение с вопросом. Мобильные технологии также дают выход в Интернет, а потому любой зритель (слушатель, пользователь) может в любое время присоединиться к «пиршеству СМИ». Возникает интересная картина, когда один человек, обладающий телевизором, компьютером и радиоприёмником может одновременно из трёх устройств слышать (видеть, читать) одну и ту же передачу, а современные мобильные телефоны (смартфоны, карманные компьютеры) объединяют в себе функции всех трёх упомянутых приборов.

⁵ Необходимо отметить, что даже принципы графической подачи информации на различного рода сайтах стали

повторяться в принципах вёрстки печатных изданий и в принципах телевизионного монтажа. Наличие двусторонней связи в этой сфере проследить не сложно. Приведём наиболее близкий для нас пример. Один из законодателей мод в сфере СМИ – редакция «Нью-Йорк Таймс». Именно эта газета одной из первых получила сетевую версию. Причём в своей вёрстке сайт www.nytimes.com стремится соответствовать внешнему виду газетной передовицы «Нью-Йорк Таймс». Теперь уже сложно определить, какая версия оказывает большее влияние на оформительскую политику этого издания в целом. Понятно одно – многие тысячи сайтов созданы по упомянутому образцу. Несложно и найти «сетевые» приёмы в оформлении многих телепередач («Авиаторы» на «НТВ», «Вокруг света» на «Первом канале» и многие другие).

⁶ Уместно вспомнить ещё одну цитату, принадлежащую Александру Генису: «Вместо обещанной всемирной библиотеки нас ждет лес цитат. Дигитальная литература превратится в равноправную информационную массу, ориентироваться в которой может только Интернет. Конечно, поисковое устройство услужливо предложит нам выборки на нужную тему – сколько весит солнечный свет, как заменить унитаз и что писал Гоголь об утрибах. Но чтобы рассказать нам об этом, Гугл и его компания должны разброшюровать все книги в мире, вернув их к той словесной протоплазме, из которой автор лепил и строил свой опус» (<http://www.esquire.ru/articles/16/genis>).

⁷ <http://www.wciom.ru>.

⁸ <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,3539504,00.html>.

⁹ http://www.nytimes.com/2008/07/27/books/27reading.html?_r=1&sq=internet%20and%20reading&st=cse&scp=1

УДК 070:316.774

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ РАСПРОСТРАНЕННЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ СПОСОБОВ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

М.А. Кормилицына

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра русского языка и речевой коммуникации
E-mail: Philology@sgu.ru

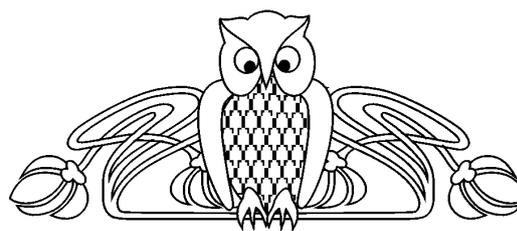
В статье на материале газетных публикаций рассматриваются функции и многообразные средства выражения в прессе коммуникативной категории неопределенности.

Ключевые слова: Коммуникативная категория неопределенности, функции категории, предметно-логическая и субъективная неопределенность, языковые средства создания неопределенности.

Indefiniteness as a Common Way of Giving Information in the Modern Press

М.А. Kormilitsyna

The article investigates the functions and diverse means of expression

of the communicative category of indefiniteness in the press on the basis of newspaper material.

Key words: communicative category of indefiniteness, category functions, logical indefiniteness, subjective indefiniteness, linguistic means of creating indefiniteness.

Основной функцией, объединяющей средства массовой информации разных типов, считается информационная. Среди требований к качеству информации на первом месте стоят ее точность, определенность и достоверность. Как показывает анализ текстов современной прессы, в наше время

проблема соблюдения этих качеств не утратила своей актуальности. Это касается и объективной, предметно-логической стороны информации (отбор информации для массового читателя, которая порой состоит из заведомо ложных или неясных фактов), и субъективной (выбор самих способов подачи информации).

В теории речевой коммуникации бинарную коммуникативную категорию определенность/неопределенность относят к обязательным категориям, выполняющим «информативно организующую функцию»¹. План содержания этой категории включает значения: неизвестность, неточность, приблизительность, неясность, второстепенность. План выражения – многочисленные разноуровневые языковые средства, которые рассредоточены по всему тексту сообщения.

Эффект неопределенности текста может возникать по чисто объективным причинам. Несмотря на декларируемую властью стабильность общества и тиражирование этого утверждения всеми СМИ, мы живем в очень непростое время, время непрозрачности действий власти, непонимания обществом многих принимаемых ею решений. И это, конечно, не может не отражаться в прессе, ведь долг масс-медиа – информировать людей и вселять в них чувство ответственности за происходящее. Следовательно, неопределенная тональность газетных текстов во многом отражает нечеткость, неясность общественных процессов в стране и процессов в экономике: *Если в основу каких-то мер и планов закладывается какая-то идеология, то должно быть понятно, к чему приведут означенные меры. А вот с этим пока никакой ясности. Каким будет российское общество после кризиса? Каким мы хотя бы хотим его видеть? С ответами на эти вопросы власть не спешит* (ЛГ. 2009. № 14).

Неопределенная модальность текста возникает и в том случае, когда автор делится с читателем своим собственным непониманием проблемы ввиду ее противоречивости и тем самым не только не помогает читателю разобраться в сути дела, но и фактически создает впечатление невозможности разобраться в этом. Вот размышления журналиста о внешней политике России, ее отношениях со странами Ближнего Востока: *Хотя чего, собственно, участники «оси» (Иран, Сирия, Палестина. – М.К.) конкретно хотят, понять довольно трудно. Не факт, что они и сами отдают в этом ясный отчет* (РГ. 2006. 12 июня). А вот рассуждения об экономической политике правительства во время кризиса: *Увы, даже мы, депутаты, пока еще не можем точно подсчитать, какая часть накопленных страной денег вылетела в трубу* (ЛГ. 2009. №6).

Предметно-логическая неопределенность заключается также в приблизительности, неточности, нелогичном подборе фактов и тех комментариев к событиям, которые дают журналисты. Так, например, в «Известиях» разъясняется

взволновавшая общество внеплановая остановка Балаковской АЭС. Сначала пишется о том, что *никаких причин для аварийных сигналов не было. Причиной стал сбой электропитания в цепях напряжения*. То есть фактически сообщается, что ничего страшного не произошло. Так, пустяк. Но дальше дается сообщение, что *весь день сотрудники Балаковской АЭС устраняли возникшие неполадки*. Значит, они все-таки были и довольно серьезные, раз потребовался целый день работы по ремонту. Такое противоречивое описание ситуации вряд ли способно успокоить жителей (Изв. 2007. 16 авг.).

Порой следует говорить просто о неинформативности сообщения о фактах и событиях в СМИ. Так, в информационной программе «Время» зрителю постоянно сообщают: *Президент встретился с премьер-министром. Они обсуждали социально-экономическую ситуацию в стране* (08.11.06); *Обсуждалась социально-экономическая ситуация в стране* (17.01.07). Вполне понятно, что общество интересует не сам факт встречи президента с премьером, а содержание обсуждения, но об этом ни слова. Такая подача информации иногда вызывает недоумение даже у самих журналистов-комментаторов: *Встреча прошла конструктивно. Правда, неясно, как понимать эти слова*.

Обмен мнениями (какими?) прошел в напряженной обстановке. <...> Из-за бюрократической волокиты и несогласованности действий чиновников разного уровня (в чем это проявляется?) наши власти могут не успеть (а могут и успеть?) целиком освоить в этом году и без того не слишком большие средства (какие же?), выделенные на реализацию четырех национальных проектов. (РГ. 2006. 5 июля). Читатель не получает никаких сведений, в чем же состоял обмен мнениями, какие вопросы конкретно обсуждались, какие недостатки выявлены и пр. Единственное, что узнает читатель из подобного сообщения, – это то, что встреча состоялась. Порой весь текст публикации содержит столь неопределенную информацию или предлагает столь неопределенное решение проблемы, что непонятно, зачем автор решился вынести на суд читателя такие неопределенные сведения: *В этой истории много загадок. В Роснедрах утверждают, что месторождение действительно гигантское, а в Министерстве природных ресурсов «Известиям» сообщили, что запасы не превышают 1,5 млрд кубометров. «Может, просто «Петромир» решил раздуть капитализацию перед возможной продажей?» – предположили в министерстве. Такое не исключено* (Изв. 2007. 1 февр.) И таким способом информация подается на протяжении всей публикации. Вот еще несколько цитат из нее: *То есть иностранцев по логике не должны туда пустить 22 раза; Нельзя сказать, насколько быстро они успеют это сделать; Эксперты считают, что Ковыкта и Ангарское место-*

рождение *могут стать* для Газпрома ключевой базой для будущих экспортных потоков в Китай и Корею (Там же).

Эффект неопределенности может объясняться и субъективными факторами, и, прежде всего, выбором автором языковых средств подачи информации: *Ведь то, что у нас сегодня есть и на что опирается Путин, – это все же не то, что называется осознанным патриотизмом образованной личности* (ЛГ. 2006. №27); *Конечно, жаль, что понимание пришло поздно, что пять-десять лет назад размышляли о чем-то не о том, над чем-то не тем задумывались* (ЛГ. 2007. №7). Малознаменательные местоименные слова, используемые журналистами, делают информацию несодержательной, «пустой», плохо понятной, а поэтому и неинтересной читателю.

Такую же роль играют и слова диффузные, имеющие очень широкую семантику, предельно обобщенные, формирующие так называемые «неясные высказывания»: Российская газета: *Дмитрий Николаевич, можно ли ожидать, что реформа местной власти действительно позволит повысить уровень жизни людей на Юге страны?* Дмитрий Козак: *В перспективе цель, к которой мы стремимся, вполне достижима – при твердой и последовательной реализации целого комплекса мер политического, экономического и организационного характера. Хочу подчеркнуть, что это должен быть комплекс мер, касающихся не только местной власти, а самых различных аспектов региональной политики* (РГ. 2006. 5 июля). Здесь ощущается стремление с помощью предельно обобщенных, неконкретных номинаций уйти от прямого ответа на вопрос.

Еще примеры неудачного выбора авторами точных номинаций для адекватной передачи информации: *Кроме того, на старых этикетках часто было написано, что алкоголь «не рекомендуется» определенной группе лиц. То есть выпить вроде бы и можно, но лучше не стоит* (Изв. 2007. 30 янв.); *Тема парламентских слушаний, состоявшихся вчера в Государственной Думе, сформулирована по-научному витиевато и непонятно – «О законодательном регулировании распространения культурных ценностей и формирования нравственных идеалов в средствах массовой информации».* В этом тяжеловатом по стилю наборе слов, как выяснилось, была запрятана тревога (РГ. 2005. 21 окт.). Вот еще пример подобного рода, касающийся антикризисной программы правительства. Политический обозреватель сетует на обилие в ней общих слов и фраз, таких как *смягчение региональной поляризации, сокращение дифференциации по уровню доходов: Если читать не только красивые общие слова, но и приведенные в приложении перечни конкретных мероприятий, то сначала создается впечатление какой-то огромной проделанной работы. Но если обращать внимание еще и на указанные там же объемы выделяемых средств, то контрасты уж*

очень разительны (ЛГ. 2009. №12–13). «Красивые общие слова» служат, оказывается, и для сокрытия истинного положения дел и, в конечном счете, для манипуляции читателем.

Причины появления таких неясных высказываний кроются, вероятно, с одной стороны, в непрофессионализме авторов публикаций, в их неумении кратко, предельно конкретно донести до читателя самое важное. С другой – это способ манипуляции читателем, стремление или уйти от прямого ответа (как это продемонстрировано в первом примере), или просто скрыть какую-то важную информацию: *Но Сурков по причинам, о которых можно догадываться* (почему бы не поделиться ими с читателем, если зашла об этом речь?), *напротив, размахивает жупелом оранжевой угрозы* (МК. 2006. 7 марта).

Поле неопределенности создается и весьма употребительными в текстах современной прессы существительными, прилагательными, местоимениями, наречиями с неопределенной семантикой, которыми пользуется журналист при освещении тех или иных событий. Вот примеры из одной только газетной публикации: *Их быстренько свернули и тихо утопили где-то...; А во-вторых, в любом случае что-то надо было делать. Как-то улучшить гражданам жизнь* (МК. 2006. 14 апр.). Еще два примера таких конструкций: *Возникло некоторое недопонимание по поводу перспектив развития бизнеса ТНК-ВР* (Изв. 2005. 28 июня); *С темпами продажи у «Столичной» дело пока обстоит не очень* (Изв. 2007. 30 янв.).

Эффект неопределенности создают и некоторые синтаксические конструкции, например конструкции с разделительными союзами, имеющими значение альтернативности, причем выбор варианта журналист оставляет читателю: *К счастью или к несчастью, Лукашенко не суждено стать союзником Запада* (Изв. 2007. 29 янв.).

Одним из очень активных средств создания модальности неопределенности в современной газете является использование многочисленных вопросительных предложений. Задается вопрос, на который по разным причинам автор ответа не дает. Нагнетание таких вопросов в тексте оставляет читателя в недоумении: как же все-таки будет решена заявленная проблема: *Действительно ли опасность так велика? Как водится, точного ответа не знает никто* (РГ. 2006. 14 марта); *Зачем это делалось? Просто бездумный и безответственный популизм власти? Или же целенаправленное разрушение экономики? Версии можно строить разные* (ЛГ. 2007. №1); *Но способен ли решиться на этот вариант наша власть? Ждать у моря погоды проще* (ЛГ. 2009. №7).

Неопределенность создается также типом модальности, которая выбирается автором для построения текста. Большие возможности для создания эффекта неопределенности предоставляют конструкции субъективной модальности, с помощью которых журналист называет предпо-

сылки осуществимости сообщаемого события: его возможность, необходимость или желательность. Чаще всего он выбирает конструкции с одним из частных значений субъективной модальности – модальностью возможности. Как известно, с помощью конструкций со значением возможной модальности автор высказывает свои предположения о возможном пути развития описанных событий. Одновременно он подчеркивает неопределенность выбора пути и тем самым снимает с себя ответственность за неверные предположения. Он показывает, что возможность осуществления, как правило, зависит от действий представителей власти: *Положение настолько неопределенно, что глава страны может переломить ситуацию в ту или иную сторону. Президент может «вытоптать поляну» и загубить ростки нового. Но он же может дать им шанс на будущую жизнь* (МК. 2006. 5 июня); *Хотя тревога от этого вступления в общество витает: мало ли во что можно вступить слуга? Ведь за счет инвестиций экономический рост может ускориться, а может и нет* (ЛГ. 2007. №1).

Журналист в этих же целях использует языковые средства, формирующие значение возможной недостоверности сообщаемого: *Китай настолько важен, что, может быть, имеет смысл создать некий орган, занимающийся только этой проблематикой* (МК. 2006. 20 марта); *Может быть, к счастью, а может быть, нет, нынешняя власть никогда не переживала ее* (ЛГ 2009, № 3–4).

Выбор журналистом для передачи непроверенной, как правило, сенсационной информации речевого жанра «слухи» тоже создает в тексте поле неопределенности, возможной недостоверности. Автор выдает возможное за действительное, уходит от ответственности за достоверность такой информации: *Сами военные в частных разговорах утверждают, будто китайцы слили всю информацию об учениях все тем же американцам...* (МК. 2006. 20 марта). В качестве номинации источника передаваемой информации в таких текстах используются неопределенные местоимения, прилагательные с семантикой неопределенного количества: *один из, многие, большинство, одни... другие, некоторые и пр.*: *Большинство экспертов, прогнозируя итоги парламентских выборов в декабре, так видят следующую Госдуму....; Тем более что многие наблюдатели предрекают «единороссам» довольно ощутимую электоральную потерю* (ЛГ. 2007. № 1).

Эффект неопределенности создает один из типов односоставных предложений – неопреде-

ленно–личные. Сама структура этих предложений позволяет журналисту не называть точный источник информации, если он неизвестен или если автор сообщения не желает его называть намеренно. Часто об источнике информации адресат может узнать из содержания того же высказывания: номинация источника занимает позицию обстоятельного детерминанта места. Правда, это, как правило, достаточно обобщенная номинация – официальное название учреждения, откуда получена информация: *В центре общественных связей ФСБ РФ поясняют: если в анонимном послании изложены конкретные факты о преступлении с датами и именами, то эти сообщения будут проверяться; Нам официально подтвердили в ФСБ, что анонимки хранить не будут* (РГ. 2004. 20 марта)

Но чаще всего даже таких неопределенных указаний на автора сообщения неопределенно-личные предложения не содержат. Их структура позволяет полностью устранять любое упоминание об источнике информации. Такие высказывания увеличивают масштаб отдельного мнения, придавая ему характер общепризнанной точки зрения: *Правда, употребления зловещего слова «секвестр» стараются избегать. Уверяют также, что бюджетные сокращения не затронут социальную сферу* (ЛГ. 2000. №15).

Увлечение журналистов такими конструкциями с неопределенным субъектом, неопределенно-личными предложениями объясняется стремлением создать видимость фактографичности, документализма непроверенной информации. И у читателя, конечно, тоже нет возможности ее проверить². А такая фактически полная непроверяемость создает эффект неопределенности информации.

В целом, к сожалению, следует признать, что неопределенность по разным причинам становится довольно распространенным в современной прессе способом подачи информации и часто определяет общую тональность газетной публикации, никак не помогая читателю разобраться в сущности передаваемых фактов и обсуждаемых проблем.

Примечания

- ¹ Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
- ² Кормилицына М.А. О некоторых активных приемах введения чужого слова в тексты современной прессы // Русский язык на рубеже тысячелетий. СПб., 2001.

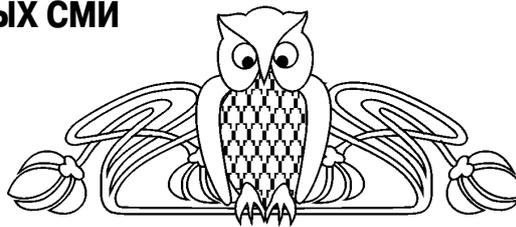

УДК 882.09-04 + 882.09-94 + 929 Солженицын

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗАПАДНЫХ СМИ ГЛАЗАМИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Г.М. Алтынбаева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: gulnarama@list.ru

В статье представлен взгляд А.И. Солженицына на западную журналистику времени его изгнания (1974–1994). Приводятся наблюдения писателя над сходством западных СМИ с советскими в приёмах и принципах работы.

Ключевые слова: русская литература XX века, А.И. Солженицын, мемуары, западная журналистика, советская журналистика.

Western Mass Media Journalistic Technologies in A.I. Solzhenitsyn's Reflections

G.M. Altynbaeva

The article gives A.I. Solzhenitsyn's reflections on Western journalism during his exile (1974–1994). His observations reflect similarities of methods and principles of work in Western and Soviet mass media.

Key words: XX century Russian literature, A.I. Solzhenitsyn, memoirs, Western mass media, Soviet mass media.

Начиная с 1974 г. оказавшись в эмиграции, Александр Исаевич Солженицын в течение двадцати лет вёл регулярные записи своего пребывания в Европе, а затем в США. Мемуарная книга «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (1974–1994) включает в себя и хронику событий, участником которых был писатель, и путевые заметки, и его взгляд на социальное, общественное, политическое, культурное состояние Европы, Азии, Америки 1970–1990-х гг.

Неоднозначные отношения со средствами массовой информации (СМИ) нашли отражение в мемуарных книгах А.И. Солженицына, в этом диалоге он отстаивает и свою писательскую позицию. В «Зёрнышке» Солженицын часто размышляет о личных контактах с прессой, об её одностороннем восприятии русского писателя. Западные журналисты считали его в первую очередь политическим деятелем, очень редко – публицистом, хотя сам он постоянно утверждал, особенно в изгнанный период, что является, прежде всего, писателем.

Записи Солженицына в «очерках изгнания» и в публицистике тем интереснее, что они не только передают его точку зрения на то или иное издание, но в них ёмко и объективно фиксируются основные черты и приёмы западной журналистики, отмечается её сходство с советской журналистикой и в способах и средствах подачи информации, и в технологиях и стратегиях, которыми они пользуются. Наблюдения, сделанные А.И. Солженицыным в 1970 – 90-х гг., не потеряли своей

актуальности и сейчас. Тонкие и точные замечания художника, на наш взгляд, будут интересны и полезны современным представителям СМИ.

Попав в 1974 г. в Цюрих, Солженицын оказался под напором прессы. Вот как он говорит об этом в телеинтервью компании CBS: «И почти с этого момента начинается штурм, западная пресса обрушивается на меня. Я ещё не могу в голову вместить того, что произошло, я сотрясён происшедшим, я не имею расположения что-либо заявлять. А они требуют, чтоб я высказывался, будто я приехал с готовыми высказываниями <...> Но вот день за днём пресса от меня не отстаёт, она преследует меня всюду...»¹. Журналисты постоянно требовали от Солженицына высказываний о разных событиях, произошедших в мире, чаще всего политических, не вникая в то, что интервью, во-первых, отнимает у него много времени и «требует найти слитный кусок чувства и мысли, большой концентрации, отдачи, поворота всего существа»², а во-вторых, «дело писателя – писать, а не мельтешить на трибуне, а не давать объяснения газетам»³. «Так – с первого шага, – пишет Солженицын, – мы с западной “медиа” не сдружились. Не поняли друг друга»⁴.

Свою напористость репортеры («стадо бизонов») оправдывали так: «Никак не можем. Нам приказано, если мы не выполним, нас уволят». В этой неубедительной отговорке Солженицын видит корень любого поступка: «Видите, каждая профессия, если она начинает разрушать нравственные нормы жизни, должна сама себя ограничить. Действительно, западную прессу здесь не связывает, не останавливает ничто, никакая полиция, ни власти. Ну, тогда надо ограничить самим себя. Надо сказать: вот тут есть порог, нравственный, вот сейчас отказаться. Всякие достоинства, если предела не поставит, если не ограничить, переходят в недостатки» (1, 93).

Спротивление Солженицына вызвал и «яростный расхват» западной медиа его личной жизни: подслушивание, подсматривание, фотографирование каждого шага писателя. «Вы хуже гебистов!» – возмущённо и отчаянно заключает Солженицын.

Одной из целей всех СМИ является информация. В её добывании Солженицын выделяет и положительные, и отрицательные стороны. Но одно дело – сбор достоверной информации, поиск истины, полная самоотдача делу: «Если

бы каждый корреспондент говорил так: я голову свою положу, пусть мне голову отрубят, но я одно известие, точное, важное, сообщу. Тогда хоть иногда бы что-то важное проходило» (1, 95). Другое дело – погоня за новостью, сенсацией, модным веянием: «Медиа всю душу вкладывают не за глубину – за новость» (2, 130).

Примечательно в этой связи тонкое наблюдение Солженицына, переходящее в изумление: в погоне за сенсацией, в пылу горячей публичной полемики пресса способна «полностью пропустить всё главное», изобретая «такое, чего в речи вообще не было». И здесь играет определённую роль склонность западных СМИ к использованию клише, штампов, всего, что диктует мода. Солженицын замечает: «В нынешней журналистике, в политике совершенно забыли, понятия не имеют, но даже в литературе утеряно, что значит говорить о своих ошибках, промахах, а тем более пороках, – так не делает у них теперь никто и никогда» (2, 159).

И здесь возникает закономерный вопрос, который Солженицын задаёт: «Какая у журналиста и газеты ответственность перед читающей публикой или перед историей? Если они неверной информацией или неверными заключениями повели общественное мнение по неверному пути <...> – известны ли случаи публичного потом раскаяния этого журналиста или этой газеты? Нет, это подорвало бы продажу»⁵. В этой связи Солженицын говорит о «недобросовестности» западных СМИ: «Я – как ужаленный: ну что за гадство? Ну, что такое эта пресса? Ну как можно жить среди этих чудовищ: ни слова правды!» (4, 83). Недобросовестность и страх журналиста лишают читателя истинной информации: «Но если каждый, почти каждый корреспондент боится или опасается, если почти каждый корреспондент даёт поверхностные, скучные вещи, сидит, обрабатывает советскую прессу, из неё что-то возьмёт, на поверхности, а иногда и прямой обман...» (1, 96).

У считающих себя свободными от цензурных запретов западных СМИ всё-таки, как зорко подметил Солженицын, «обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы, и всё это вместе действует не соревновательно, а унифицированно. Безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей: достаточно выпукло и звучно газеты передают только те мнения, которые не слишком противоречат их собственным и этому общему направлению» (5, 245).

Нельзя сказать, что западные СМИ независимо существуют в мире информации. В этом, по наблюдению Солженицына, их сближение с советскими СМИ. О положении прессы в Советском Союзе читаем: «Пресса в Советском Союзе? Но вы сами понимаете, что пресса у нас пишет то, что надо правительству, никогда ничего другого. Значит, пресса не может предупредить

ни о чём. Парламент? Вы понимаете также, что и парламент наш не контролирует правительства. Тогда, может быть, – западная пресса? Но я вам сказал, что западная пресса именно на Востоке в истинное положение вникнуть не может. Западная пресса не предупреждает вас о том, что делается в Советском Союзе. Остаётся, простите, доверие» (1, 108).

Над западными СМИ существует более опасный аналог советской цензуры, о чём Солженицын очень серьёзно говорит: «Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных – и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр. Дух ваших исследователей свободен юридически – но обставлен идолами сегодняшней моды. Не прямым насилием, как на Востоке, но этим отбором моды, необходимостью угождать массовым стандартам устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие» (5, 245). Мы видим, что Солженицын подчеркнул и опасность манипулирования массовым сознанием, а кроме того, по его наблюдению, «пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение и воспитать его извращённо» (5, 244). Т.е. западная пресса существует не по законам совести, а по законам рынка: добыть сенсацию, чтобы скорее продать её; «коммерческие интересы душат духовную жизнь».

В своем творчестве А.И. Солженицын не раз обращался (в разных жанрах) к проблеме свободы: свободы выбора, свободы самовыражения, свободы поступка. Краеугольным камнем СМИ, неоднозначно их характеризующим, является именно свобода слова. И опять-таки, с одной стороны, именно Запад характеризуется неограниченной свободой самовыражения. На это и надеялся Солженицын. Но что он видит? «Какой смыв с Советами!.. Когда выгодно использовать клевету, чем эти две мировые силы, коммунизм и демократия, так уж друг от друга отличаются? Переброшенный в свободную Америку, с её цветущим, как я думал, разнообразием мнений, никак не мог я ожидать, что именно здесь буду обложен тупой и дремучей клеветой – не слабее советской! Но советской прессе хоть никто не верит, а здешней верят, – и ни один западный журналист и почти ни один «славист» не взял на себя честный труд поискать, найти: ну где-либо у меня подобное написано? сказано? а есть ли хоть грамм правды в том?» (2, 159).

«С западными журналистами не намного трудней, чем с советскими бонзами: в общем, всегда известно, что у них дежурное, на кончике языка»⁶.

«Особенно своевластна пресса, никем не избираемая, но приобретающая силу больше законода-

тельной, исполнительной или судебной власти. А в самой *свободной* прессе доминирует не истинная свобода мнений, но диктат политической моды – к неожиданному однообразию мнений (тут-то я более всего их раздражил)»⁷.

«И со странным ощущением мы, люди из Советского Союза, смотрим на нынешний Запад: как будто не соседи по планете, не современники, мы смотрим – из вашего будущего, или – на наше прошлое, 70-летней давности, которое вдруг повторяется. Всё то же, всё то же видим мы: <...> безответственность журналистов за метаемые слова <...>»⁸. И еще: «Ваши органы печати, знаменитые своими традициями, публикуют немало анализов и комментариев, вызывающих стыд мелкостью мысли, недалечностью взора» (8, 195). Декларируемая свобода прессы оказывается столь же ограничена, ангажирована, но не единственным правительством, партией (как в Советском Союзе), а рыночными отношениями, многообразием. Всё продаётся. Поэтому-то и почувствовал себя Солженицын товаром на рынке сенсаций, новостей. А как только спал к нему интерес, то и спрос со стороны прессы сразу охладел, снова вспыхнув в 1994 году – в период возвращения писателя на родину.

Ради справедливости следует всё же отметить, что Солженицын не только критически относится к западным СМИ. В начале своего изгнания он пишет: «Надо сразу сказать: западная пресса помогла мне, Сахарову, всем нам выстаивать годами, а особенно помогла в августе-сентябре прошлого года. Так что я, конечно, могу быть западной прессе только благодарен. Но свежими глазами иногда можно увидеть то, чего люди, живущие постоянно, – не видят» (1, 92). Добавим, что и *свободу* западной прессы Солженицын называет положительным её качеством, но опять-таки с определённой оговоркой: «Не только не критикую свободу прессы, наоборот, я считаю это величайшим благом, что она такая на Западе. Но я вот о чём: с одной стороны, не только прессы, но и всякая профессия, но и всякий человек должен уметь пользоваться своей свободой и сам себе находить остановку, нравственный предел. А с другой стороны, я настаиваю, что если пресса имеет такую свободу на Западе, то она должна отстаивать свою свободу, когда попадает на Восток. Какие бы на Востоке условия ни были, но если пресса привыкла к свободе – осуществляйте свободу и там» (1, 96).

Наивысшей точкой ответственности для А.И. Солженицына является «жить не по лжи», а кроме того – «раскаяние и самоограничение», ведь «лишь с раскаяния может начаться и духовный рост», а самоограничение есть «выбор вглубь..., к расцвету внутреннему, а не внешнему», потому что «свою внутреннюю свободу мы можем твердо осуществлять даже и в среде внешне несвободной»⁹. Поэтому-то и не принимает писатель безответственное самовыражение. Он с сожалением констатирует: «Но у нас, не только в

Советском Союзе, но и в современной западной общественной деятельности, раскаяние вообще не принято. Ни политические деятели, ни публицисты, ни журналисты не указывают про себя – «я ошибался», я был не прав, я совершил такой-то грех, некрасивый поступок... Но все заняты разоблачением других. И наша эмиграция, советская, тоже подчиняется этому закону. Они разоблачают советский режим, как будто сами они в нём не участвовали, не помогали. Но они все участвовали в нём, и каждый вложил свой вклад в этот ужас. Так вот, вместо того чтобы указать на свои грехи, они, пользуясь тем, что я о себе рассказываю, – «посмотрите, какой он плохой человек, он даже сам о себе пишет»»¹⁰.

Таким образом, Солженицын неизменно говорит о необходимости соблюдения нравственных норм, о проблеме ответственности перед собеседником, адресатом в любой профессии и любой ситуации.

Солженицын видит механизмы работы западных СМИ, постоянно перепроверяет их с нравственной точки зрения.

Ответственность, служение и свобода – центральные для Солженицына этико-философские категории. Проблема ответственности рассматривается им не только в общеэстетическом или нравственном аспектах, но и в аспекте «технологии» художнического труда. Проблема ответственности в эстетике Солженицына неотделима от проблемы свободы.

Самоограничение, по Солженицыну, должно распространяться на все стороны жизни человека. Писатель говорит о внедрении самоограничения не только в жизнь отдельного человека, но общества в целом, его социальных (профессиональных) групп (в данном случае – СМИ). А.И. Солженицын выступает за то, чтобы свобода не переходила во вседозволенность: должен быть внутренний «ограничительный нерв», так как «самоограничение есть свобода личности».

Солженицын постоянно призывает к «высокой ответственности», и не только писателей. Не в меньшей степени он мобилизует к этому критиков и журналистов, слово которых технически, масштабами и способами воздействия (посредством СМИ, Интернет) более доступно/частотно для читателя, слушателя, зрителя, особенно молодого поколения.

А.И. Солженицына огорчает уклон современной культуры к массовости. В «очерках изгнания» с сожалением констатируется факт, что в первую очередь западные СМИ, книгоиздательство и книгоротория направлены на массовость, что пагубно для литературы и культуры в целом. Он пишет: «В таких условиях великая литература появиться не может, не ждите, она кончилась – несмотря на неограниченные “свободы”»¹¹.

Когда читаешь размышления Солженицына о западных и советских СМИ, возникает вопрос: какие же свойства присущи журналистике во-

обще, а какие – западной? В итоге приходим к выводу, что выделенные и охарактеризованные А.И. Солженицыным отрицательные черты (напористость, безответственное самовыражение и т.д.) – не свойства журналистики как таковой. Речь здесь идёт о том, что media является зеркалом современного общества. Тут возникает проблема границы: где здесь неизбежность ремесла, где совесть человека, а где грязное политиканство.

Острые суждения А.И. Солженицына о журналистике как таковой и о западной, в частности, ещё будут вызывать несогласия и споры, но, как нам кажется, внимание к этим суждениям поможет, во-первых, *читателям* понять технологии, стратегии, с помощью которых работают современные СМИ, во-вторых, даст возможность *самим СМИ* увидеть свои ошибки и вовремя их исправить.

В завершение приведу слова Александра Исаевича Солженицына, произнесённые им при получении премии «Фонда Свободы» (Стэнфорд, 1 июня 1976): «Подлинно человеческая свобода – есть от Бога нам данная свобода *внутренняя*, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них.

И истинно понимает свободу не тот, кто спешит корыстно использовать свои юридические права, а тот, кто имеет совесть ограничить самого себя и при юридической правоте. Не тот, кто спешит выиграть благоприятный судебный процесс, но кто имеет благородство отказаться от него, – напротив: публично открывать свои промахи или проступки. То, что называлось стародавним и теперь уже странным словом – *честь*»¹².

Примечания

- ¹ *Солженицын А.И.* Из телеинтервью компании CBS (17 июня 1974) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996. С. 92. Далее цитируется это издание, страницы указываются в круглых скобках.
- ² *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 2000. № 9. С. 130.
- ³ *Солженицын А.* Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 103.
- ⁴ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9. С. 48.
- ⁵ *Солженицын А.И.* Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета, 8 июня 1978 // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М., 2001. С. 244. Далее цитируется это издание с указанием страниц в круглых скобках..
- ⁶ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 2000. № 12. С. 126.
- ⁷ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1999. № 2. С. 101.
- ⁸ *Солженицын А.И.* Выступление по английскому радио, Лондон, 26 февраля 1976 // Солженицын А.И. Собр. соч. Т. 7. С. 189.
- ⁹ *Солженицын А.И.* На возврате дыхания и сознания // *Солженицын А.И.* Собр. соч. Т. 7. С. 56.
- ¹⁰ *Солженицын А.И.* Интервью с Хилтоном Крамером, критиком «Нью-Йорк Таймс» (20 апреля 1980) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 538.
- ¹¹ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 11. С. 118.
- ¹² *Солженицын А.И.* Слово при получении премии «Фонда Свободы», Стэнфорд, 1 июня 1976 // Солженицын А.И. Собр. соч. Т. 7. С. 232–233.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 8(73)

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В США

Е.И. Лучина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: luchinae@mail.ru

Статья посвящена классической филологии США XX в. Анализируя опыт пребывания на кафедре классической филологии в Университете штата Мичиган (США), автор рассматривает особенности обучения классическим языкам на разных уровнях и дает обзор основных подходов в преподавании латыни и древнегреческого в стране.

Ключевые слова: классические языки в США, методика преподавания.

Classical Philology in the USA

E.I. Luchina

The article is focused on the fates of Classics Studies in the USA in the XX century and in our times. Reviewing her experience in the Department of Classical Studies, at University of Michigan, the author regards distinctive features of teaching Classics, at different levels, and gives a survey of main approaches in Latin and Ancient Greek pedagogy in the USA.

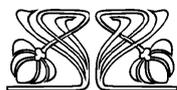
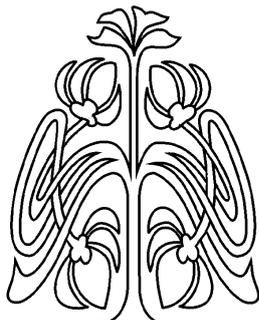
Key words: classical studies in the USA, pedagogy.

Материалом данной статьи служит опыт пребывания в 2006 – 2007 учебном году на кафедре классической филологии Университета штата Мичиган (США) по Программе Фулбрайта. Беседы с профессорами, наблюдения и дискуссии на занятиях и в семинаре по методике преподавания латыни, а также поездка в небольшой частный колледж сформировали представление о положении этой дисциплины в США, которое предлагается ниже.

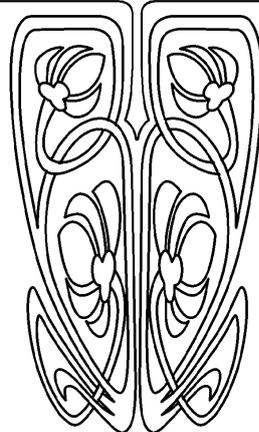
В настоящее время знакомство с классическими языками в американской системе образования происходит еще в школе и часто продолжается в колледжах и университетах, однако история преподавания древних языков в стране не была безмятежной. Переживая взлеты и падения на протяжении почти двух столетий, латынь, база либеральной концепции образования (Liberal Arts), была обязательной дисциплиной в различных образовательных учреждениях вплоть до 1960-х гг., когда произошло резкое сокращение числа студентов, желающих изучать язык.

Согласно исследованию профессора Эдварда Финни¹, такому спаду интереса к классическим языкам способствовало несколько общественных и политических явлений. Во-первых, в шестидесятых годах в рамках геополитического соперничества холодной войны образовательные приоритеты смещаются в сторону естественных и точных наук; во-вторых, внутри собственно гуманитарной сферы ощущается потребность в изучении современных европейских языков, приобретающих важную роль во внешней политике.

Одновременно латынь перестает быть официальным языком Римской католической церкви, а значит, исчезает необходимость в изучении латыни и греческого в религиозных колледжах страны. Косвенно на падение популярности классических языков в США повлияло всеобщее

МЕТОДИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

разочарование в традиционном гуманитарном образовании в годы вьетнамской войны. Так, латынь, а вместе с ней и древнегреческий, долгое время считавшиеся базовыми для либерального образования, оказываются в пренебрежении. Профессия филолога-классика переживает небывалый упадок... Но ненадолго.

Возникший в профессии коллапс поднял вопрос о форме и содержании преподавания классических языков, стал стимулом для обновления. Преподаватели-классики экспериментируют, пересматривая прежние и разрабатывая новые методы и материалы; на второй план отступает грамматико-переводной метод, открывая дорогу методикам обучения чтению оригинальных текстов, новейшим методам, которые применяются в преподавании современных языков (постепенно латынь приобретает в США статус иностранного).

При отсутствии федеральной образовательной политики преподаватели, обеспокоенные судьбой дисциплины, начинают работу с чиновниками, коллегами, родителями и будущими абитуриентами; поднимается мощная волна пропаганды дисциплин классического цикла, идет лоббирование интересов профессии в администрации графств, штатов и государства; создаются общенациональные и региональные профессиональные ассоциации, самыми влиятельными из которых становятся Американская Филологическая Ассоциация и Американская Классическая Лига. Эти последние фактически контролируют рынок труда в профессии, выделяют фонды для открытия программ, учреждают стипендии, устраивают летние школы и т.п.

Сегодня наблюдается подлинный ренессанс профессии филолога-классика. Университетские буклеты перечисляют, как правило, значительное число предлагаемых курсов: от курсов элементарного греческого и латыни до курсов по различным аспектам частной и общественной жизни древних греков и римлян. По данным Американской Классической Лиги, курсы по латинскому языку посещает более полумиллиона американских студентов². При этом более популярной является именно латынь, оказавшая влияние на современные западные языки и цивилизацию в целом не только в античности, но и в средневековье.

Древнегреческий же в силу своей сложности и в некотором смысле «инаковости» западной культуре, которая во многом сформирована католицизмом, оказывается в арьергарде: он остается обязательной дисциплиной, пожалуй, лишь для магистрантов и докторантов, специализирующихся по античности. Поэтому подробнее остановимся на положении в современном американском образовании латинского языка.

В американских средних школах, колледжах и университетах существуют дисциплины обязательные и дисциплины по выбору. Обязательным курсом латынь является в редких случаях, в большинстве же учебных заведений это дисциплина

по выбору, то есть нагрузка и само место преподавателя зависят от количества учащихся, записавшихся на курс. Латинисты оказываются в роли рекрутеров, зачастую согласных и на самых слабых студентов, в соответствии с поговоркой «в шторм любой порт хорош» («any port in a storm»), что неизбежно сказывается на уровне подготовки.

Аудитория латинского класса поражает пестротой – это победители разного рода общенациональных образовательных конкурсов и студенты с различными нарушениями, личности творческие и будущие спортсмены, те, кто не преуспел в изучении современного иностранного языка, и среди них лишь небольшое число решивших связать свою жизнь с классической филологией.

Студенты, выбирающие латынь, руководствуются разными мотивами, например: увеличение активного и пассивного вокабуляра, обеспечивающего высокий балл в SAT (тест по своей роли в жизни абитуриента, но не по сути, близкий ЕГЭ в России); расширение общего лингвистического и историко-культурологического кругозора; интерес к иностранным языкам, вообще свойственный американцам; и наконец, очевидный выбор испаноговорящих студентов, отдающих предпочтение латыни, почтенной прародительнице языков романской группы.

Такой пестрый состав классов и образовательные приоритеты студентов создают латинистам немало трудностей. Объяснение латинской грамматики на английском языке, часто недоступное тем, для кого английский не является родным языком, низкий уровень знаний родного английского и неоднородность классов по уровню лингвистической подготовки заставляет учителей существенно упрощать объяснение грамматических явлений. Другая большая проблема школьного образования – нехватка высококвалифицированных кадров вследствие значительного провала в подготовке филологов-классиков в стране.

Очевидно, что проблемы американских и отечественных латинистов весьма сходны. Наша же главная общая беда – отсутствие у студентов элементарных представлений о строении и функционировании *родного* языка.

Постепенно уровень преподавания *основ* латыни в США снижается до уровня, доступного среднему школьнику. «Классическая филология для всех» – таков лозунг, который может охарактеризовать состояние латыни и древнегреческого в школе. Однако в университетах существуют кафедры классической филологии, где наряду с базовыми латынью и греческим ведутся курсы по отдельным аспектам языка или литературы.

Так, в университете штата Мичиган существуют программы как для бакалавров и магистров, так и для докторантов. Для бакалавров, прежде никогда не изучавших древние языки, предлагается серия последовательных курсов (1 семестр/около 100 часов). Это «Элементарная латынь» («Elementary Latin») в двух вариантах,

затем или помимо них предлагается «Повтор латыни» («Review Latin»), курс, рассматривающий наиболее сложные из пройденных грамматические явления. В этом классе оказываются и те, кто изучал латынь в школе и был помещен сюда по итогам тестирования перед началом учебного года. В случае неуспеваемости студенту могут порекомендовать отказаться от курса или пройти его вновь.

На этом уровне обучения языку как в школе, так и в вузе, важную роль играет выбор учебника. Существует обилие разнообразных по форме и чуть менее разнообразных по концепции учебников³, которые возможно разделить на три группы.

Во-первых, это учебники, основанные на *грамматико-переводном методе* обучения языкам, единственно распространенном в России. После объяснения морфологического материала или синтаксической конструкции студенты отрабатывают их на переводе латинских текстов на английский, и наоборот. Наиболее популярны «Латынь для американцев» Б. Уллмана, «Начала латинского языка» Ч. Дженни и пр. Лучшим же учебником подобного рода на продвинутом уровне называют «Латинский язык» Ф.М. Уилока⁴.

Во-вторых, данные когнитивной психологии послужили стимулом для появления в 1980-х гг. огромного числа учебников, главная цель которых – *чтение*. Студенты должны сначала познакомиться с определенным грамматическим явлением в тексте, догадаться о его сути и значении, и лишь после этого преподаватель дает его точную формулировку и обоснование. Показательным примером учебника данного подхода служат популярные серии «*Esse Romani*» Дж. Лауолла, «*Кэмбриджский курс латинского языка*» Э. Финни и П. Белл и «*Оксфордский курс латинского языка*» М. Болма и Дж. Морвуда⁵. Основанные на новомодном методе, они нацелены на обучение «чтению», но не переводу. Понимание прочитанных, достаточно простых и открыто искусственных, предложений проверяется при ответах на вопросы по-латыни. Большинство американских профессоров-классиков полагают, что подобные учебники упрощают обучение языку, искусственно сближая латынь и английский язык. Так у англоязычных студентов формируют и сознательно культивируют посредством чтения ложное представление о синтаксисе латинского языка и выводят из фокуса внимания понятие о его морфологической системе.

Третий подход к обучению латыни основывается на достижениях бихевиоризма и структурализма. На вооружение берется такой посыл бихевиористов, как усвоение определенных языковых явлений до автоматизма путем многократного их повторения в речевой и письменной деятельности. У структуралистов заимствуется первостепенное внимание к языковым структурам, отличным от структур родного языка.

Данный подход дал начало методике обучения латыни, у истоков которой стоял Уолдо Свит и которая в дальнейшем получила известность как *мичиганская школа*, или *латынь в штате Мичиган*⁶. Характерная черта разработанного Свитом курса заключается в предпочтении горизонтальной парадигмы, которая отражает формы одного определенного падежа у имен всех склонений, парадигме традиционной, которая дает все формы имен в каждом из типов склонения. Здесь на первый план вполне обоснованно выступают формы именительного падежа (подлежащее) и винительного падежа (прямое дополнение).

Такая парадигма обусловлена влиянием структуралистов и методов преподавания современных языков. В большой степени смещение акцентов с морфологии на синтаксис объясняется и особенностями английского языка с его слаборазвитой системой флексий и строго фиксированным порядком слов, когда в предложении за определенной синтаксической функцией закреплено определенное место.

Последовательница Свита Герда Селигсон пошла дальше и разработала методику *метафразирования*. По ее мнению, горизонтальные парадигмы эффективны для штудирования грамматики, но знание правил, как известно, не избавляет студентов от нелепых ошибок при чтении, поэтому главную роль в чтении текста Селигсон отводит его морфосинтаксическому анализу. По сути, метафразирование – это последовательное замещение структурных элементов латинского предложения структурными элементами, характерными для грамматически верного предложения в английском языке.

Продолжая педагогические разработки Свита и Селигсон в Университете штата Мичиган, доктор Дебора П. Росс использует на своих занятиях обучение чтению, в основе которого лежит понятие о морфосинтаксических ожиданиях.

Доктор Росс утверждает, что чтение латинского текста – естественный *линейный* процесс, разворачивающийся слева направо, и предлагает ряд стратегий для разбора и понимания предложения. Встречая первое слово в латинском предложении, вы формируете некоторые предположения (но не окончательное представление из-за высокой омонимии форм) о его морфосинтаксическом значении. Следующее по порядку слово подтверждает, изменяет или опровергает ожидания, вызванные предыдущей формой. Эта словоформа вызывает дальнейшие ожидания и т.д. Начало же следующего предложения логически продолжает подтверждать или опровергать ожидания, сформированные предыдущим.

Данные подходы демонстрируют очевидные смещения акцентов в методологии преподавания латинского языка в Соединенных Штатах: на смену модели, построенной на представлении о том, что обучение есть накопление знаний, приходит модель, построенная на понимании того, что обучение есть активная деятельность студента,

предполагающая развитие всех его личностных качеств. Так, в русле общих тенденций в американской системе образования программы по древним языкам призваны развивать мотивационно-ценностные и когнитивные ориентации учащихся, а также формировать у студентов компетентность и готовность к последующей профессиональной деятельности.

Таков диапазон методов преподавания латыни на начальном уровне. Далее бакалавры приступают к чтению авторов: Вергилия, Ливия, Цицерона, Катутлла и др. Программы же для магистров и докторантов предполагают спецкурсы чрезвычайной сложности и глубины исследования.

Так, например, в курсе оксфордского профессора Дирка Оббинка магистранты и будущие доктора читают, внимательно изучают и едва ли не всесторонне комментируют отдельные отрывки поэмы Лукреция «О природе вещей». В ходе курса проводится несколько проверочных работ на знание лексики, понимание различных грамматических и стилистических явлений у Лукреция. В завершение студенты готовят исследование на одну из предложенных тем в аспектах литературоведения, истории, культурологии или философии, а также пишут экзаменационную работу.

Для магистрантов по некоторым программам и для всех докторантов обязательен двухсеместровый курс древнегреческого языка, преподавание которого при нескольких разных учебниках все же остается традиционным, а знания студентов поражают глубиной. Для полноты картины подготовки специалистов по классической филологии в США упомянем и список обязательной литературы для докторантов: в Мичигане он включает 18 латинских авторов и 20 древнегреческих. По окончании двухлетней подготовки докторанты сдают квалификационный экзамен, проверяющий навыки чтения и анализа древних текстов.

Подведем итоги: преподавание латыни и древнегреческого в США – многоаспектное, разноуровневое, обусловлено общественными явлениями, тенденциями в преподавании современных языков, а также научными достижениями. Перед лицом серьезных изменений в российском университетском образовании ситуация с классическими языками в США должна привлечь заинтересованное внимание отечественных специалистов-классиков при пересмотре концепции и принципов их преподавания на всех уровнях.

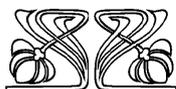
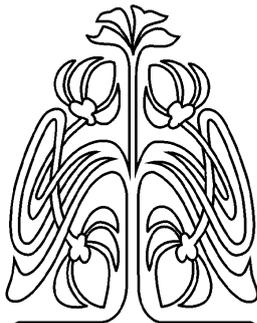
Примечания

- ¹ См.: *Phinney Ed.* The Classics in American Education // *Classics: A Discipline and Profession in Crisis?* Lanham, MD: Univ. Press of America. 1989. P. 77–87.
- ² См.: *LaFleur, Richard A.* Classical Language Enrollments in the Colleges and Schools // *Classical Outlook*. V. 69. 1992. P. 120–121.
- ³ См.: *Sebesta Judith Lynn.* Survey of Textbooks in Greek and Latin: 1996 Survey. *CW* 89. 1996. P. 259–312.
- ⁴ *Ullman B.L. et al.* Latin for Americans. Books 1–3. 8th ed. New York, N.Y.; 1997; *Jenney, Charles Jr. et al.* First Year Latin and Second Year Latin. Englewood Cliffs, NJ, 1990; *Wheelock, Frederic M.* Wheelock's Latin. 5th ed. Richard A. LaFleur ed. New York, N.Y., 1995.
- ⁵ *Lawall Gilbert, Ronald B. Palma, David J. Perry.* Ecce Romani: A Latin Reading Program. Books 1–3. 2nd ed. Glenview, IL, 1994–95; *Phinney Ed, Bell Patricia.* The Cambridge Latin Course. Units 1–4. North American 3rd ed. New York, N.Y., 1988–91; *Balme Maurice, James Morwood.* Oxford Latin Course. Parts 1–3. 2nd ed. New York, N.Y., 1996–97.
- ⁶ См.: *Knudsvig G.M. et al.* Latin for Reading: A Beginner's Textbook with Exercises. 2nd ed. Ann Arbor, MI. 1986.

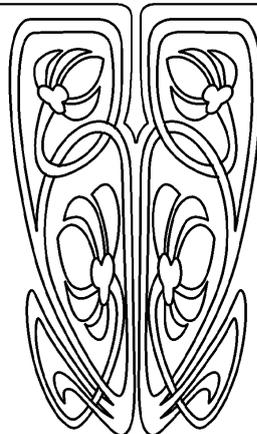

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Чтобы вас понимали: Культура русской речи и речевая культура человека: Учеб. пособие / Под. ред О.Б. Сиротиной. М.: Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 272 с. ISBN 978-5-397-00226-4

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

В начале 2009 г. вышла в свет под редакцией профессора О.Б. Сиротиной книга «Чтобы вас понимали» с подзаголовком «Культура русской речи и речевая культура человека». Большинство авторов этой книги – члены кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ. Это учебное пособие для самого широкого круга читателей, для всех тех, кого волнуют проблемы, связанные с культурой речи, кто заботится об эффективности и гармоничности речевого взаимодействия, во многом зависящих от уровня речевой культуры общающихся. В книге найдут полезные практические советы по культуре речи представители самых разных социально-профессиональных групп: представители органов государственного управления, бизнесмены, журналисты, учителя, врачи. В ней даются рекомендации по культуре речи в официальном и неофициальном (случайном на улице, дружеском, семейном общении), в письменной и устной форме, которые помогут достичь успеха в речевом общении, избежать коммуникативных неудач.

В основу книги положены изданные в Саратове в конце 1990-х гг. прошлого века брошюры в серии «Русский язык и культура общения». За 10 лет, прошедших со дня их выпуска, в стране произошли и продолжают происходить большие перемены в общественно-политической, экономической, нравственной, культурной жизни общества. Эти коренные перемены не могли не сказаться на речевом поведении ее граждан, которые все больше осознают свое важное место в общественно-политической жизни, формируют и выражают собственные оценки происходящих событий. Все это не могло не сказаться на общем уровне речевой культуры и даже позволило исследователям говорить о деградации, варваризации, вульгаризации русского языка: в речь проникли жаргонизмы, просторечия, инвективы, жанры неофициальной речи, разговорные конструкции и пр. Общее снижение культуры общества, в том числе и речевой культуры, безусловно, вызывает волнение за судьбу русского языка и речевую культуру общества. Эти соображения и определили желание сделать книгу о культуре речи и учесть в рекомендациях по эффективному общению те изменения, которые произошли в последнее десятилетие.

Основная идея книги заключается в утверждении, что русский язык предоставляет тем, кто умеет им пользоваться, богатейшие возможности для выражения самых тонких оттенков смысла, для точной и полной информации об окружающем мире, для успешного воздействия на собеседника, для решения самых сложных коммуникативных задач. Каждый может использовать эти возможности для эффективного речевого взаимодействия.

Книга дополнена новым материалом, многие разделы ее коренным образом переработаны, некоторые написаны заново. Вне доработки осталась только часть «Пойми меня правильно», написанная доктором филологических наук, профессором Саратовского университета Г.Г. Полищук в которой автор размышляет о том, насколько умело мы используем богатейшие словесные и стилистические возможности родного языка, почему делаем те или иные ошибки в своей речи. Богатство русского языка – его словарь, который постоянно пополняется за счет взаимообмена средств пассивного (устаревших слов) и активного запаса, взаимодействия русского с другими языками. Интересно ее замечание по поводу употребления иностранных слов, распространение которых во многом отражает новые жизненные реалии: «Без иностранных слов нам не обойтись там, где еще не найдены соответствующие русские обозначения или значение иностранного слова более точно передает суть дела. Кроме того, само по себе существование разных слов с близким значением дает возможность варьировать способы выражения мыслей, а вариативные средства являются показателем богатства языка». Эти слова, сказанные десять лет назад, особенно значимы сейчас, когда процесс заимствования, чаще всего из английского языка, особенно активен и вызывает возмущение многих.

Ценными для заботящихся о культуре своей речи являются размышления Галины Георгиевны о причинах появления ошибок, затрудняющих общение, о засорении языка «словесным мусором». Они сопровождаются множеством интереснейших примеров.

В других разделах первой главы читатель найдет множество практических советов, которые помогут избежать ошибок, связанных с различными нарушениями языковых норм. В разделе «Культура речи и речевая культура человека», написанном О.Б. Сиротининой, дается определение понятия «культура речи» и характеристика разных типов речевой культуры. Раздел «Как правильно?» открывается замечательным высказыванием Д.С. Лихачева, которое могло бы послужить эпиграфом ко всей книге: «Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры». В разделах «Нормы произношения» и «Грамматические нормы» особенно полезными читателям книги будут мини-словарики типичных трудностей в произношении и формообразовании, а также практические задания «Проверьте себя». В разделе о порядке слов формулируются основные правила порядка слов

Вторая глава книги «Культура речи и профессия» содержит сведения о типах речевой культуры в профессиональной деятельности человека. Отдельный раздел посвящен требованиям к речи лиц, работающих в органах власти. В разделах об особенностях делового общения даются рекомендации по деловому этикету и литература по речевому этикету. Отдельные параграфы этой главы содержат рекомендации по культуре речи и правилам речевого поведения учителей, врачей, журналистов. В заключении книги помещены общие советы по культуре речи для всех читателей: «Советуем помнить, что сомневаться в своих знаниях не только не стыдно, но даже необходимо. Ни один человек не может знать все, но важно понимать ограниченность своих знаний, и стремиться их расширить, проверить и запомнить узнанное».

В конце книги приложен текст Закона о государственном языке РФ и тексты пословиц, поговорок и высказываний писателей о русском языке, составленные Г.Г. Полищук.

Безусловно, принесут пользу читателям книги тесты для самопроверки своего уровня речевой культуры, состоящие из двух частей: тесты на правильность речи и тесты на владение культурой речевого поведения в сфере делового общения. Таким образом, можно надеяться, что каждый читатель найдет для себя в этой книге полезную и нужную информацию.

М.А. Кормилицына

Проблемы филологического образования: сб. науч. трудов / Под ред. А.Б. Щербакова. — Саратов: Изд-во «ИП Баженов», 2009. — Вып. 2. — 220 с. ISBN 978-5-904445-01-0.

Сборник подготовлен кафедрой начального языкового и литературного образования Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского и посвящен

30-летию факультета педагогики, психологии и начального образования.

Сборник состоит из трех разделов: «Вопросы начального языкового и литературного образования», «Совершенствование преподавания словесности в школе и вузе», «Актуальные проблемы современной филологии».

Статьи первого раздела носят в основном методический характер и затрагивают проблемы альтернативных программ и учебников для начальной школы (Е.Г. Мерещко, И.А. Тарасова), преподавания отдельных разделов курса русского языка в начальных классах (В.В. Бардакова, Н.И. Наумова), обогащения словаря младших школьников (О.С. Арямова, С.Ф. Галева, Н.В. Павлова, З.С. Патралова, Е.А. Фролова), формирования литературоведческих навыков (С.А. Кислинская, Н.А. Серкова). Теоретические вопросы, связанные со своеобразием языковой картины мира ребенка, обсуждаются в публикациях Т.В. Грिдневой, Т.В. Салашник, Т.Г. Фирсовой.

Во втором разделе рассматриваются различные аспекты речевого развития школьников и студентов (Т.А. Бочкарева, Б.Г. Утешкалиева, Ю.О. Бронникова, И.В. Шешнева), пути анализа художественного произведения в школьной и вузовской практике (О.Я. Гусакова, Л.В. Долженко, Т.Н. Козина, Р.А. Топтыгина).

В третьем разделе представлены статьи, посвященные специфике отдельных писательских идиостилей (Е.Н. Горбунова, Н.Г. Борисова, А.Н. Зорин, Е.П. Князева, Н.В. Мокина, Г.А. Щербаков), общим принципам филологического анализа текста (О.Ю. Авдвинина, Т.Е. Качанчук), историко-литературным (Т.Д. Белова, А.Б. Щербаков) и функционально-стилистическим проблемам (А.П. Сдобнова).

Издание адресовано филологам, преподавателям педагогических вузов и колледжей, учителям школ, студентам, аспирантам.

И.А. Тарасова

Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Л.И. Сокиркиной. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. — Вып. 6. — 180 с. ISSN 1817-3241.

В основу статей специального выпуска сборника научных трудов «Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе» (выпуск 6) легли материалы международной научно-практической конференции «Перевод: теория и практика в контексте вузовского образования». Конференция состоялась 25–26 сентября 2008 года в Саратовском государственном университете на базе кафедры английского языка и межкультурной коммуникации.

В конференции приняли участие исследователи из Саратова, Пензы, Москвы, Уфы, Уральска (Казахстан). Авторы опубликованных статей освещают актуальные вопросы переводоведения и методики преподавания перевода в высших учебных заведениях. Представленные материалы распределены по трем рубрикам: «Межкультурный компонент подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации», «Преподавание иностранных языков и перевода: взаимодействие

подходов, методик и технологий» и «Лингвистические и культурологические проблемы перевода».

Для специалистов в области лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков и перевода.

Н.И. Иголкина

Зайцева М.А., Захарова М., Иголкина Н.И., Калинина Н.А., Казакова М.В., Коляда Л.А., Пивуева Ю.В., Пыжонков С.В. На пути в научную библиотеку: Учеб. пособие для студ. естественно-науч. спец. ун-та. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – 364 с. ISBN 978-5-292-03860-3.

Учебное пособие предназначено для развития у студентов естественнонаучных специальностей умений читать специализированную литературу на английском языке. Цель учебного пособия – формирование у студентов разных видов чтения литературы по специальности на английском языке и расширение их лексического запаса за счет усвоения терминов и общенаучной лексики.

Пособие состоит из восьми модулей, каждый из которых может использоваться для подготовки специалистов по английскому языку в рамках одного из естественнонаучных направлений: биология, геология, математика, информационные технологии, нано- и биомедицинские технологии, химия, физика и нелинейные процессы. Модули состоят из семи разделов, в свою очередь тексты, предложенные в каждом из них, сгруппированы вокруг определенной темы.

Необходимо отметить, что в условиях приоритета междисциплинарных подходов к решению научных задач данное пособие приобретает особую актуальность, так как может использоваться для освоения студентами языка смежной специальности. Умение читать литературу по смежной специальности позволяет существенно расширить диапазон используемой оригинальной литературы для решения производственных и научно-исследовательских задач.

При разработке учебного пособия использовались подходы, которые соответствуют подходам к обучению/изучению иностранных языков, изложенным в монографии «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка».

Материалы данного издания могут быть использованы для обучения студентов естественно-научных факультетов университетов и для тех, кто при поступлении в магистратуру или аспирантуру сменил специальность и кому предстоит освоить язык новой специальности, чтобы эффективно использовать англоязычную специализированную литературу.

Разработка пособия осуществлялась в рамках инновационной образовательной программы Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского.

Н.И. Иголкина

Иванова Е.А. Творчество В. Шершеневича: теоретические декларации и поэтическая практика / Науч. ред. А.И. Ванюков. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. – 144 с. ISBN 978-5-91272-569-3.

В монографии Е.А. Ивановой «Творчество В. Шершеневича: теоретические декларации и поэтическая практика» представлен системный анализ творчества поэта в свете теоретических деклараций, моделирующих его поэтику. Трансформация его художественного сознания соотнесена с ведущими поэтическими направлениями начала XX века – символизмом и футуризмом.

Первая глава исследования обращена к ранним опытам В. Шершеневича с целью выявить доминирующие черты его поэтической системы. Одна из них – принцип иносказательности. Во второй главе, посвященной футуристическому периоду творчества поэта, рассматривается природа постепенных и взрывных изменений структуры его поэтической личности. В третьей главе, посвященной имажинистским экспериментам В. Шершеневича и отчасти захватывающей постимажинистский период его творческой деятельности, рассматривается специфика теоретических деклараций В. Шершеневича в сопоставлении с художественным творчеством поэта в футуристический и имажинистский период, выявляется общность и различие поэтико-теоретических позиций В. Шершеневича и ведущих представителей имажинизма (С. Есенина и А. Мариенгофа).

Вопреки декларациям В. Шершеневича имажинизм был в большей степени продолжением, чем отрицанием футуризма. Поэт пытался «преодолеть футуризм» способами, традиционными для футуризма. Акцентируя внимание на «искусственности искусства», апеллируя исключительно к рациональной сфере человеческого сознания, В. Шершеневич стремился создать эстетическую систему, в которой законы творчества и рецепции устанавливал бы сам автор. Теоретические декларации В. Шершеневича воплотились в его поэтическом творчестве лишь частично. Логика развития его поэтической личности вступила в противоречие с основными тезисами его эстетической теории.

Издание рекомендуется для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов и всех интересующихся русской литературой.

Бердникова Т.В. Болгарский язык. Упражнения: Учеб. пособие для студентов, изучающих болгарский язык. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – 56 с. ISBN 978-5-91272-801-3

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов филологических факультетов, изучающих курс «Современный славянский язык (болгарский язык)». Пособие дает студентам возможность изучать язык как самостоятельно, так и проверять свои знания. Оно содержит различные задания и упражнения, тексты, грамматические объяснения, в которых анализируются морфологические и синтаксические проблемы современного болгарского литературного языка.

Учебное пособие состоит из предисловия, введения, 4-х контрольных работ, каждая из которых содержит четыре варианта, и два приложения: грамматика и тексты.

В предисловии обозначены цели и задачи, которые ставит перед собой автор. Здесь же представлена и литература, которая была использована в пособии.

Краткие сведения об историческом развитии болгарского языка, такие как общее представление о болгарской азбуке в сравнении с русским языком, студенты найдут во введении.

Контрольные работы имеют четкую структуру, которая последовательно представлена во всех четырех вариантах. Т.В. Бердникова уделяет особое внимание переводу. Каждая контрольная работа начинается с оригинального, неадаптированного текста на болгарском языке, который необходимо письменно перевести на русский язык. Это упражнение №1 в четырех вариантах отдельных контрольных работ. Второе упражнение также связано с переводом. Автор предлагает список слов на болгарском языке, соответствия которым необходимо найти в списке слов на русском языке.

В следующих упражнениях языковой материал, включенный в контрольные работы, организован в систему упражнений, которые связаны с определенными грамматическими проблемами.

В четырех вариантах первой контрольной работы упражнения направлены на проверку спряжения глагола «быть» в настоящем времени, спряжения болгарского глагола и форм именительного падежа личных местоимений. Последнее упражнение, не только здесь, но и во всех контрольных работах, представляет собой письменную творческую работу на определенную тему, для которой везде указывается объем.

Во второй контрольной работе разработаны упражнения, направленные на изучение имени существительного – род, число, артикль; имени прилагательного – согласование, артикль; кратких форм винительного падежа личных местоимений.

«Прошедшее совершенное время», «прошедшее несовершенное время», вид глагола – объект изучения третьей контрольной работы, а формы повелительного наклонения, степени сравнения прилагательных и особенности употребления будущего времени представлены в вариантах четвертой контрольной работы. Здесь же обращается особое внимание на трансформацию прямой речи в косвенную речь.

Таблицы по грамматике, включенные в приложения в конце учебного пособия, особенно полезны и помогут студентам выполнить упражнения. В таблице в сокращенном виде и с привлечением кратких правил представлены основные грамматические категории глагола – спряжение вид, время, наклонение; существительного и прилагательного – род, число, артикль. В грамматической системе для личных местоимений представлены такие формы, как формы именительного, винительного, дательного падежей, последние из которых являются краткими формами притяжательных местоимений. В отдельную таблицу включены вопросительные, неопределенные и отрицательные местоимения, классифицируемые по лицам и признакам. В

заключении приложения «Грамматика» представлены трансформации прямой речи в косвенную для повествовательных и вопросительных предложений.

После грамматики в приложении представлено несколько текстов на болгарском языке, связанных с историей, бытом и традициями болгарского народа. Это хорошая возможность для студентов читать тексты на болгарском языке в оригинале и обогащать свой словарный запас.

Организованный «от простого к сложному» языковой материал позволяет автору успешно достичь своей цели, и учебно-методическое пособие может быть полезно не только студентам филологических факультетов, но и всем, более углубленно изучающим болгарский язык.

Правда Цанкова-Кънева,
гл. ассистент Департамента языкового обучения
Софийского университета
«Св. Климент Охридский» (Болгария)
(пер. Т.В. Бердниковой)

Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых: В 3 ч. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. – Вып. 12. 336 с. ISSN 1997–3098.

Сборник статей молодых ученых «Филологические этюды» (Вып. 12) составлен по материалам Всероссийской конференции «Филология и журналистика в начале XXI века», проходившей в апреле 2008 года.

Конференция была посвящена 100-летию профессора П.А. Бугаенко, что определило проблематику статей, открывших первый том издания: статьи профессора Л.Е. Герасимовой «Дело жизни П.А. Бугаенко», кандидат филологических наук И.С. Похазникова «Жанр романа в журнальном контексте («Наталья Тарпова» С. Семенова в журнале «Молодая гвардия»)» и старшего преподавателя А.В. Зюзина «Литературно-краеведческая персоналия». Далее материалы традиционно были представлены в трех частях (литературоведческой, журналистской и лингвистической).

Состав сборника отражает широту интересов молодых учёных, владение различными методами филологического анализа и разнообразие материала исследования.

Работы выполнены на материале русского, английского, французского, немецкого, литовского, турецкого языков, а также использованы источники старославянского, древнерусского языков. При этом были рассмотрены тексты русских рок- и рэп-поэтов, идиоматика, социальные варианты языка (литературный язык, просторечие, молодёжный и общий жаргоны).

Исследования молодых ученых-филологов построены как на фольклорном материале, так и на произведениях русской и мировой литературы XVIII–XXI вв. в области эпоса, лирики, драмы, литературной критики, публицистики, материалах, почерпнутых из средств массовой информации, рекламы, Интернета, песенников, устной разговорной речи, а кроме того – данных словарей, результатов ассоциативных экспериментов.

Стоит отметить возобновляющийся интерес к филологическому анализу театральных постановок и кинемато-

графических экранизаций художественных произведений. При работе с зарубежными (не переведенными на русский язык) источниками авторы статей предложили свои переводы художественных текстов и научной литературы.

Часть I включает три раздела: «Проблематика и поэтика художественного текста: идеи, мотивы, образы», «Проблемы литературного диалога», «Теория. Эстетика. Критика. Художественная рецепция».

В центре внимания Части II – история, теория и практика журналистики и книгоиздательства.

В часть III, посвященную актуальным вопросам лингвистики, вошли такие разделы, как «Лексика и семантика», «Языковая картина мира», «Язык писателя», «Стилистика», «Психолингвистика, прагмалингвистика», «Дискурс», «Коммуникативные жанры», «Речевое общение», «Язык СМИ», «Язык рекламы и Интернета».

Молодые ученые-филологи Саратовского университета постоянно находятся в диалоге с коллегами других российских вузов. Об этом свидетельствует и рекордное число иногородних участников сборника – 29. Всего в двух книгах опубликовано 147 статей.

Отметим, что двенадцатые «Филологические этюды» стали вторым выпуском, вышедшим в статусе серийного издания (ISSN 1997-3098).

По мнению рецензента сборника – доктора филологических наук, профессора Ирины Анатольевны Тарасовой – «Филологические этюды» сегодня – это два объёмных тома, более чем по 300 страниц каждый; это обширная география участников; это 14 тематических разделов, представляющих основные направления филологической науки; это современные методы исследования и актуальные научные концепции; это реальная возможность апробации результатов своей научной работы как для студентов, так и для аспирантов. «Филологические этюды» позволяют молодым ученым совершенствовать технику исследовательского мастерства, знакомиться с научным контекстом, в который вписываются их гипотезы, искать единомышленников среди представителей различных научных школ отечественной филологии.

Г. Алтынбаева, Т. Бердникова, Д. Калуженина

А.И. Солженицын и русская культура: сб. науч. трудов. Вып. 3 / Отв. ред. и сост. проф. Л.Е. Герасимова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – 203 с. ISBN 978-5-91272-897-6.

20–21 ноября 2008 года в Саратовском государственном университете состоялась Третья всероссийская научная конференция «А.И. Солженицын и русская культура». Конференция готовилась как приношение к юбилею великого писателя, но была посвящена уже его памяти. Учёные-гуманитарии разных городов представили различные направления в изучении наследия А.И. Солженицына: «А.И. Солженицын и русская литература XIX – XXI веков», «Язык А.И. Солженицына и его лингвистические штудии», «А.И. Солженицын и русская религиозная философия», «Историософские и религиозные взгляды А.И. Солженицына», «Писатель и его читатели в движении времени».

Работы участников конференции – литературоведов, лингвистов, историков, философов, культурологов – определили состав предлагаемого научного сборника, который является продолжением двух предыдущих выпусков: межвузовского сборника научных трудов «А.И. Солженицын и русская культура» (отв. редактор и составитель проф. А.И. Ванюков. Саратов, 1999) и «А.И. Солженицын и русская культура: Научные доклады» (Саратов, 2004), изданных по результатам двух научных конференций в Саратовском университете.

В первом разделе сборника рассматриваются актуальные проблемы историософии, политософии А.И. Солженицына в контексте XX века, художественное выражение религиозно-философской концепции бытия А.И. Солженицына. Во втором разделе внимание исследователей сосредоточено на языке писателя, его новаторстве в соотношении с традицией. Третий раздел сборника включает статьи, посвящённые отдельным произведениям А.И. Солженицына или сопоставляющие его художественный мир, его эстетические принципы с творчеством писателей XX века.

Издание адресовано филологам, историкам, культурологам, всем, кто интересуется творчеством А.И. Солженицына.

Л. Герасимова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы XX века Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Байкулова Алла Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Банникова Инесса Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Качалова Наталия Александровна, ассистент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного социально-экономического университета.

Клоков Василий Тихонович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Коневец Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета.

Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Кузнецова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков Педагогического института Саратовского государственного университета.

Лучина Екатерина Ивановна, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и журналистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Майтова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры «Иностранные языки» Саратовского государственного аграрного университета.

Медведева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Мурзаева Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Рязанова Елена Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Соколова Ольга Владимировна, ассистент кафедры английского языка Педагогического института Саратовского государственного университета.

Суворов Андрей Александрович, ассистент кафедры общего литературоведения и журналистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Трещева Елена Геннадьевна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Усик Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета.

Фирсова Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования факультета педагогики, психологии и начального образования Педагогического института Саратовского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Altynbayeva Gulnara Monerovna, candidate of philology, teacher of the 20th Century Russian Literature Department of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Baikulova Alla Nikolayevna, candidate of philology, docent of the Department of the Russian Language and Speech Communication of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Bannikova Inessa Aleksandrovna, candidate of philology, docent of the English Philology Department of Saratov State University.

Kachalova Nataliya Aleksandrovna, teacher of the Department of Translation Studies and Cross-cultural Communication of Saratov State Socio-Economic University.

Klokov Vasily Tikhonovich, PhD, professor, head of the Roman Philology Department of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Konevets Svetlana Nikolaevna, candidate of philology, docent the Public Relations Department of Saratov State Socio-Economic University.

Kormilitsyna Margarita Anatolyevna, PhD, professor, head of the Department of the Russian language and Speech Communication of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Kuznetsova Elena Valeryevna, candidate of philology, docent of the Roman Languages Department of the Pedagogical Institute Saratov State University.

Luchina Ekaterina Ivanovna, senior teacher of the Department of World Literature and Foreign Press of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Maitova Anna Vladimirovna, candidate of philology, teacher of the Foreign Languages Department of Saratov State Agricultural University.

Medvedeva Tatyana Nikolaevna, candidate of philology, docent of the Department of Language History and Theory and Applied Linguistics of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Murzaeva Yulia Evgenyevna, candidate of philology, docent of the English Philology Department of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Ryazanova Elena Vasilyevna, candidate of philology, docent of the English Language and Cross-cultural Communication of Saratov State University.

Sokolova Olga Vladimirovna, teacher of the English Language Department of the Pedagogical Institute of Saratov State University.

Suvorov Andrey Aleksandrovich, teacher of the Department of Literary Studies and Journalism of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Treshcheva Elena Gennadyevna, teacher of the Department of Language History and Theory and Applied Linguistics of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Usik Elena Gennadyevna, candidate of philology, docent of the German Philology Department of the Institute of Philology and Journalism of Saratov State University.

Firsova Tatyana Gennadyevna, candidate of philology, docent of the Department of Elementary Language and Literature Education of the Pedagogical Institute of Saratov State University.

Подписка на I полугодие 2010 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

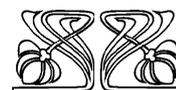
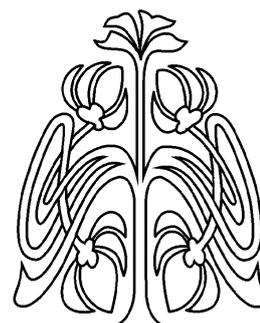
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 275 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

